

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 48 НОЯБРЬ 1981

**БОНН, 23 НОЯБРЯ
1981 ГОДА**

Проводы на аэродроме.

ВИЗИТ В ФЕДЕРАТИВНУЮ

ОТЪЕЗД ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В ФРГ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

1923 года

№ 48 (2837)

28 НОЯБРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отбыл 22 ноября из Москвы в Федеративную Республику Германии с визитом по приглашению Федерального канцлера ФРГ Г. Шмидта.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым отбыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Советского Союза, товарища Л. И. Брежнева провожали члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соколов, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, В. И. Долгих,

М. В. Зимянин, К. В. Русаков, члены ЦК КПСС К. М. Боголюбов, Б. П. Бугаев, В. Ф. Мальцев, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, Г. К. Цинев, Г. Э. Цуканов, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС В. А. Голиков, М. Холов, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС С. А. Лосев, В. М. Фалин, референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

В ФРГ отбыли также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец, заведующий отделом МИД СССР А. П. Бондаренко.

В числе провожавших были временный поверенный в делах ФРГ в СССР Х. Хубер, дипломатические сотрудники посольства ФРГ.

Фото М. Скурихиной

РЕСПУБЛИКУ ГЕРМАНИИ

ПРИБЫТИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В ФРГ

22 ноября Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прибыл в Федеративную Республику Германии.

Вместе с ним прибыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов.

В аэропорту Кёльн-Бонн у трапа самолета Леонида Ильича Брежнева приветствовали Г. Шмидт, вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, посол СССР в ФРГ В. С. Семенов.

Высокого советского гостя встречали также руководитель ведомства печати и информации правительства ФРГ, статс-секретарь К. Беккер, статс-секретари МИД ФРГ Б. фон Штаден и Г.-В. Лаутеншлагер, посол ФРГ в СССР А. Майер-Ландрут.

Л. И. Брежнев сердечно приветствовали сотрудники посольства

ва СССР, других советских учреждений в ФРГ. Дети преподнесли Леониду Ильичу цветы.

Вместе с Л. И. Брежневым в ФРГ прибыли также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец, заведующий отделом МИД СССР А. П. Бондаренко.

Л. И. Брежнев и Г. Шмидт, А. А. Громыко и Г.-Д. Геншер в автомашинах, сопровождаемых эскортом мотоциклистов, направились в замок Гимних, где будут находиться советские гости во время пребывания в ФРГ.

По прибытии в замок Гимних между Л. И. Брежневым и Г. Шмидтом состоялась краткая беседа, прошедшая в дружественной обстановке.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ВСТРЕЧИ Л. И. БРЕЖНЕВА

23 ноября состоялась торжественная церемония официальной встречи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, прибывшего с визитом в Федеративную Республику Германии.

На официальной встрече присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, другие советские официальные лица, прибывшие с Л. И. Брежневым, а также посол СССР в ФРГ В. С. Семенов.

Леонида Ильича Брежнева тепло встречал Федеральный канцлер Гельмут Шмидт. Они представили друг другу официальных лиц с обеих сторон.

Во встрече Л. И. Брежнева принимали участие вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, министр хозяйства О. Ламбсдорф, руководитель ведомства Федерального канцлера, статс-секретарь М. Ланштейн, государственный министр в ведомстве Федерального канцлера Г. Хуонкер, видные деятели политических партий, представители западногерманской общественности, а также заведующий протокольным отделом МИД СССР Д. С. Никифоров и заведующий протокольным отделом МИД ФРГ Г.-В. фон Финкенштейн.

Перед началом переговоров.

ВИЗИТ В ФЕДЕРАТИВНУЮ

ПЕРЕГОВОРЫ Л. И. БРЕЖНЕВА С Г. ШМИДТОМ

23 ноября в Бонне начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Федеральным канцлером ФРГ Г. Шмидтом. В них приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер. Приветствуя советского гостя, канцлер Г. Шмидт подчеркнул большое значение начинающихся переговоров и наличие, несмотря на имеющиеся различия во взглядах и интересах, обоюдной заинтересованности СССР и ФРГ в сохранении мира и развитии сотрудничества.

Л. И. Брежнев выразил удовлетворение фактом встречи, подчеркнул, что руководителям СССР и ФРГ есть что сказать друг другу, особенно в такое сложное и полное тревог время, какое мир переживает сейчас. Л. И. Брежнев подчеркнул, что он разделяет мнение Г. Шмидта о характере отношений между СССР и ФРГ как отношений добрососедства и

партнерства. Это предполагает и полную откровенность и готовность прямо, без обиняков сказать о том, что сегодня тревожит каждую из сторон, готовность вместе добросовестно и непредвзято поискать выход из сложившихся ситуаций.

В ходе переговоров были обсуждены международные проблемы, представляющие взаимный интерес. Л. И. Брежнев предложил сосредоточиться на главном: как отвести угрозу, нависшую над Европой в связи с планами размещения новых видов американских ракет. Подчеркивалось, что СССР, как и прежде, считает наличие примерного равенства и паритета достаточным для обеспечения обороны и намерен исходить на открывающихся 30 ноября в Женеве переговорах с США из этого принципа.

Л. И. Брежнев высказал ряд конкретных соображений относительно возможных направлений поиска взаимоприемлемого решения. Он отметил значение договоренности о моратории, дополнив это предложение существенными моментами. Л. И. Брежнев подчеркнул намерение проявить

конструктивный подход на предстоящих переговорах в Женеве и выразил надежду, что такой подход встретит понимание и будет должным образом оценен в Вашингтоне и Бонне.

Г. Шмидт изложил свои соображения и оценки относительно ограничения ядерных вооружений в Европе. Он заявил, что ФРГ остается партнером Советского Союза в деле поддержания мира. Федеральный канцлер высказался за продолжение диалога и расширение сотрудничества между Востоком и Западом, отметил, что в рамках своей ответственности ФРГ готова внести свой вклад в позитивное формирование международного развития. В ходе беседы канцлер отстаивал так называемое двойное решение НАТО, которое предусматривает возможность дополнительного размещения американского оружия средней дальности в Европе.

Л. И. Брежнев высказал отношение СССР к решению администрации Рейгана о производстве нейтронного оружия, а также к развернутой в США кампании, по существу оправдывающей и обо-

сновывающей «допустимость» ядерных войн, прежде всего в Европе. Л. И. Брежнев подчеркнул, что размещение нейтронного оружия в Европе создаст острую опасность, оно снизит ядерный порог, увеличит тем самым риск развязывания ядерного конфликта.

Внимание западногерманских руководителей было привлечено к внесенному Советским Союзом в ООН предложению объявить тягчайшим преступлением против человечества применение ядерного оружия первыми.

В ходе обмена мнениями обеими сторонами отмечалась необходимость продолжения переговоров между СССР и США по ограничению стратегических наступательных вооружений.

Были обсуждены также некоторые важные международные вопросы, касающиеся Ближнего Востока и других районов мира. С обеих сторон была подчеркнута необходимость содействовать мирному урегулированию конфликтов, создающих серьезную угрозу всеобщему миру и безопасности народов. Была подтверждена приверженность раз-

В ЧЕСТЬ ВЫСОКОГО ГОСТЯ

23 ноября Федеральный канцлер ФРГ Г. Шмидт дал в Доме правительственных приемов «Редут» обед в честь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

На обеде с советской стороны были член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица, прибывшие с Л. И. Брежневым, а также посол СССР в ФРГ В. С. Семенов.

Со стороны ФРГ на обеде были вице-канцлер и министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, другие члены федерального правительства, депутаты бундестага и члены бундесрата, руководящие деятели политических партий, премьер-министры ряда земель, обер-бургомистр Бонна, представители профсоюзов, а также федерации обществ «ФРГ — СССР».

С речами выступили Г. Шмидт и Л. И. Брежнев.

Речи Г. Шмидта и Л. И. Брежнева были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Обед прошел в дружественной обстановке.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и Э. Песова.

РЕСПУБЛИКУ ГЕРМАНИИ

рядке, принципам мирного сосуществования.

Обмен мнениями проходил в духе откровенности и взаимного уважения.

В переговорах приняли участие: с советской стороны — помощ-

ники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и А. И. Блатов, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, посол СССР в ФРГ В. С. Семенов, заве-

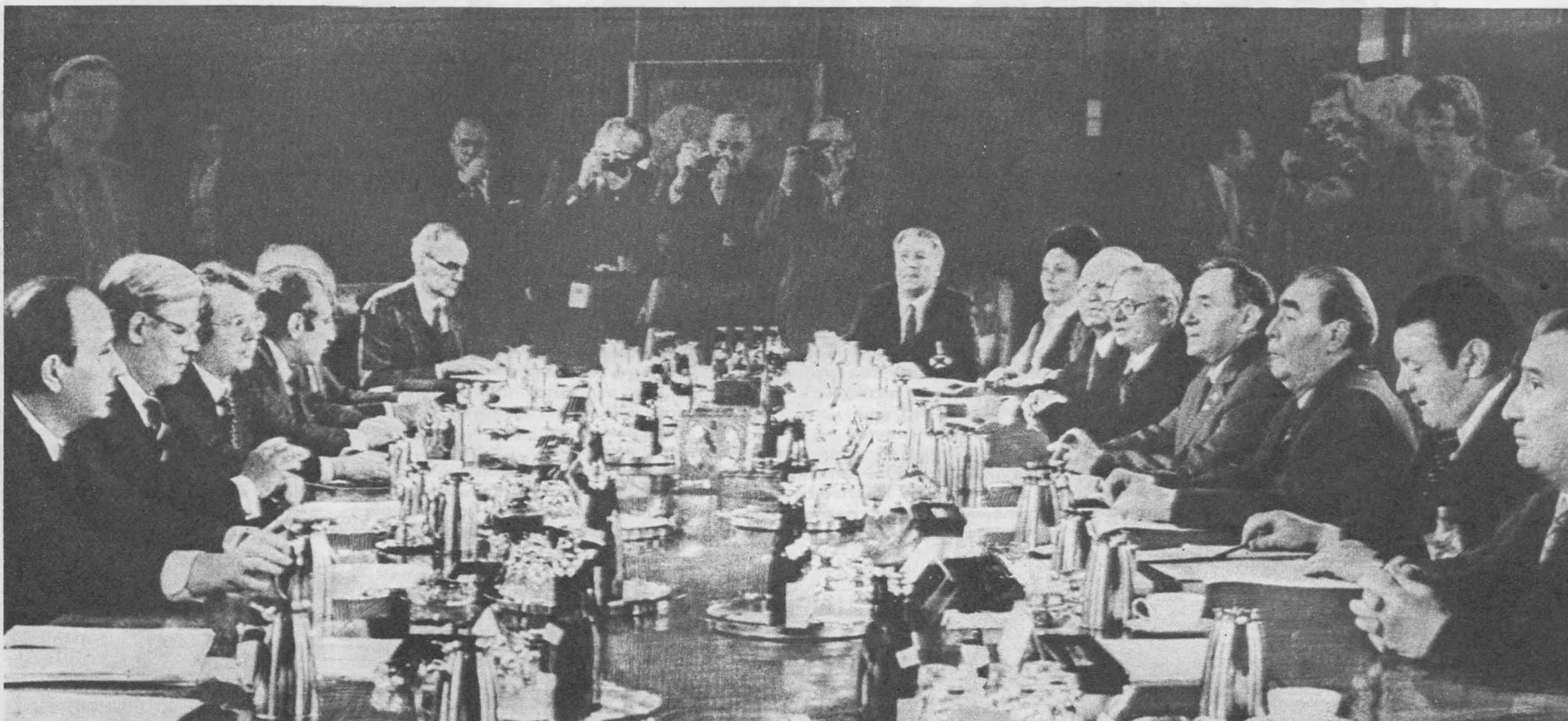
дующий отделом МИД СССР А. П. Бондаренко;

с западногерманской стороны — федеральный министр хозяйства О. Ламбсдорф, руководитель ведомства печати и информации правительства ФРГ, статс-секре-

тарь К. Беккер, статс-секретари МИД ФРГ Б. фон Штаден и Г.-В. Лаутеншлагер, заведующий внешнеполитическим отделом ведомства Федерального канцлера О. фон Габленц, посол ФРГ в СССР А. Майер-Ландрут.

Во время переговоров.

Телефото А. Пахомова

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С Г. ШМИДТОМ

23 ноября во второй половине дня в резиденции Гимних состоялась беседа Л. И. Брежнева с Г. Шмидтом.

Был продолжен обмен мнениями по вопросам международного положения. В частности, был обсужден вопрос о том, какой вклад могут внести соответственно Советский Союз и Федеративная Республика Германии в решение проблемы избавления Европы от угрозы ядерной войны, укрепления безопасности, возвращения к политике разрядки и мирного сотрудничества между народами европейского континента.

Во время беседы.
Телефото спец. корр. ТАСС
В. Мусазьяна и Э. Песова

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ВСЕГО МИРА

В. НИКОЛАЕВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

В третий раз в Бонне состоялась встреча на высшем уровне между руководителями СССР и ФРГ. Уже один этот факт сам по себе говорит о многом, прежде всего о том, что отношения между двумя нашими странами развиваются и крепнут. Осмысливая итоги завершившейся встречи, нельзя не оглянуться назад, не вспомнить обе предыдущие. В 1973 году Л. И. Брежнев выдвинул идею о крупномасштабном и долгосрочном экономическом сотрудничестве, которая затем начала успешно претворяться в жизнь. В ходе переговоров между Л. И. Брежневым и Г. Шмидтом в 1978 году была поставлена задача удвоить товарооборот в 1976—1980 годах по сравнению с предыдущим пятилетием. Задача была выполнена досрочно — к лету 1980 года. А что это означает конкретно, каковы масштабы проделанной совместной работы? Среди капиталистических стран ФРГ стала для нас торговым партнером номер один. За десять лет товарооборот между двумя странами вырос в десять с половиной раз — с 544 миллионов рублей в 1970 году до пяти миллиардов восьмисот миллионов рублей в 1980-м. В канун нынешней боннской встречи было подписано соглашение, которое здесь называют «газ — трубы» и характеризуют как крупнейшую в истории деловую акцию между Востоком и Западом. Отрадные факты! С кем торгуют — с тем не воюют.

Проблемы войны и мира, пожалуй, никогда еще не стояли в ФРГ так остро, как теперь. Достаточно вспомнить, что недавно в столице

республики состоялась массовая манифестация сторонников мира, в которой участвовало триста тысяч человек и которую здесь назвали самым большим маршем протеста в истории страны. Все яснее становится людям опасность проводимой США и НАТО политики превращения Европы в ракетный полигон. Все больше западных немцев выступает за то, чтобы правительство страны взяло обратно свое согласие на размещение американских ракет средней дальности. Говоря о настроениях в Федеративной Республике, парижская газета «Монд» пишет: «Люди здесь внезапно поняли, что США добиваются размещения в Западной Европе ракет средней дальности, рассчитывая, что это даст им возможность поражать цели в Советском Союзе, не опасаясь ответного удара по американской территории. Соединенные Штаты из спасителя и союзника превратились в причину возможной катастрофы». Что верно, то верно! Ведь недавно за океаном родилась теория об «ограниченной» ядерной войне. Там же заговорили о том, что она вполне возможна, и нашли для нее театр военных действий — Европу. Недаром одно американское бюро путешествий додумалось до такой рекламы: «Посетите Европу, пока она еще не стерта с лица земли!» От этого циничного загробного юмора европейцам отнюдь не смешно. Выражая настроение многих своих соотечественников, председатель СДПГ Вилли Брандт заявил: «Я разделяю мнение тех, кто испытывает чувство близящейся опасности. Мир — это еще не все, но все без мира — ничто».

Эти проблемы обсуждаются сегодня здесь с особой активностью. Об этом говорят многочисленные выступления печати, радио, телевидения, а также и мои личные

впечатления от многих встреч с жителями ФРГ, бесед с ними. И, наконец, весьма показательное то, что в стране получили такой широкий резонанс ответы Л. И. Брежнева журналу «Шпигель», в которых он, в частности, говорил о том, что сегодня ФРГ, как в начале семидесятых годов, стоит перед решениями кардинального порядка: будет ли продолжен и получит дальнейшее развитие тот курс, который так увеличил вес ФРГ в европейской и мировой политике, или же накопленный за эти годы капитал будет растрачен в бесплодных и опасных конфронтациях?

Состоявшаяся встреча получила исключительно широкий отклик в мировой прессе. Известный американский обозреватель Джеймс Рестон в своей статье, опубликованной в газете «Интернэшнл геральд трибюн», увязывает боннские переговоры с будущим советско-американских отношений. Он так и называет статью: «Рейган и Брежнев должны встретиться». Рестон также подчеркивает, что упор американской администрации на военные решения политических проблем и ее безответственные заявления об «ограниченной» ядерной войне вызвали повсюду волну протеста. В другой статье, переданной им в ту же газету из Гамбурга, Рестон пишет, что ФРГ стоит перед фактом массового возмущения по поводу планов дальнейшего наращивания ядерного оружия на территории страны. Он подчеркивает, что жителей Гамбурга не убедила недавняя речь Рейгана, поскольку она не подкрепляется стремлением к серьезным переговорам.

Американские дипломаты, пишет английская газета «Санди таймс», устали извиняться за высказывания своего президента по вопросам, связанным с ядерной стратегией. Опасная риторика и

гонка вооружений, говорится в той же статье, вредит репутации Америки и поднимает на борьбу сторонников мира.

В дополнение к давно и печально известному термину «холодная война» газета «Вашингтон пост» вводит в оборот новое выражение — «война расходов». Точно сказано! Такая война бьет по людям уже сегодня, и ее необходимо прекратить.

Разумеется, встреча в Бонне не решила всех проблем и не сняла с повестки дня всех спорных вопросов. Как в ФРГ, так и в других западных странах есть немалые силы, препятствующие разрядке и подстрекающие к гонке вооружений. Их истошные вопли о якобы исходящей от Советского Союза военной угрозе все еще многократно усиливаются средствами буржуазной информации. Но идущее сейчас особенно активно прозрение Европы налицо.

В результате визита Л. И. Брежнева в Бонн отношения между СССР и ФРГ получают новый импульс развития. Западногерманские обозреватели отмечают, что и на этот раз, как и во время двух предыдущих визитов, речь шла прежде всего о проблемах сохранения мира в Европе. Подчеркивается также, что Советский Союз выступает за дальнейшее развитие отношений с ФРГ на основе доверия, охарактеризовав их как важный элемент мировой политики, от которого зависит стабильный мир в Европе. Многие комментаторы указывают на особое значение встречи, поскольку она состоялась в сложных условиях обострения международной обстановки. Уже установившиеся традиции советско-западногерманских переговоров позволили сделать новый шаг на пути укрепления мира и сотрудничества.

Бонн. По телефону.

РУБЕЖИ

VI СЕССИЯ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

НОВЫХ СВЕРШЕНИЙ

19 ноября в Москве в Кремле завершила свою работу VI сессия Верховного Совета СССР десятого созыва. В центре внимания высшего органа государственной власти нашей страны была величественная программа мира и труда. Конкретные пути выхода на новые рубежи коммунистического социализма определены в решениях ноябрьского (1981 г.) Пленума ЦК КПСС, в речи на Пленуме товарища Л. И. Брежнев. Единодушно одобряя их, депутаты подчеркивали, что для достижения намеченных в проектах государственных планов и бюджета страны целей

необходимо работать эффективнее.

VI сессия Верховного Совета СССР десятого созыва приняла Закон Союза Советских Социалистических Республик о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы; Закон Союза Советских Социалистических Республик о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1982 год; постановление Верховного Совета СССР о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1981 год; Закон

Союза Советских Социалистических Республик о Государственном бюджете СССР на 1982 год; постановление Верховного Совета СССР об утверждении отчета об исполнении Государственного бюджета СССР на 1980 год.

С докладом об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе. Депутаты приняли по докладу соответствующие законы и постановления.

На заключительном совместном заседании Совета Союза

и Совета Национальностей бурными продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Сулова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, Т. Я. Киселева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Рукавова.

Во время заключительного заседания.

Фото В. Егорова и В. Кошевого (ТАСС)

НАДЕЖДА

ЛЮДИ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

Она назначила мне встречу в гостинице «Плакир», где я остановилась. «Только учтите, что я уже на пенсии,— предупредила она,— теперь я — партизанка-пенсионерка!»

В назначенное время я ожидала ее в холле, пытаюсь угадать Надежду Карнинич среди входящих с улицы женщин. И не угадала. Она остановилась рядом со мной — статная, светловолосая, в элегантном лиловом костюме, талия стянута мягким кожаным ремнем. «Вы из «Огонька»? Я оторопела: неужели это она, прославленная партизанка? Пенсионерка?! И я честно призналась, что представляла ее совсем иной. Кокетливым жестом женщина поправляет прядь коротко стриженных волос: «А мне и самой не верится, что я уже пенсионерка! Правда, дел по-прежнему полно. Ведь я председатель женской организации нашего края, и, конечно, много работы в городской организации партизан-ветеранов. Вот и получается, что партизаны никогда не уходят на пенсию!»

Нам приносят крепкий кофе, и Надежда Карнинич подробно и очень ревниво расспрашивает меня, что я увидела в Дубровнике и как мне тут понравилось. Я знаю, что этот неповторимый, чудесный город не просто родина этой женщины. Рядом с крепостью, на берегу моря, белокаменная гимназия имени героини Марии Радевич. Она была старшей сестрой Надежды. В городе есть детский сад, который носит имя другой ее сестры — Анушки Радевич. В пролетарском районе Груже светится вечерами у заводских ворот неоновая надпись «Предприятие имени Бруно Радевич». Это он, типографский рабочий, бывший в 20-х годах одним из организаторов коммунистической ячейки в Дубровнике и ее секретарем, написал из сплитской тюрьмы, узнав о рождении еще одной дочки: «...маленькую назовем Надеждой. Это имя носит подруга жизни товарища Ленина». Теперь это письмо хранится в Музее Революции.

— Отец был главным учителем в моей жизни. О том, что он коммунист, мы, дети, узнали рано и поняли, отчего около нашего дома вечно торчат полицейские. В то время партия действовала в подполье, и в наш дом приходила конспиративная почта. От отца, еще девчонкой, я узна-

ла, что есть такая Страна Советов, где живут счастливые люди, потому что крестьяне и рабочие управляют этой страной, и я носила пальто с двойным воротником — на одном был вышит серп и молот...

В памяти ее остался навсегда тот страшный Новый год, когда арестовали отца. Это было в 1936 году. Наде исполнилось десять лет, и вместе с сестрами она готовилась к школьному карнавалу, шила костюм, когда полицейские ворвались в дом и увели отца.

— Потом мы узнали, что аресты шли из-за предателя. Мама каждый день ходила в тюрьму и возвращалась с окровавленными платками, рассказывала — отца так избивали, что на него страшно смотреть. Его перевели в белградскую тюрьму, а потом приговорили к трем годам каторги. Но и после ареста отца наш дом продолжал оставаться конспиративным почтовым ящиком. Мама хранила всю важную почту в отцовском чемодане с двойным дном и пересылала ее нужным людям. С каторги отец писал старшей дочери Марии особым шифром: она была связной — получала от него задания для организации. Среди близких друзей Бруно Радевича был прославленный революционер Моше Пьяде, и я помню, как, вернувшись с каторги с переломанными ребрами, он несколько месяцев жил в нашем доме, лечился, а при нем неотлучно был полицейский агент.

...В доме у Верхнего Канала, где живет Надежда с матерью и своей семьей, висит мемориальная доска. На ней написано: «Здесь жил и работал выдающийся революционер Бруно Радевич и его дочери Мария и Анушка. Они отдали жизни за идеалы свободы, правду социализма. Народ Дубровника».

В последний раз Бруно Радевич оказался на свободе летом 1940 года, а уже 1 сентября был арестован прямо на митинге. Митинг состоялся во время демонстрации, организованной партийной и профсоюзной организациями Дубровника против растущей дороговизны, против фашизма и за сотрудничество с СССР.

— Мария, студентка агрономического факультета Белградского университета, была уже коммунисткой, а мы с Анушкой работали в организации Союза молодежи. Мы были на этой демонстрации. Рабочие подняли отца на руки, отнесли к месту, откуда он произнес речь. Больше мы его не увидели...

В сорок втором году в тюрьме Бруно Радевич умер в страшных мучениях — палачи не давали ему ни воды, ни еды. В марте того же года погибла Мария и фашисты напали на след Ануш-

ки. Тогда партийный комитет приказал Катерине и ее трем дочерям уйти в партизаны. Отряд находился на полуострове Пелешац. После акций по разоружению капитулировавшей итальянской армии Надежда была переброшена на остров Млет, который находился на морской трассе, связывающей большую землю с этим островом, и был важным плацдармом освободительной борьбы.

— Вражеские самолеты все время летали над партизанским лагерем, и мы ждали — вот-вот немцы начнут прочесывание окрестностей для ликвидации партизан. Детей, женщин, раненых мы отравили в сбеги — укрытие. И я, проводив их, возвращалась вдвоем с одним парнишкой на лодке по морю в лагерь. Самолет, заметив нас, стал обстреливать. Эти часы страшно вспомнить — ведь мы были такой отличной мишенью! Лодку без труда удалось потопить, самолет улетел, считая, что с нами покончено, но мы были живы, хотя оказались в ледяной воде в тяжелой одежде. Я хорошо плаваю, но до сих пор не представляю, откуда взялись силы добраться до берега, который казался бесконечно далеким! Добрались, обсохли — у меня в шинели были дырки от пуль, — добрались до ближайшей деревушки. Ночью проснулись от грохота: все небо освещено ракетами — фашисты начали акцию.

Когда мы все-таки пришли в отряд, где оставалось 24 человека, мы узнали, что немцев в десанте больше тысячи. Мы отступили по намеченному маршруту, прячась по деревьям. И тем не менее нам удалось потопить один фашистский катер и взять в плен четырех врагов. Нам были нужны позарез эти «языки» для обмена на наших партизан.

— Сколько же вам было тогда лет?

— Семнадцать. Моему младшему сыну сейчас восемнадцать. Он учится на экономиста, и когда я рассказываю ему о тех трудных, но прекрасных днях нашей борьбы, вижу, как загораются его глаза, и он с завистью говорит: «Ты счастливая, мама!» Я с ним соглашусь: «Да, сынок, я очень счастливая!», — а про себя думаю: и везучая, ведь тогда я чудом осталась в живых!

...Короткая летняя ночь. Отряд ушел на задание. В лагере остались три девушки, они стояли в карауле и вдруг увидели, что снизу вверх к лагерю поднимаются фашистские колонны.

— Их было много, очень много. Как вырваться из ловушки, в которой мы оказались? Я вспомнила, что тут в горах есть просека, вырубленная крестьянами. По ней они скатывали вниз срубленные деревья, и мы, свернувшись клубком, покатались вниз. Одна

из нас подвернула ногу, и пришлось до темноты отсиживаться в густом кустарнике. Мы знали, что наш отряд должен вернуться в лагерь, и надо было предупредить, что там враги. И мы решили вернуться, но напоролась на засаду. Самую молоденькую девочку, схватив за косу, фашисты расстреляли в упор. Увидев эту расправу, я ждала смерти, тем более, что была ранена в ногу и не могла убежать. С хохотом фашисты меня окружили, дергая за волосы — в тот день я не успела заплести косы, и, пока скатывалась по горе, они спутались, висели клочьями. Еще больше растрепав мои волосы, меня фотографировали, а вокруг стоял хохот. Дикарку поймали в лесу! Но на мне была военная форма, так что им было ясно, кто я такая. Расстреляв вторую девушку, что лежала на земле рядом со мной, они бросили меня на шинель и поволокли по лагерю. Что было дальше, трудно передать. Меня пытали, избивали, снова пытали, расстреливали холостыми пулями, приставив к виску наган. Все смешалось, спуталось, я потеряла представление о том, жива я или уже мертвая. Очнувшись в немецкой больнице, которую они оборудовали в одной из деревень. Там меня кое-как подлечили и, усадив на мотоцикл, повезли на допрос.

— Как же удалось вырваться из этого ада?

— Стараясь получить от меня важные сведения, меня перевезли в город Мостар в местную больницу. Там я нашла людей, которые имели связь с партизанами Дубровника. Через одного сочувствующего партизанам жандарма удалось выехать из города с поддельными документами.

— А как сложилась ваша жизнь после войны?

— По-моему, счастливо сложилась. До войны я успела окончить два класса педучилища и сразу же поступила в партизанскую гимназию. Потом в Загребе я училась на агрономическом факультете университета. Работала секретарем городской организации Союза социалистической молодежи, секретарем Союза женщин в Дубровнике. Была директором Рабочего университета. В последние годы мне много пришлось заниматься проблемой экономического развития отсталых районов нашей страны, и эта работа принесла мне огромное удовлетворение! Наша жизнь продолжается в наших делах и в наших детях. У меня чудесный муж, мой друг и соратник — мы познакомились еще в партизанской гимназии, — и два сына. Старшего, он работает юристом, я назвала в честь отца Бруно, а младшего зовут Дубравко.

Дубровник — Москва.

ЧЕМПИОН — В ТРЕТИЙ РАЗ!

Анатолий Карпов.

Новой победой Анатолия Карпова закончился матч на первенство мира по шахматам. Он защитил свой почетный титул, выиграв со счетом 6:2.

Анатолий Карпов послал в Москву товарищу Л. И. Брежневу телеграмму, в которой сообщил, что выполнил его наказ и одержал еще одну победу в матче за мировое первенство по шахматам.

В тот день, когда в Мерано состоялась новая «коронация» победителя и прошла церемония официального закрытия матча, Анатолий Карпов получил из Москвы следующую телеграмму:

**Чемпиону мира по шахматам А. Е. Карпову.
Дорогой Анатолий Евгеньевич!**

Благодарю Вас за телеграмму. Мне доставляет большое удовольствие вновь, как и три года назад, горячо и сердечно поздравить Вас с замечательным успехом — завоеванием звания чемпиона мира по шахматам. Советские люди с огромным вниманием следили за Вашей игрой и с глубоким удовлетворением восприняли сообщение о Вашей победе. Приятно отметить, что в сложном и ответственном поединке Вы проявили высокое творческое мастерство, подлинный советский характер, выдержку и самообладание, еще выше подняли славные традиции отечественной шахматной школы.

Желаю Вам доброго здоровья, счастья и новых побед во славу нашей социалистической Родины.

Л. БРЕЖНЕВ

Мы публикуем статью С. Флора, в которой комментируются шесть победных партий Анатолия Карпова.

ШЕСТЬ ПОБЕД АНАТОЛИЯ КАРПОВА

**Сало Ф Л О Р,
международный
гроссмейстер,
шахматный
обозреватель «Огонька»**

Накануне первой партии чемпиона мира А. Карпов на пресс-конференции скромно заявил, что ожидает интересную, напряженную борьбу. На этой же пресс-конференции представитель швейцарского телевидения задал вопрос: не считает ли чемпион мира, что матч может закончиться очень быстро, так сказать, «блицкригом»? Карпов этот вопрос воспринял как шутку и сказал: «В принципе не возражаю против скоротечного исхода матча, но это маловероятно. Кроме того, это бы не устраивало организаторов матча».

Шутил ли этот корреспондент из швейцарского телевидения? Может быть, он имел в виду, что не Карпов, а «их» Корчной устроит «блицкриг»? Откуда могли взяться у него основания для этого? От самого Корчного. Полагаю, что у нас его характер никого не интересует. Если характер Корчного изменился, то лишь в худшую сторону. Если в прошлом Корчной накануне матча (даже с Карповым) хвастливо заявлял, что обязательно выиграет, то на этот раз он заявил, что не просто выигрывает, а разгромит Карпова. По-

хоже на то, что Корчному поверили многие газеты, журналы, и в Мерано прилетело небывалое количество журналистов — их было от 400 до 500. Они хотели видеть разгром. И они его увидели!

Летом я посетил ФРГ и Австрию. Часто задавали вопрос: кто победит в матче? Я не задумывался: Карпов! И в ответ слышал: но вы и должны так отвечать. «Почему же должен? Я так думаю, я в этом совершенно уверен».

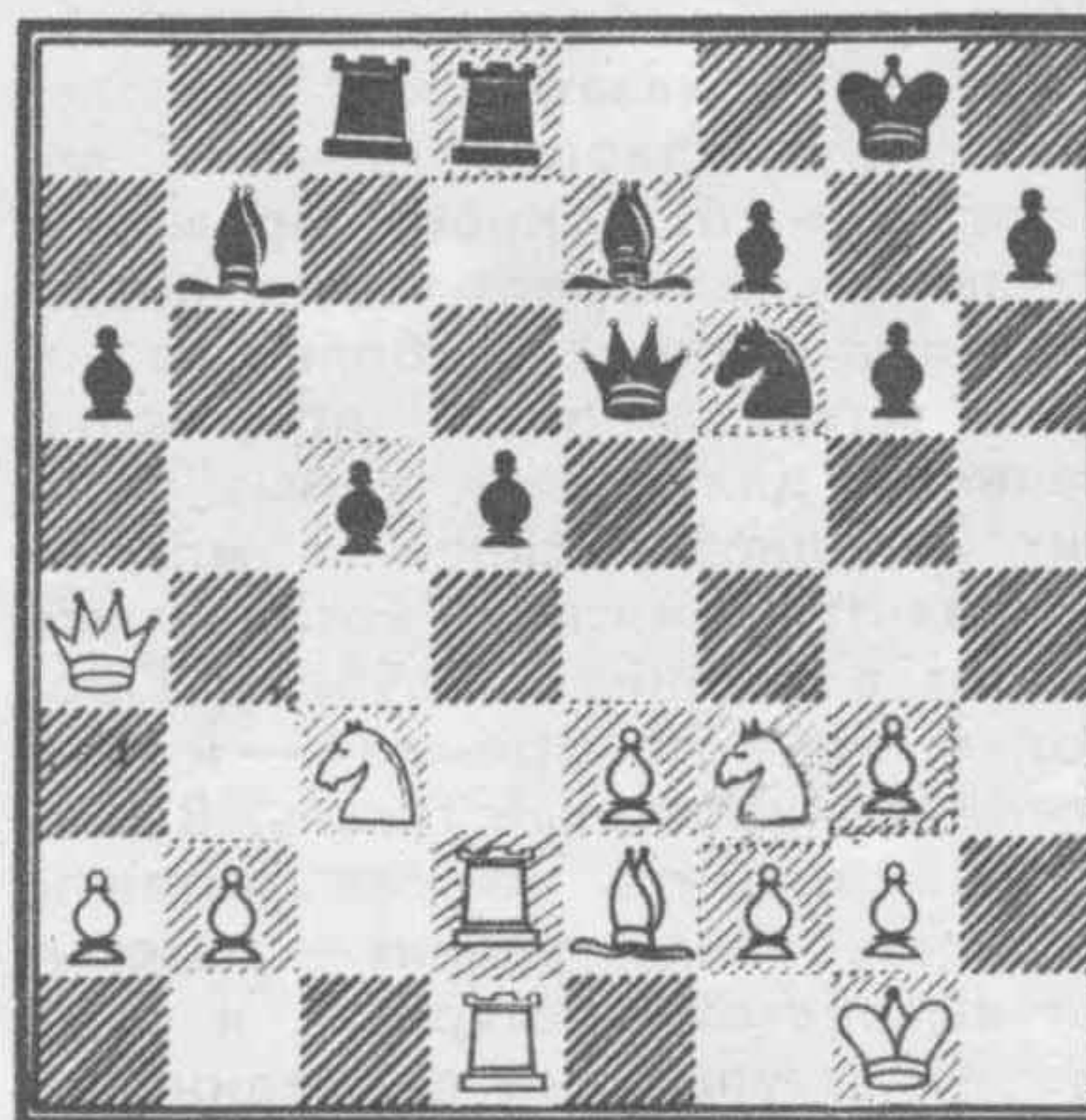
Любители шахмат на Западе слепо поверили в прогнозы претендента. Но знатоки, объективные, трезвые люди, были убеждены в превосходстве Анатолия Карпова. Один из таких, гроссмейстер Бент Ларсен, даже точно предсказал итог матча — 6:2.

В меранском «Шах-Лото» счастливыми числами чемпиона мира оказались: 1, 2, 4, 9, 14, 18. Приводим фрагменты из этих шести прямых попаданий Анатолия Карпова.

БЛЕСТЯЩАЯ ПРЕМЬЕРА

Как известно, на премьере волнуется и крупнейший артист. Карпов был спокоен. Позицией, изображенной на диаграмме, он был доволен. Играв черными, он не только уравнивал игру, но после 21-го хода уже овладел инициативой. Последовало:
22. Се2—d3 Крg8—q7 23. Cd3—b1 Фе6—b6 24. a2—a3...
(Белые наметили перевод слона на a2. Но ход в тексте отнимает поле b3 для отступления белого ферзя. Тут Корчной надолго «заснул», заметив, что пропустил красивый

Карпов

Корчной

тактический удар чемпиона мира.)
24 ...d5—d4!!
(Великолепно! Выясняется, что после 25. ed Cc6! 26. Фс2 С:f3 27. qf cd теряется фигура.)
25. Кс3—e2 d4:e3 26. f2:e3 c5—c4 27. Ке2—d4 Фb6—c7
(Позиция белых уже не позиция, а скорее руина, в которую ее превратил Карпов остроумным и неожиданным ударом 24 ...d4!)
28. Кf3—h4 Фс7—e5
(Это не ферзь, а красавец. Играть такую позицию одно удовольствие.)
29. Крg1—h1 Крg7—g8 30. Кd4—f3 Фе5:g3 31. Лd2:d8+ Се7:d8 32. Фа4—b4 Сb7—e4 33. Сb1:e4 Кf6:e4 34. Лd1—d4 Ке4—f2+ 35. Крh1—g1 Кf2—d3 36. Фb4—b7 Лс8—b8 37. Фb7—d7 Сd8—c7 38. Крg1—h1 Лb8:b2 39. Лd4:d3...
(Корчному 50 лет — вполне достаточноый возраст, чтобы научиться вовремя сдаваться. А между тем читатель еще неоднократно увидит, что он об этом «забывает».)
39 ...c4:d3 40. Фd7:d3 Фq3—d6 41.

Фd3—e4 Фd6—d1+ 42. Кf3—g1 Фd1—d6 43. Кh4—f3 Лb2—b5
Белые сдались.

Во время матча в Мерано часто вспоминали Багιο 1978 года. Там Карпов только в восьмой встрече одержал первую победу. Теперь — сразу в стартовой! В Мерано все было красивее, убедительнее, а главное, спокойнее для Карпова и тем самым для миллионов людей в Советском Союзе.

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА КАРПОВА

Играв белыми, Карпов, как правило, двигает вперед королевскую пешку — 1. e2—e4. И что ж, это так страшно? Да, страшновато, ибо Корчной не знает, как лучше вести защиту, на каком шахматном языке отвечать — по-французски, по-испански, по-русски? Он выкопал старинный, очень старинный вариант в классической испанской партии, который встречался в матче на первенство мира Э. Ласкер — С. Тарраш в 1908 году.

На глаз казалось, что игра сводится к ничьей. Но у Карпова сохранилось микроскопическое позиционное преимущество. Именно в таких вроде бы простых позициях чемпион мира демонстрирует высшую технику. Во второй части партии Карпов проделал виртуозную, ювелирную работу. На матче в Мерано присутствовали выдающиеся шахматные виды специалисты. Так, например,

Продолжение см. на стр. 30.

Огромный алмаз, сверкая всеми своими гранями, лежал на столе главного инженера завода «Эмитрон». Отличная копия знаменитого «Орлова», — определила я для себя. Однако подумать, что алмазный фонд мог хотя бы на миг расстаться с подлинником, я не могла. Тут же заинтересовалась: кто изготовил такой великолепный страз? Знала, что теперь весьма редки умельцы, способные сделать из стекла копии драгоценных камней. Такие мастера и раньше встречались не часто и чрезвычайно высоко ценились. Заказы к ним шли не только от частных лиц. Талантливо оформленные стразы стремились получить музеи, хранилища,

драгоценного камня делают и сосуды, в которых варят металл. Такие тигли выдерживают чрезвычайно высокую температуру — свыше двух тысяч градусов.

Как же делают эти тигли?

В одной из лабораторий отдела завода «Эмитрон» действует полуавтоматический пескоструй. Раньше подобные аппараты применялись для очистки зданий от наслоений времени. Теперь же пескоструй переименован профессору: он работает в цехе.

По переплетению труб струится сжатый воздух. Энергичный, он несет кристаллики фианита. Их «выстреливает» так называемый пистолет. Кристаллики ударяются о фианитовый цилиндр с довольно высокими стенками. Устройство, где действует пескоструйный аппарат, ограждено смотровыми стенками из органического стекла. Поэтому видно все, что происходит в камере. Там нет и пылинок. Но ведь фианитовый абразивный порошок «выгрызает» из кристалла-монolitha миллиарды частиц, да и сам

цех — ювелирный, которым руководит Владимир Галченков.

— К нашему самому большому празднику — годовщине Великого Октября, — говорит он, — в магазины поступили ювелирные изделия из серебра с цветным камнем и фианитовыми бриллиантами. Некоторые из них я смею назвать уникальными.

С этими словами он кладет передо мной гарнитур — серьги и кольцо, украшенные зеленым камнем. «Неужели это премьер жадента — империял, священный камень Востока?» — подумала я.

Издавна жадеит добывали в Бирме. Но за многие столетия оказались исчерпанными знаменитые месторождения. Зато теперь советские геологи обнаружили эту драгоценность в нашей стране. Впрочем, на заводе «Эмитрон» империялов нет. Они заменены выращенными здесь зелеными гранатами. Зато окаймлены, как и империялы, бриллиантами, только не алмазными, а фианитовыми.

Прекрасна и «трехкаменка» —

но, может поспорить с алмазным бриллиантом. Ведь коэффициент преломления у фианита ненамного ниже, чем у алмаза.

Фианитовая копия исторического камня, хранящегося в Московском Кремле, имела успех у ювелиров и физиков, от которых не отставали и историки. «Орловым» из фианита любовались выдающиеся знатоки стразов. Не остались равнодушными и сотрудники московского Минералогического музея АН СССР. Зашел было там разговор об изготовлении из фианита копий самых интересных музейных стразов. Однако всех несколько смущала стоимость материала. Стекло куда дешевле. Правда, есть выход: стразы можно делать из офанитенного стекла. Эта мысль пришла, когда еще не было не только такого стекла, но и его названия. Теперь же Н. Иофис с начальником ювелирного цеха завода В. Галченковым разработал эту технологию.

Как же осуществляется такой процесс?

САМОЦВЕТЫ ЭЛЕКТРОННОГО ВЕКА

научные организации. Великолепные образцы стразов, сделанные очень давно, можно и теперь увидеть, например, в Минералогическом музее имени А. Ферсмана. Там в витрине сверкают копии тридцати драгоценных камней. Среди них есть и исторические, носящие собственные имена.

ДРАГОЦЕННЫЙ ПОРОШОК

В прошлом году группа ученых Физического института Академии наук СССР, заводов «Эмитрон» и «Стеклоприбор» получила Ленинскую премию за интереснейшую совместную работу — создание и исследование нового класса монокристаллов — фианитов. Названные в честь института (ФИАН), эти кристаллы начали честно служить людям в лазерной технике, электронике и в других отраслях науки и практики.

Наш журнал писал тогда об этом. Но в фианитах с каждым днем открываются все новые таланты, требующие специального рассказа.

Известно, что в обработке любого камня участвует алмазный инструмент. Оказывается, его можно заменить микронными кристаллами фианита, подхваченными струей сжатого воздуха.

Фианит славен тем, что любая его частица, вне зависимости от своей величины, сохраняет ту же твердость и кубическую форму, что и огромный кристалл. Это способствует равномерной обработке изделий и исключает образование царапин.

Теперь из синтезированного

он истирается, измельчается. За чистотой воздуха чутко наблюдают приборы, следящие за приспособлением, которое улавливает пыль.

Желая показать, как работает пескоструй, старший инженер лаборатории В. Корнеев временно отключает аппарат, чтобы поставить под пистолет небольшую модель заготовки тигля, предназначенного для плавки самых стойких металлов. Вскоре в модели появляется вмятина, которая все растет в ширину и глубину. Проходит немного времени — и уже готов миниатюрный тигель. В нем можно плавить многие металлы и сплавы. Ведь фианит — материал высокотемпературный, к тому же не вступающий в соединение с агрессивными средами.

ПЛЮС КРАСОТА

Профессии фианитов можно перечислять и дальше. Они входят в оптическую промышленность, медицину, металлургию, радиотехнику. Однако среди многочисленных способностей и талантов этих кристаллов не упомянута еще и неожиданная красота. Она-то и привела к тому, что материал электронного века пришелся как нельзя лучше в древнейшей области — ювелирном деле. Оказалось, игра фианита приравнена к драгоценным камням. Этот камень, созданный учеными, соперничает в цвете и красоте с природными рубином, сапфиром, гранатом и лучшими видами аметиста. В этой связи на заводе «Эмитрон» появился еще один

новое кольцо, созданное заводским модельером. Три фианитовых бриллианта (отсюда название «трехкаменка») сидят в гнездах геометрической формы, представляющих собой ряд сочлененных треугольников.

Но вот рядом с этими достижениями ювелира-модельера появляется то, что, казалось бы, можно увидеть лишь в Эрмитаже. На черном непрозрачном фианите, ставшем таким потому, что из него удалена часть атомов кислорода, слегка возвышается профиль Гонзаго, окаймленный золотом. Но это не золото, а так называемый аврапаллинд — сплав палладия и индия, обладающий свойствами, присущими металлам платиновой группы.

ЗАЧЕМ КОПИРОВАТЬ АЛМАЗЫ!

Однако пора вернуться к копии знаменитого алмаза.

— Не правда ли, она хороша? — спросил меня главный инженер завода, профессор Н. Иофис, лауреат Ленинской премии. — А ведь всего 57 граней...

Этому трудно было поверить — так великолепна игра камня, исключительная чистота, прямо-таки оптическая прозрачность.

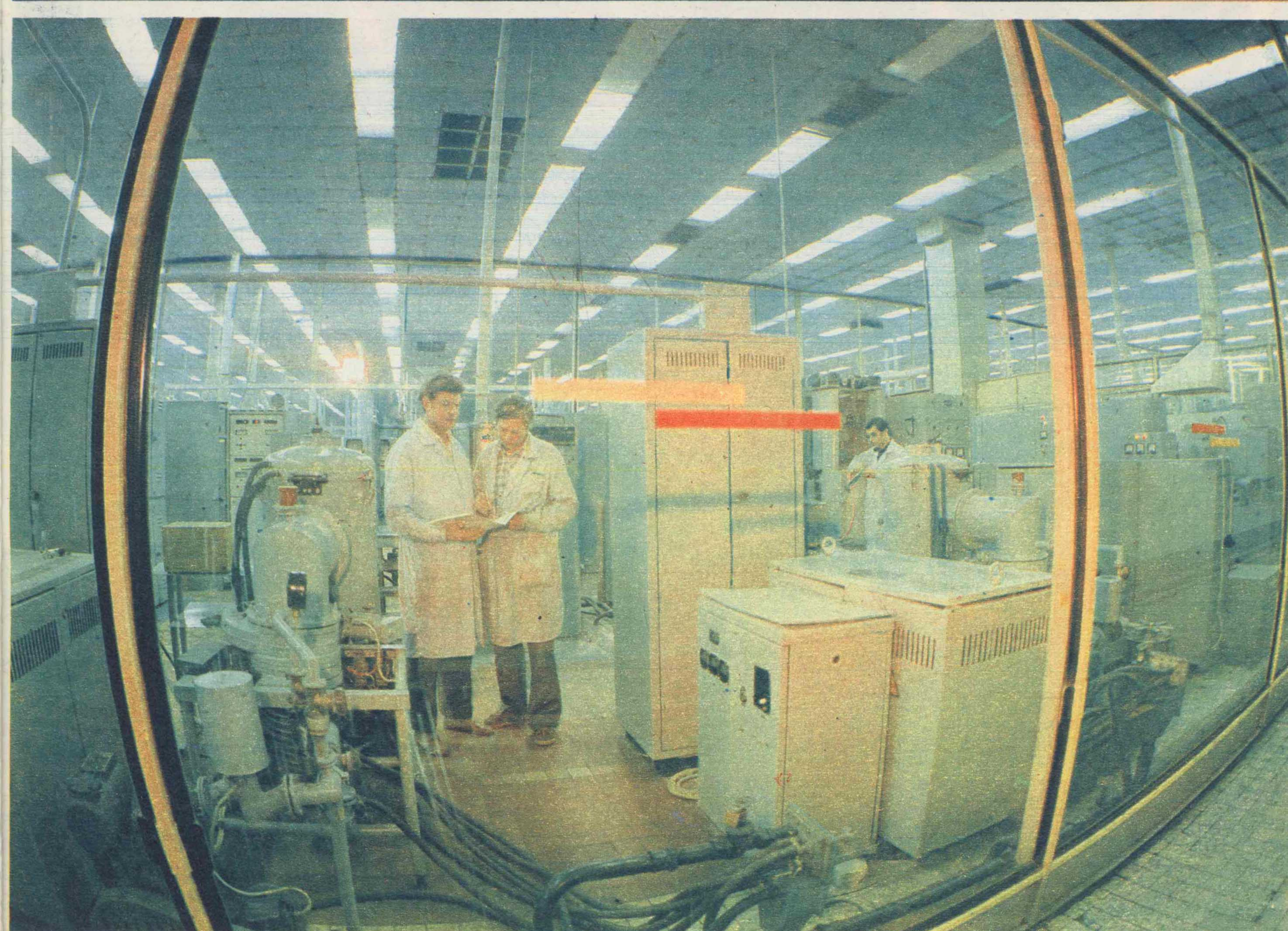
— Неужели копия сделана из стекла?

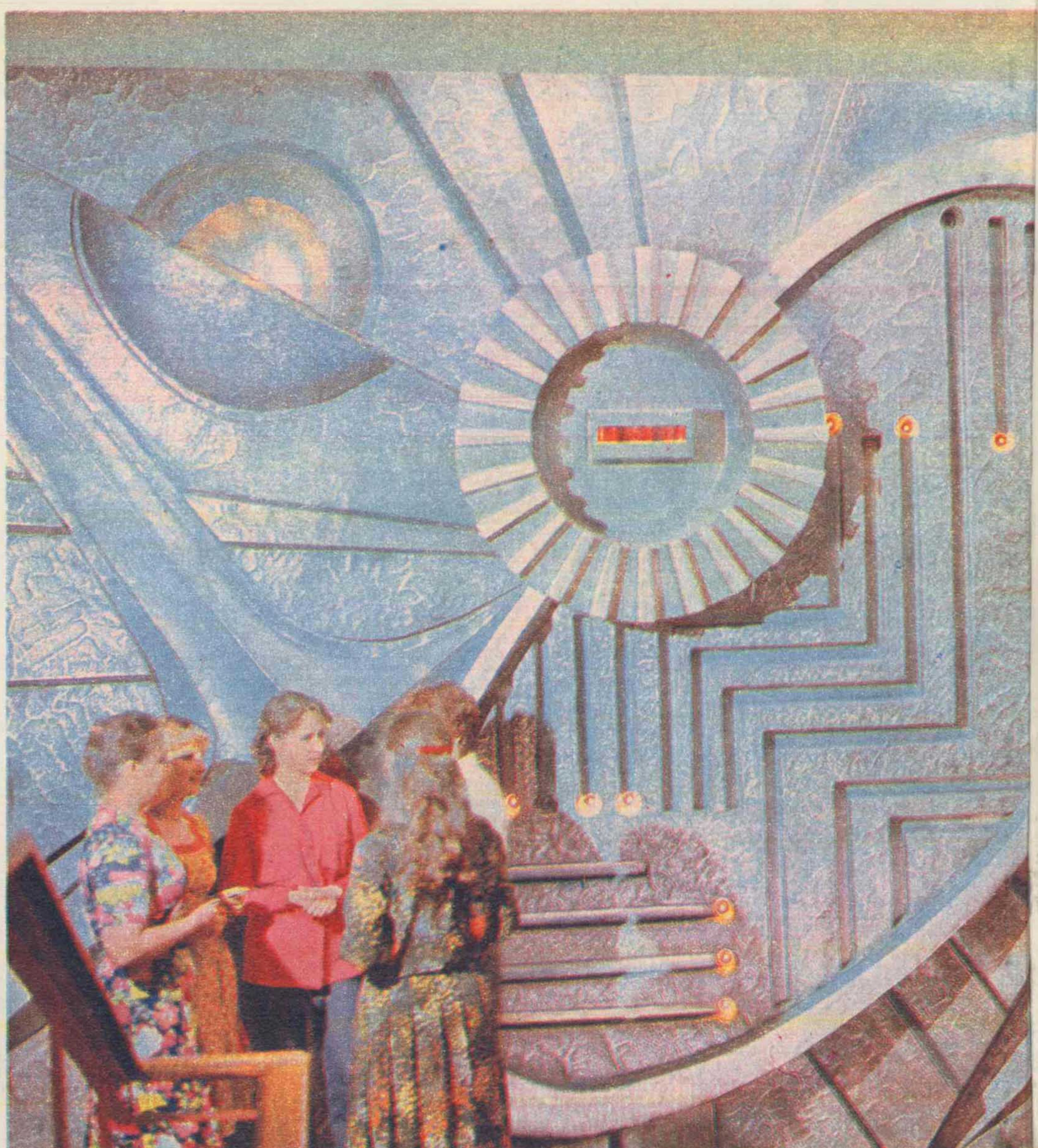
— Нет, из фианита, — ответили инженеры. — Этот искусственный драгоценный камень, как извест-

С установки, которая стоит в лаборатории, руководимой А. Головченко, оператор снимает колпак. На дне установки я вижу алюминиевую кассету. В ее углублениях — гнездах, расположенных по окружности, могут поместиться и тысячи стеклышек, ограненных не вручную, а на установке — электронном гранильнике. Сейчас в кассете 395 миниатюрных стразов. Вскоре их вставят в кольца, серьги, браслеты, диадемы и другие ювелирные изделия, изготовленные, правда, не из драгоценных металлов, а, скажем, из анодированного алюминия.

Над кассетой — пластина металла циркония. Так выглядит любое распылительное устройство. В камере нет воздуха — там царит вакуум. Его ухаживают, впуская в камеру аргон и кислород. При подаче напряжения смесь газов ионизируется в небольшом пространстве между кассетой и пластиной циркония. Положительно заряженные ионы аргона и кислорода усиленно бомбардируют мишень. Под их воздействием цирконий распыляется, и дождь атомов падает на будущие стразы. Поэтому на поверхности стеклышек оседает очень прочная, но чрезвычайно тонкая пленка. С нею крошечные искусственные украшения сверкают не хуже подлинного «бриллиантового фианита». И они дешевы. Украшения из них будут чрезвычайно хороши и доступны каждому.

Завод «Эмитрон». Модельеры-огранщики А. Соколов и В. Федорченко, мастер участка А. Карлин, начальник цеха В. Галченков * Здесь выращивают фианиты.

В прошлом номере была напечатана хроника первых трех дней обычной рабочей недели из жизни заводского комитета профсоюза Ивановского завода производственного объединения «Автокран». В этом номере — продолжение рассказа председателя завкома В. Н. Соколова.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

ЧЕТВЕРГ

Текучка. Мои планы снова рухнули. Есть два дня в каждом месяце — 1-е и 15-е числа, когда председатель или его заместитель должны безотлучно находиться в завкоме. Иван Федорович на областном семинаре, придет, вероятно, после обеда, значит, надо мне. Дела неотложные: кончился месяц, надо подписывать больничные листки, иначе не будет зарплаты. Люди идут с бюллетенями, на каждом должна быть моя подпись, идут с разрешениями на сверхурочные работы. Прежде чем подписать к оплате, проверяю, не превышают ли — в нарушение кодекса законов о труде — четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год. Пойдут сегодня и страхделегаты, я должен подписывать кассовые ордера для больных. Работа? Работа. И требует пристального внимания.

22 пункта. Пока никого нет, давайте продолжим разговор на вчерашнюю тему — о защите интересов трудящихся. При завкоме несколько комиссий, занимающихся этими вопросами. Прежде всего по охране труда. Каждый месяц заслушиваем на завкоме информацию главного инженера, его зама или главных специалистов по выполнению намеченных мероприятий. В колдоговоре 22 пункта, подписанных на собраниях. Попробовал бы кто-либо уклониться от их выполнения! Придется отвечать перед всем честным народом! Начальники цехов это поняли, сами следят за выполнением всех пунктов. Да и участковые врачи усилили свой контроль. В этом году нам вручили диплом ВЦСПС по итогам смотра-конкурса по охране труда, а один из механических цехов получил грамоту обкома профсоюза. Это за культуру производства. Есть еще один результат: резко снизилась заболеваемость.

Трудовые споры. В составе комиссии по трудовым спорам два человека от администрации, два от профсоюза. Два инженера, двое рабочих. Считайте это нашим плюсом или минусом, только в этом году не было ни одного спора. Давайте возьмем папку, она самая тоненькая. За 1981-й — ноль. За 1980-й — что-то есть. Несколько заявлений от работников отдела технического снабжения по поводу лишения премий. Им было отказано: плохо обеспечивали комплектующими изделиями. Дело Ерасова, слесаря-сборщика. Написал заявление о неправильной выплате заработной платы за де-

Окончание. См. «Огонек» № 47.

кабрь прошлого года, вместо 342 рублей получил 180. Существенная разница! Заявление было передано на рассмотрение конфликтной комиссии в цех. Разницу доплатили. Правда восторжествовала. Виновные получили внушение.

Отклоненное заявление о снятии выговора. Тут другая история. Рабочий отдела сбыта отказался ехать на месяц в колхоз. Ему за это объявили выговор. А как же иначе? В нашей области мобилизуются усилия всех организаций на решение продовольственных вопросов. Все трудящиеся должны принимать участие в их осуществлении. У нас свой подшефный совхоз «Аньковский». Объявлены ударными стройки животноводческих комплексов и теплиц. Надо помогать!

Дело Фоменко. А вот дело иного свойства, давнишнее, 1979 года. Тут и протокол заседания комиссии от 26 декабря. Контролер Фоменко неправильно оформил наряд одному фрезеровщику,

работая председателем завкома... Что и говорить, жилищный вопрос — трудный. В декабре сдадим последнюю секцию того дома по улице Кудрашева. В плане социального развития еще два больших дома. Один из сборного железобетона серии «90», первый такой в Иванове, его строительство начнется в новом году. Построим еще один кооперативный дом «Автокрановец», пятый по счету.

Но вот письмо нестандартное. Крановщица сталелитейного цеха Ольга Молькова просила перевести ее на работу только в дневные смены. У нее ребенок. В цехе ее просьбу не удовлетворили, не нашлось охотников работать только ночью. События дальше развивались так. Я сам этим письмом занимался. Мольковой подыскали работу в другом цехе, крановщицей, но там меньше зарплата, и она не согласилась. В конце концов вопрос решился так: Молькова осталась в своем цехе, но работает по две недели в дневную смену и одну неделю в ночь. Такой график ее устраивает.

Наблюдение. Папку с письмами далеко убирать не буду. Следователь из прокуратуры сегодня будет. Что случилось? Да ничего, очередная, обычная проверка. По

Соколову. — Давно никаких замечаний.

Со всей душой. Знаю, знаю, токарь пятого разряда. Он у тебя футболом еще не занялся? Наш Михаил Игнатьевич — ветеран спорта России, 27 лет спортивного стажа. Смушает внешность? Обманчива. До песни еще несколько лет. А что щупленький, то это не значит, что несильный, от спорта такой. Хоккеистом был, теперь тренер и судья. Игнатьич в тесной дружбе с ДОСААФом. Он участник Великой Отечественной. Варшаву освобождал, Берлин брал. Экскурсии со всей душой организует по местам боевой славы. В это лето 36 человек из его цеха на собственных машинах ездили на Малую землю, раньше были в Волгограде и Киеве. После каждой поездки в цехе появляются фотовитрины, рассказывающие об увиденном. Итак, разрешите представить нашего гостя: Дмитрий Петрович Шпотаковский, председатель комитета ДОСААФ при заводе.

ДИАЛОГ. — Давай мне, Петрович, срочно ветерана для встречи с молодежью. — Малов едва поспевал за высоким, громадным Шпотаковским, направившимся к выходу. — Участники битвы под Москвой.

— Ты всегда так сразу — в атаку! — забасил тот, усаживаясь в кресло. — Дам, дам, пришло. Куда

ДВЕРИ ОТКРЫТЫ ВСЕГДА

ПЯТЬ ДНЕЙ В ОДНОМ ЗАВКОМЕ

вместо 26 деталей записал 126. Приписка была обнаружена своевременно, до выплаты. Фоменко признал свою вину, ему был объявлен выговор, и вскоре он стал настаивать на его снятии. Заявление поступило 21 декабря. Комиссия должна в течение пяти дней рассмотреть его. Рассматривали заявление в присутствии Фоменко 26 декабря. Выговор был оставлен. Я считаю, правильно. Представьте, что было бы, если бы удовлетворили просьбу Фоменко! Это бы дало козырь в руки иных хапуг. В интересах самих же рабочих резко пресекать очковтирательство, приписки.

Письма. Писем тоже совсем немного, и тоже давнишние. Пересланы нам из центральных газет. Касаются жилья. От тех, кто живет в собственных развалах или в комнате-малосемейке и хочет перебраться в отдельную квартиру. Я сам, между прочим, жил в одной комнате много лет, а нас было четверо, и два года, уже

поводу жалоб у меня сложилось такое мнение: они поступают из тех коллективов, где недостаточно авторитетны цехкомы. Вот спросите у Михаила Игнатьевича Малова — вовремя ты пришел, — ах да, вспомнил, у тебя в 11.00 тут свидание с ДОСААФом, — много ли у тебя в конфликтной комиссии дел? Нет ни одного? Отчего же?

МАЛОВ. Какие тут споры! Зачем писать заявления, зря бумагу переводить и время тратить! Приходит, например, паренек ко мне и говорит: «Мастер в отпуск не отпускает». Иду к мастеру и убеждаюсь: неправ мастер. Паренек из ГПТУ, одиннадцать месяцев проработал, ему положен отпуск. Вежливо советую мастеру: «Я понимаю тебя, лето, все хотят отдыхать. Но его задерживать не имеешь права. Ищи другой вариант». Ищет. Находит. Знает: связываться с цехкомом неприятно, будем вызывать. Неувязки с нарядами, премии ликвидируем подобным образом после изучения предмета спора. И выпивох воспитываем. Товарищеский суд хорошо работает и профгруппы. Прорабатывали с песочком (называет фамилию), ты его знаешь? — обращается Малов к

же тогда, если не в лучший по оборонно-массовой и военно-патриотической работе цех № 11, лучший на заводе.

— Ты-то сам не сможешь? Ты ведь с первого до последнего «звонка» воевал и все в разведке.

— Я сам должен уехать по знакомым местам, где в 41-м за Москву бился. В Истру, Крюково, Волоколамск. Нас уже собралась большая группа, 32 человека, сувениры приготовили. Я тебе дам хорошего ветерана. Хочешь вот этого богатыря? — спросил, раскладывая фотографии. На одной из них среди ветеранов войны и он, Шпотаковский, в парадной форме: три ордена Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, 11 медалей...

— Согласен. А это кто такой?

— Фокин. Недавно в нашем цехе мы проводили соревнование ветеранов по стрельбе. Так он выбил 97 из 100. Хороший глаз, крепкая рука. Знаешь, сколько ему лет? 70! Переходящий кубок унес. Из молодых лучшим стрелком оказался Скупкин, но Фокина не превзошел: 95 из 100.

— Валерий Скупкин! Так он же из моего цеха! Вот молодец! Да, чтоб не забыть: когда у тебя начнется прием на курсы автомотоспорта? Ребята на меня наседают.

— И за мной ходят. Теперь в

январе будет набор. Каждый год выпускаем сто шоферов и 120 мотоциклистов.

— А это кто с собакой?
— Сережа Давыдов с Райфлом. Лаборант центральной лаборатории измерительной техники. Он взял себе щенка, выкормил и выучил. Недавно проводили парня в армию. Служит со своим Райфлом на границе. Письмо прислал. Про завод спрашивал. Добрая смена нам готовится. Много хороших ребят уже служат в армии.
В конце дня. Ну и денек! Двери не закрывались! С чем только не приходили люди. Один говорит: «Личное дело у меня...» Я пригостовил выслушать грустную историю об ушедшей любви. А он: «Не могу больше жить под одной крышей с тещей. Я 16 лет работаю на заводе. Нам с женой нужна своя квартира».

Как я и предполагал, снова приходила Ахметова. «Дайте выписку из протокола, что Ахметову первому будет квартира...» Я подвел ее к списку очередников, он висит на стене в коридоре заводоуправления. Увидела свою фамилию первой и, кажется, успокоилась. Теперь у нее на уме одно: «Когда?» И нас это «когда» тоже беспокоит. Мы создали нечто вроде штаба на этом доме. Он должен быть сдан и заселен до Нового года.

Какие у вас планы на вечер? Мне бы надо заглянуть к ребятам в общежитие...

ПЯТНИЦА

Призвание. Сегодня, наверное, будет поспокойнее. Возможно, удастся и поразмышлять. Вы знаете, я так привык быть все время среди людей и с людьми, что, когда остаюсь один, чего-то не хватает, не нахожу себе места. Вот такое же состояние бывает и у Ивана Федоровича, моего заместителя. Сам мне рассказывал. Иван Федорович — замечательный человек, правдивый, честный, принципиальный. Себя не щадит ради других. Я о многих вам рассказывал, а о нем все не успевал. Может быть, потому что мы рядом, как бы сроднились. Близких-то мы часто плохо видим. А он ведь наставник мой по профсоюзным делам. Вот, говорят, что профсоюзная работа не профессия. Может быть, и верно. Тогда что — должность? А выборная должность может стать призванием? Так у него, по-моему, призвание. Как у меня получится, еще трудно сказать. Мне еще надо многое постигнуть — умение предвидеть, например. У него все это есть.

Наставники. А наставником первым по моей инженерной специальности был Анатолий Николаевич Барцев. Начальник отдела капитального строительства. Он бросал меня в воду: даст задание по реконструкции комплекса или здания и ждет. Обдумашь, подчитаешь, начертишь. Барцев посмотрит, достанет свои уже готовые прикидки, сравнит: «Все правильно». Он очень пунктуальный человек был в делах. А в жизни такой: подошло время премирования, говорит: «Мне не надо, дайте молодым». Распределяли жилье, он снова направляет: «О молодых думайте. Надо, чтобы в свои квартиры въезжали не к пенсии поближе, а к расцвету сил своих!» Он весь завод строил.

А Иван Федорович учил меня общению с людьми. В первый год просто натаскивал. Учил, как завком вести, как осваивать премуд-

рости социального страхования. Просто как с людьми разговаривать. «Терпение,— говорил,— выдержка, спокойствие и еще раз терпение. Уважай достоинство человека. Кто бы к тебе ни пришел, не дай ему понять, почувствовать, что в чем-то его превосходишь. С людьми почаще советуйся, подходи прямо и спрашивай. Спрячь самодушие и критику уважай». Он вам не рассказывал о себе? Иван Федорович — участник Великой Отечественной войны. Сталинград, Варшава, Берлин — это его вехи.

РАССКАЗ ФОМИЧЕВА, ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Когда в 54-м году пришел на завод, только начинавший свою жизнь, было всего девять коммунистов, я в том числе, и 120 членов профсоюза. Думали: кого же в председатели завкома? Председателем избрали меня, слесаря-инструментальщика 5-го разряда с незаконченным средним образованием. Было мне столько примерно лет, сколько Соколову сейчас. Директор, им был Балинов, потом ушел на пенсию, теперь его уже нет в живых,ставлял: «Будь вежлив, тактичен. На тебя наседадут, возмущаются, не соглашайся с тобой,— ты убеждай и никогда не сердись, когда тебя критикуют. Что ты улыбаешься?» — удивлялся директор, будто убеждать очень просто. Он это и сам знал и тоже начинал улыбаться. Я вежливо старался убеждать, тогда меня так стали лупить на собраниях, что при перевыборах едва-едва прошел. Лупили за отсутствие острой критики. Я перестроился и пошел за рабочими. Помню, как сразился с администрацией по поводу дров. Квартиры тогда отапливали дровами. Надо было вывезти 250 кубометров леса. Директор говорит: «У меня план, не могу дать транспорт». Я отвечаю: «У меня люди! Люди — понимаете?» Через некоторое время приходит в кабинет. «Ты,— говорит,— не сердчай. Подожди три-четыре дня, вывезем!» Свое слово он сдержал. Сейчас эти проблемы решаются безпрепятственно, не только уголь, картофель и капусту для семей всех трудящихся нашего завода заготавливаем. В прошлом году в самый Кузбасс ездили за углем. По-нуловский, снабженец наш, пригнал 800 тонн, всем хватило.

Председателем я был до 1960 года. После окончания техникума работал заместителем начальника цеха, а с 1969-го и по сей день в завкоме.

Нас только двое. В нашем завкоме тринадцать комиссий. Многовато. Кое-какие думаем объединить. Как распределены обязанности? У меня главное соцстрах, у Ивана Федоровича организационно-массовая работа, это значит, контроль за работой всех комиссий, выполнение планов и принятых решений. Составление перспективных планов. Соревнование. Учеба профактива. У нас двухгодичная школа. Тут и программа и подбор преподавателей. Что так много всего? Нас только двое. Когда Иван Федорович в отпуске или в отъезде, всеми этими делами занимаюсь я, я в отпуске — он занимается. Больше никому. **Рычаги.** Важный участок нашей работы — соревнование. Форм и видов много. Тут и соревнование на звание лучшего рабочего по профессиям, лучшего бригадира, мастера, инженерно-технического работника. Наш завод базовый в отрасли по школам коммунистического труда. Соревнование цехов, соревнование заводов объединения. Различные конкурсы и смотры, всего перечислять не буду. Это и есть те самые рычаги, с помощью которых профсоюзы направляют усилия трудящихся на выполнение задач, поставленных партией.

Не случайно они всеобъемлющи — охватывают свыше ста миллионов человек, практически всех

работников общественного производства в нашей стране.

По-калужски. Чем особенно много приходится заниматься Ивану Федоровичу, так это внедрением бригадных форм труда. Начали в 1980 году одновременно с заводом расточных станков. Наши результаты хотя и признаны лучшими по области, нас еще не удовлетворяют. Считаем, что только начало. Большие наметили планы. У Малова в цехе, например, из 22 бригад пятнадцать работают на едином наряде, с применением КТУ. Но он намерен перевести все бригады на этот метод и создать еще новые. В цехе № 3 это уже сделали. Хорошо получается и у сборщиков. Наши бригадиры вместе с Фомичевым ездили в Калугу на турбинный завод. Были наши товарищи на семинаре в Пензе, по обмену опытом в Конакове и Актюбинске. Партком завода и дирекция оказывают нам поддержку во всех этих делах. В отделе труда и зарплаты введена специальная должность по внедрению бригадного подряда. Надежда Петровна Плицинская теперь инженер-организатор бригадных форм труда. Она могла бы подробно рассказать о работе совета бригадиров, созданного у нас, и учебе бригадиров, о том, как занимаются этими вопросами собрания цехов и завода.

SOS! Погибаем! Все это хорошо, идет на пользу общего дела — выполнению государственного плана и воспитанию человека. Но вот что нас с Иваном Федоровичем не на шутку тревожит — прибавилась еще одна форма отчетности. Нет чтобы она состояла только из цифр. Тут ряд вопросов по бригадному методу. А по остальным видам соревнований? Опять своя форма. Школы комтруда — третья, по качеству — четвертая... Конца нет. По каждому направлению работы завкома, по каждой комиссии нужны отчеты. И не только по заводу, но и по объединению. 12 видов заводской отчетности. Кто запрашивает? Да все вышестоящие организации: обком профсоюза, облсовпроф, ЦК профсоюза, ВЦСПС, и все врозь. Нет, чтобы по единой форме! Мы понимаем, что отчеты не болтики и гаечки. Тут государственный стандарт не введешь. Но унификация «узлов» должна же быть! Потому что очень много времени требует составление всех этих данных, заполнение бумаг, справок, переписки исходящей и входящей... Мы с Фомичевым прикинули всю номенклатуру дел завкома... вы не смейтесь! — на весы. 20 килограммов текущих дел набралось. Как бы в один прекрасный день мы бы не выдержали и не закричали: «SOS! Погибаем!» **Ревизора бы на ревизоров!** Одна беда, как говорят, не приходит. Есть у нас и вторая. Поясню. Сегодня на календаре пятница. Последний день недели. Пора подвести итоги. В каком состоянии мой отчетный доклад? Не вылепил. Заголовки и три абзаца на первой странице. Не много, но вот вопросы, которые составят скелет доклада, наметились. Их ведь обдумываешь задолго. Кадровый вопрос. Надо менять председателей нескольких комиссий завкома. Кто ушел или собирается на пенсию, кто выбыл с завода. Обговариваю кандидатуры, когда хожу по цехам. До плана на очередной квартал руки не дошли. Остальное время съела текучка конца месяца

и... проверки. Об одной вчера говорил, — следовательно приходил по письмам трудящихся. Сегодня из райсобеса пришли. Из Москвы звонили. Бригада ВЦСПС по соблюдению трудового законодательства выехала. На этой неделе еще проверяли состояние спортивной и физкультурной работы, а инструктор совпрофа — школы комтруда?.. Приезжал секретарь обкома профсоюза А. В. Ковалев по подготовке к отчетно-выборной конференции. Каждому нужно дать материалы, отвечать на вопросы. Это ведь только на одной неделе. А их в году 52. Не будем считать праздников и отпуска. Пусть будет 40 недель. Пусть будет по одному проверяющему в неделю, и то многовато. А то мы уже скоро только тем и будем заниматься, что принимать ревизоров. Нельзя ли собрать всех проверяющих в одну бригаду, чтобы за один раз все проконтролировать? Пусть ругают нас нещадно, указывают на огрехи, — спасибо скажем. Но чтобы за один раз в полгода или в квартал по крайней мере. Ревизора бы на ревизоров! Хорошо, чтобы этот вопрос, так же как и об отчетности, обсуждался на XVII съезде профсоюзов. Не нас одних постигает такая участь. Явление типичное.

ПОЧТИ ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Ба, кто к нам пришел! Вот хорошо-то! Володя, дружище! — Соколов вскочил, обнял молодого бородача в замшевой куртке, стал хлопотать по плечам, пока не усадил поближе к себе. — Ну, как ты? Да, я не представлял: Владимир Никитович Шеладев, директор полной средней школы № 28, нам подшефной.

— Как белка в колесе. Только что из отпуска. Не догулял.

— Мы с тобой одинаково мыслим. Я тоже не догулял. И тоже как белка. Надо бы встретиться.

— Пока не получится. Сегодня в райком партии приглашают. День учителя.

— Прости, дорогой, я тебя и не поздравил. Однако, извините, товарищ, День учителя только послезавтра. Все еще впереди. Ну как, «Красная Талка» не снится?

— Спрашиваешь! Всю жизнь помнить буду. Если б не он, — показывал Шеладев глазами на Соколова, — я бы пропал. Финансы, снабжение. Кадры. Пуск...

— Если не возражаете, я дам комментарий к такому неожиданно лирическому отступлению, — предложил Соколов.

«Красная Талка». Во-первых, что такое «Красная Талка»? Название прекрасного пионерского лагеря Ивановской области — я уверен, что таким он станет, — на берегу Черного моря под Феодосией. Первого пионерского лагеря текстильного края на юге. Никакой там базы, за которую можно было бы уцепиться, не имелось. Обосноваться у голубых волн облсовпроф поручил нашему заводу, сказали: «Вы очень быстро все строите». Первый раз полетел туда в мае. Надо было найти и организовать какие-то помещения, направить туда наших людей, чтобы строить. Директором лагеря назначили Шеладева. Вот там мы и подружились. Как он ужаснулся, когда я в мае полез в воду! Море холодное, кошмарный ветер, даже из местных никто не купался. Наутро Володя спросил: «Ну как, жив?»

Вместе подбирали людей. Надо было найти 85 человек обслуживающего персонала. Это же не шуточки! Смета. Деньги. Хорошо, что, работая в ОКСе, приобрел опыт и мог разбираться в этих делах. Потом заготовка продуктов. Проверил — их всего лишь на один рубль в день получается. А надо на один рубль 73 копейки.

Поехал договариваться по управлению и базам. Наконец настал день отправки детей. Арендвали шесть самолетов на дорогу туда и обратно. Определили воспитателей. Им же отвечать за каждого ребенка. Наши, заводских, только 46, остальные 350 ребят со всей области. Я провожаю ребят в аэропорт, и вдруг обнаруживается: воспитатель из одной группы, а в ней 60 человек, занемог, не может лететь. Замену за два часа найти невозможно. Положение безвыходное. Беру список ребят и как был в рубашечке, без пиджака, так и улетел с ними в Симферополь. Даже командировочные оформлял задним числом.

А там снова проблема за проблемой. Ну хоть бы такая: после обеда 1200 тарелок, а чем, как их мыть? Горячую воду отключили...

Однако все передраги перекрывали счастливые лица ребят. Побудешь с ними и сам таким же становишься!

Час расставания. Пришел наконец час прощания с Черным морем. Хорошо, что я, наученный горьким опытом отлета из Иванова, к тому времени снова был в Феодосии. Когда прибыли в Симферополь, в аэропорту выяснилось, что наши билеты на арендованные самолеты распроданы. Не сработала радиограрма. Вы знаете, что такое улететь в конце августа из Крыма? Тут не один человек — 400. Не описать, каких стоило нервов добиться билетов, звонил в Киев, потом в Москву, в министерство ГВФ... К счастью, все обошлось, все вернулись здоровыми...

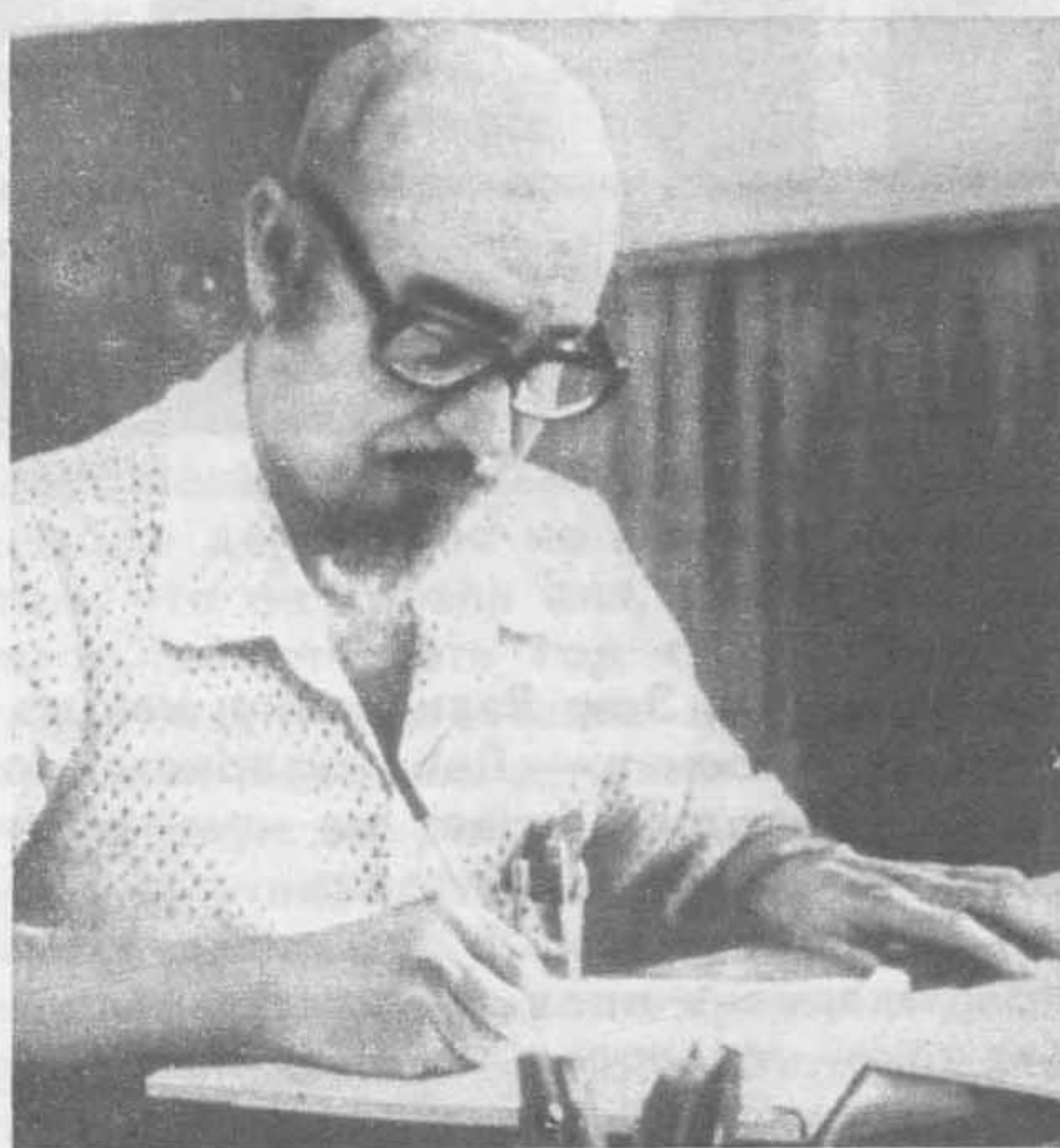
Будущее. Итак, ивановский Артек прошел хорошую обкатку. На следующий год пусть на него другие предприятия потрудятся. Я так и сказал об этом секретарю облсовпрофа Вере Александровне Виноградовой. Сдаюсь, мол, увольте! У нас своих лагерей предостаточно. Четыре заводских и столько же еще в объединении. В прошлое лето мало ими занимались. Все силы брошены были на «Красную Талку». А нам нужно сделать пионерский лагерь «Янтарь» зимним, чтобы работал круглый год, организовать в нем свой профилакторий для рабочих.

Неужто 15.30? Пора и мне в райком партии. Меня тоже пригласили, и я подозреваю, что по одному и тому же с директором школы вопросу. День учителя и для нас праздник. Школа № 28 рядышком с заводом. Ученики тренируются в нашем спортивном комплексе. От нас, заводчан, и учителей очень многое зависит, придут ли питомцы школы по ее окончании на «Автокран» или нет. Сегодня дети — завтра наши рабочие, будущее нашего коллектива.

Только пять дней... В хронике их, как в зеркале, социальная жизнь большого трудового коллектива и роль завкома, которую трудно переоценить. Пока этот материал готовился к печати, пришла из Иванова радостная весть: заводу снова присуждено Красное знамя ЦК профсоюза и министерства. В 27-й раз! И в этом — немалая заслуга его профсоюзной организации, в основе деятельности которой — гармоническое сочетание интересов общества, коллектива и личности — великие права, закрепленные Основным Законом государства за профсоюзами.

Иваново.

А Р О Д Н А Р О С О Л О П О Г О Л О

Антонио ЖАСИНТО

ПРОТОПОЭМА

В час аксиом
Надежда станет верой
И слово четкое из бронзы вознесет.
Три буквы — М И Р — отныне будут мерой,
Синонимом достигнутых высот.

В бессильном страхе, в час глухой тоски,
Наперекор всем рассказням и басням
Есть имя, слово — страху вопреки —
ЛЮ Б О В Ъ, — поверь, что нет его прекрасней.

Весь мир уснул, на небе — ни звезды,
Но в этом сне в глухой полночный час
Не сон счастливый и не стон беды,
А стук сердец объединяет нас.

Пейзаж небесный с бледною луной
Лишь оттеняет сумрак улицы ночной.
Лишь фары «джипов» мрак пространства
разрывают,
Да сталь штыков в луче под фарами играет.

Что город? Спит?
Едва ли в этот час.
Спит жалкий трус, предавший нас не раз,
Не спит рабочий, и не спит солдат,
Не спят тюремщики, и узники не спят.

Не спи, поэт,
Твой долг — быть начеку,
Кровь отдавать за каждую строку.
Из нашей крови,
боли и надежды

Родилось то,
что сказкой было прежде!

ГАБРИЕЛА

Я полюбил девушку,
Не слишком грустную и не слишком
прекрасную.

Я очень любил эту девушку.
Только она уехала,
И Камбондо заплакал,
Загрустил, заболел.

Я хотел отыскать ее,
Отправился в странствия...
...Звали ее Габриела.

Не слишком грустной, но и не слишком
прекрасной

Была эта девушка.
Где она? Что с ней?

В небе одна звезда
Ярче всех звезд
Засияла,
А я все ждал, я все звал, Габриела!
Даже эхо не отвечало!
И повел меня свет за звездой вослед,
Но я не нашел Габриелы!

«Голосом народа» называют в Анголе поэзию Антонио Жасинто, пламенного патриота, негибаемого борца против колониализма, за свободу и независимость своей родины. Около четырнадцати лет провел он в концлагере Таррафал на островах Зеленого Мыса, куда его заключили за участие в антиколониальном движении.

Антонио Жасинто до Амарал Мартинс — таково полное имя поэта — родился в Луанде 28 сентября 1924 года.

Одним из первых А. Жасинто обратился к образу ангольца, восставшего против колонизаторов. И, может быть, уверенность, что народ, который ушел на войну (именно так, «Народ ушел на войну», называется популярное стихотворение Жасинто), непременно вернется победителем, дала силы физически хрупкому и болезненному поэту вынести нечеловечески суровые условия заключения в Таррафале. И в то же время стихи Антонио Жасинто полны светлой надежды. Он говорит о любви и радости, потому что они неотделимы в его понимании от борьбы за свободу, помогающей африканцам обрести человеческое достоинство.

Сейчас Антонио Жасинто все свои силы и все время отдает строительству в НРА новой жизни. Он член Центрального Комитета МПЛА — Партии труда и государственный секретарь по вопросам культуры.

Е. РЯУЗОВА,
кандидат филологических наук

ШИЛОАНГО

Эта река
Такая длинная —
Такая длинная и такая далекая.

Эта река —
Наша жизнь на земле —
Такая короткая и такая яркая.

Эта река —
Наша надежда —
Такая долгая и такая верная.

Так что же значит — эта река,
Рябь на ее воде, ветер над ней?
Течение жизни,
Бутон?
Куда это все течет,
Что не сбывается и почему?

Главное —
Наша надежда,
Неумирающий лотос,
Расцветающий над водой,
Словно улыбка!
Главное —
Свет, зажигающий взгляд,
Отражающий взгляд
В зеркале вод
И вновь зажигающий свет.

КРАТКАЯ ХРОНИКА

В зеленой чаще маленькое селенье,
Под пологом леса игра светотени.
У двери хижины — старый Кайсонго
Замер в горестном оцепененье:
Перепуганные перестрелкой,
Над головой пролетают птицы.
Нет больше сил, чтобы выручить близких.

— Где внук мой? Где внук мой? —
Слышится стон из чащи. — Кто умер?
Может быть, это внук? Где же внук мой?
Может быть, это внук мой умер?

Где он — мальчик отважный?
Есть ли еще надежда, что он вернется
с победой?

В селенье, в зеленую чащу, отряд карателей
прибыл.
В селенье — один Кайсонго, ни души
на целую милю...
Два кусочка свинца вонзились в черную кожу.
Красная кровь заливает лицо Кайсонго.

Кто умер? Кто умер?
Чей срок наступил? Кто умер?

Ушел последний каратель,
И слетелись на труп птицы.
И кружат голодные коршуны
Над мертвым старым Кайсонго...
О, наши воспоминанья, наши воспоминанья!
В них теперь появился старый-старый Кайсонго.

Перевела с португальского
Ольга ЧУГАЙ.

ДШРЕЖТ

Любовь ЮНИНА

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

С утра Зоя Васильевна выглядела усталой, она плохо спала, и сегодня ей можно было дать не только те сорок лет, которые она прожила на свете и которые ей никогда не давали, но и больше. Как-то тревожно было у нее на сердце после вчерашних домашних разговоров, хотя и не могла объяснить себе, о чем она, в сущности, тревожится. Кажется, у нее тоже был в жизни период, когда ей надоело учиться. Впрочем, был ли? Напрасно она приписывает себе то, чего не было.

У Зои Васильевны всегда была в жизни цель. Нет, она не мечтала стать директором завода или каким иным руководителем, просто ей хотелось делать интересное дело. Она любила состояние занятости, всю жизнь любила, с самого раннего детства, никогда не умела сидеть сложа руки. Все, за что бралась, она делала добросовестно. Институт выбирала сама, без подсказок и училась там отлично. От аспирантуры, куда ей и Алексею предложили пойти, отказалась. Голая теория ей была неинтересна, она была практик.

До вчерашнего дня Зоя Васильевна считала, что у нее прекрасная семья и в этом отношении ей очень повезло в жизни. Горячая любовь с Алексеем постепенно перешла в прочную привязанность и глубокое взаимопонимание. Дети росли здоровые и трудолюбивые. Ее занятость в семье воспринималась как явление закономерное, поэтому все понемножку делали домашнюю работу. Варя с Антоном хорошо учились, педагоги считали их способными детьми. Она не особенно заботилась об их будущем, считая само собой разумеющимся, что, окончив школу, поступят в институт, ну, а там... Впрочем, так далеко Зоя Васильевна никогда было не глядела.

Вчерашние слова мужа о том, что она идеальна, Зоя Васильевна, подумав, все же восприняла как насмешку. Где уж тут до идеала, если случалось, что детей она порой за целый день ни разу не видела. И мало о чем, естественно, спрашивала... «Но почему не спрашивала?» — думала Зоя Васильевна. — Потому что я страшно далека от них. О чем я успеваю спросить: здоровы, сыты, что в школе? На остальное же у меня просто нет времени. Работа, работа, работа... Даже стирая им рубашки и жаря котлеты, я думаю не об их душах, а о работе. Не о девочке, к которой ходит Варя, не о том, чему она ее научит, а о заводе, о плане, который надо выполнять, о том, почему работа идет со сбоями. А в сущности, эта девочка, с которой дружит Варя и у которой черпает глупости, — вот что должно быть для меня главнее завода и плана. Я отвечаю за завод, но он не мое детище, не я его одна создала, а вот за дочку я отвечаю всей своей жизнью. А не дает ли сбой вся моя жизнь и что это за ансамбль «Машина времени», который нельзя слушать Алексею, потому что у него станет плохо с сердцем? Ведь Алексей не может жить без музыки. Что же это за музыка?» — так она думала по дороге на завод и, войдя к себе в кабинет, все еще думала об этом, никак не могла перестроиться. Хотя перестроиться было необходимо.

Поздоровавшись с Розалией Игнатьевной, она спросила:

— Вы не знаете, Розалия Игнатьевна, что за ансамбль «Машина времени»?

— Конечно, знаю. Я слушала его в Сочи.

— Вы? — удивилась Зоя Васильевна.

— Я всегда стараюсь быть в курсе событий, — с достоинством ответила Розалия Иг-

натьевна, глядя на Зою Васильевну, как на неслышного ребенка. — Два гитариста, один ударник и еще один играет на чем-то вроде фисгармонии. Ужасающий гвалт.

— Да-а?

— Но Макаревич поет совсем неплохо.

— Кто такой Макаревич?

— Это их руководитель. Если б ему не мешали, он вполне мог бы стать Кобзоном.

— А кто ему мешает?

— Так музыканты! Эти современные инструменты так воеют, что через пять минут уже гложешь, хотя молодежи его музыка нравится. Но я досидела до конца, потому что на «Машину времени» билеты достать практически невозможно.

— Ах, так, — кивнула Зоя Васильевна, ничего не поняв. — Но вы же достали.

— Мне достали. Восемь тридцать, Зоя Васильевна.

— Да. — Зоя Васильевна включила селектор. Наступило время утренней оперативки.

Уже где-то в конце дня Чурикова выкроила время и встретила с треугольником третьего цеха, где работала Лилия Агеевна Петрушова.

— Вчера ко мне на прием приходила Петрушова, — сказала Зоя Васильевна.

— Насчет комнаты? — спросил председатель цехкома Иващенко. Он робел перед новым директором и, не зная, что думает Чурикова по поводу просьбы Петрушовой, смущался. Иващенко был очень молод, и Зоя Васильевна подумала, что профсоюзной организацией должны руководить люди, имеющие большой житейский опыт.

— Дело не только в комнате. Как она вообще живет?

— Очень она замкнутая, — проговорила Ирина Ивановна Бобкова, очень хорошенькая светловолосая женщина.

«Секретарю парторганизации нельзя носить такие высокие платформы», — вскользь подумала Чурикова и вдруг сама себе удивилась, с чего это она брюзжит?

— Мы и не знали, что у нее сын — пьяница, пока она комнату не стала просить.

— Раньше она не такая была, — Костылев достал из кармана платок и обтер им лицо, голову. — Она на заводе давно работает. Пока сын не развелся, она поразговорчивее была. А потом как-то отодвинулась. Обедать в столовую редко ходит, все больше с собой в кулечке приносит.

— Дома кто-нибудь у нее был? — спросила Чурикова.

— Но она не приглашала нас. Как же мы пойдем? — зарделся Иващенко.

— Как же так? — печально произнесла Зоя Васильевна. — Работает рядом человек, у него беда, все об этом знают и никто не может помочь.

— Да как же помочь-то, Зоя Васильевна? — горячо воскликнула Бобкова. — Ведь пьяница, что с ним сделаешь? Она сама не жалуется, а в чужую жизнь как полезешь, если тебя не просят?

— Она попросила, — сухо сказала Зоя Васильевна.

— Квартиру-то ей уже завод давал, — пробасил Костылев и снова вытер платком лысину. «И что он эту свою лысину все трет, — раздраженно подумала Зоя Васильевна, — лучше б подумал, как помочь человеку». А вслух спросила:

— Сколько она получает? Сто пятьдесят?

Иващенко кивнул.

— А платят на ней — хуже не бывает.

— В материальной помощи мы никогда ей не отказывали, — быстро сказал Иващенко.

— На пропой сыну, — жестко ответила Зоя Васильевна. Она вспомнила, как жадно курила Петрушова сигарету за сигаретой, и сердце ее сжалось, ведь она, наверное, была голодная. — Лучше б обеспечили ее бесплатным питанием. Боже мой, у нас в стране человек

голодает, трудовой человек не имеет денег на еду, потому что в доме беда — в доме алкоголик. Раньше я смотрела эти передачи по телевидению о борьбе с алкоголизмом. Раньше я не думала, как это страшно. А вот увидела Петрушова, доведенную до отчаяния... Все. — Она встала. — Обследуйте положение. Через неделю меры должны быть приняты. Скорее всего сына надо отправить на принудительное лечение. Хлопотно, знаю. Но кто-то должен это сделать.

Когда они ушли, Зоя Васильевна подошла к столу, присела на краешек, устало подумав: «Надо обследовать семью всех рабочих, нет ли и у других таких домохозяев, как у Петрушовой».

Позвонил телефон. Зоя Васильевна взяла трубку. Звонил отец.

— Да, папочка. У меня все в порядке. Как вы?

— Мама неважно себя чувствует.

— Хорошо, я заеду после работы.

— Да нет, если тебе сложно...

— Ну, что сложного, милый, приеду обязательно.

Она положила трубку и решила: подпишу документы и поеду. Больше никаких дел сегодня...

Закончив с документами и заперев сейф, она направилась к двери, которая вдруг отворилась, и вошла Розалия Игнатьевна, очень бледная, со странно расширенными глазами.

— Что? — быстро спросила Зоя Васильевна.

— Лилия умерла...

— Какая Лилия?

— Петрушова, которая вчера к вам приходила комнату просить. От разрыва сердца.

— Ка-ак?! — крикнула Зоя Васильевна.

— Пришла домой, а сын повесился. Ох, бедная, бедная. Извините, что я к вам, я не могу плакать в приемной. Там — люди.

Зоя Васильевна машинально, не глядя открыла сумку, нащупала пудреницу и носовой платок, протянула ей, усадила в кресло. Боже, как ненавидела она в это мгновение себя, вчерашнюю, благополучную, сидящую в кресле и размышляющую о солдатском братстве. Как это она сказала: «Я тоже, наверное, вам откажу».

— Она — из-за сына? — спросила Зоя Васильевна.

— В последнее время мне говорили, она все в церковь ходила, молилась, чтоб бог ей помог.

— Значит, дело до бога дошло. Ох и плохо же, видно, жилось ей.

— Отвезите меня к родителям, Федор Федорович, — попросила Чурикова, садясь в машину. — Оттуда я сама доберусь.

— Я могу подождать.

— Нет, не надо, кто знает, сколько я пробуду. — Она старалась по возможности не использовать машину в личных целях. На такси в конце концов она зарабатывает.

Старики жили в центре города в доме довоенной постройки, в довольно запущенной квартире. Они как-то очень одряхлели, в последнее время их мучили всяческие болезни. Уже много лет они не делали ремонта и не разрешали делать его Зое Васильевне: они не любили расставаться со старыми вещами, каждая хранила какие-то воспоминания.

Ольга Феокистовна почти не выходила из дома, а Василий Васильевич еще держался, через день по утрам ходил за молоком и хлебом. Остальные продукты раз в неделю привозили или Зоя Васильевна, или ее муж, или дети. Прачечную они вызывали на дом, а больше из бытовых услуг им ничего не надо было. Зоя Васильевна не представляла, что они делают целыми днями. Деятельные в прошлом, сейчас, почти обессиленные, они могли предаваться только воспоминаниям. Единственной радостью, светлыми часами в их жизни было, когда приходил кто-нибудь из Чуриковых. По-

О Р

том они долго обсуждали, как выглядит Антон или Варя, что говорили, как смотрели, что съели. Зоя Васильевна старалась посылать детей к старикам почаще, но это не всегда удавалось. Они ведь тоже были заняты.

Когда она пришла, Ольга Феоктистовна лежала в постели.

— Радикулит с утра подхватила, совсем ни сидеть, ни ходить не могу,— пожаловалась она дочери.

— Ничего, мамочка, сейчас я тебе массажик сделаю, все будет отлично. Лекарства ты какие сегодня пила? Ага, хорошо. Сейчас вам что-нибудь вкусенькое приготовлю.

Приговаривая, Зоя Васильевна положила мать на живот, быстрыми крепкими руками сделала массаж, намазала тигровой мазью, укутала шерстяным платком. Пока варился суп, провернула через мясорубку мясо, пока тушились биточки, смела пыль и вымыла полы, натерла немецкой эмульсией. И все в квартире заиграло, заблестело, ожило.

— Ох, Зоенька, хорошо-то как, что ты сумела прийти. Никто, кроме тебя, не умеет так все сделать. И спине получше. Я, пожалуй, смогу за столом ужинать.

— Конечно, сможешь.— Зоя Васильевна помогла матери подняться, обула ей на ноги валенки, укутала, усадила за стол.

Отец ходил за ней по пятам, расспрашивал о заводе, давал советы. Зоя Васильевна прислушивалась к его словам. В свое время он был хороший инженер и в семьдесят восемь лет сохранил удивительную ясность ума. Но в житейской своей беспомощности они все же были как дети.

— У меня проблема, родители,— сказала Зоя Васильевна за чаем.— Варька не хочет кончать школу, не хочет учиться в институте.

— Я всегда говорила, Зоенька, детям надо уделять очень много внимания,— сказала Ольга Феоктистовна.— А ты меня не слушала. Работа для женщины не главное, главное— дети.

— Ты не права, Оля,— заметил Василий Васильевич, который очень гордился дочерью и ее успехами.— Дети есть дети, работа есть работа. Все можно совмещать. Пришли Варю к нам, мы с ней поговорим.

— О нет,— засмеялась Зоя Васильевна,— говорить пока не надо. Она просто стала думать об этом.

— Нет, школу надо обязательно кончить,— сказал Василий Васильевич.— Это вы с Алексеем должны обеспечить. В наше время без образования — смешно.

— Ты упустила ее, Зоенька. Я всегда была против этой твоей работы. Ну скажи, что хорошего, что ты директор? Одна нервозность. Тебе бы, как Алеше, надо заниматься научной работой. Тихо, спокойно. И вообще вся эта ваша эмансипация — глупость.— Старушка совсем расстроилась, и Зоя Васильевна пожалела, что рассказала о своей неприятности. Было время, когда они были помоложе, тогда она со всеми огорчениями могла к ним обратиться. А сейчас их надо беречь, они такие старенькие. Она уложила мать в постель, хотела помыть посуду, но отец не дал.

— Посиди лучше с мамой, отвлеки ее чем-нибудь веселым, а посуду я сам помою,— шепнул он.— Она совсем старенькая стала.

Уходила Зоя Васильевна от стариков с щемлящим чувством жалости. «Может быть, права мама. Зачем эта суета, этот темп, если в старости все равно будешь догорать тощей свечечкой... Но зачем тогда вообще жить?» Печальная возвращалась к себе домой директор завода Зоя Васильевна Чурикова.

На следующий день Зоя Васильевна велела Антону съездить к бабушке с дедушкой, строго-настрого наказав, что Вариню желание не серьезно, она нарочно так сболтнула, чтобы позлить его, Антона.

Последняя неделя перед Новым годом бы-

ла для Зои Васильевны, впрочем, как и для всего завода, очень тяжелой. Она уходила рано, приходила поздно, почти не видела детей и мужа, даже родителям не каждый день удавалось позвонить.

Завод лихорадочно штурмовал план. Скрепя сердце она согласилась на сверхурочные, на работу в выходные дни. Все это было по государственному карману. Но она все же пошла на это, и дело было не в личном престиже, не в том, что не хотела она, Чурикова, новый директор, заканчивать год с отставанием. Дело в том, что недопоставка продукции электроламповым заводом другим предприятиям нарушала ритм их работы, ломала их план.

Хоть и утверждал начальник главка Чеботарев, когда сватал Зою Васильевну на должность, что после реконструкции предприятие стало совершенно современным, было это хоть и так, но и не так. От создания проекта до пуска линий проходят иногда годы, и завод, еще не начав выпускать продукцию, морально стареет. После реконструкции завод прожил всего два года, срок невелик, но, чтоб быть на современном уровне, он должен совершенствоваться ежемесячно, ежедневно, ежечасно. Ничего этого здесь не делалось. Производительность труда повышалась медленно, увеличение плана шло в основном за счет упрощения изделий. Нужны были крупные перемены. Напряженная работа потребуется от всего коллектива, от директора до уборщицы!

В четверг в конце дня ее вызвал Чеботарев. Она вошла к нему в кабинет, быстрой походкой прошла к столу, пожала ему руку, села.

— Как дела?

Зоя Васильевна неопределенно пожала плечами.

— Вы не в духе?

— Нет, почему же, я всегда в духе, Андрей Семенович.

— Разобрались с делами на заводе?

— Более-или менее.

— План выполнен?

— Посмотрим...

— Зоя Васильевна, вы обычно увереннее говорите. Вам не нравится завод?

— Что значит нравится — не нравится. Все не так просто.

— Как вы думаете, насколько вы могли бы увеличить выпуск продукции? Хоть ненамного...

Зоя Васильевна молчала, что-то внимательно изучая в замочках своей щеголеватой сумочки.

— Я не уверена, что увеличение нужно,— наконец сказала она.

— То есть? — поднял лохматые брови Чеботарев. Лоб у него был низкий, волосы густые, и когда он так делал, лицо получалось и без лба и без бровей: глаза, и сразу шапка волос — чистый Карлсон, который живет на крыше.

— Изучение дела привело меня, Андрей Семенович, к мысли, что чем больше мы будем выпускать изделий, тем больше их станет требоваться.

— Что-то загадками вы говорите, Зоя Васильевна. А попроще нельзя?

— Можно и попроще.— Она поглядела на него темно-янтарными глазами, поправила узкой рукой пушистые волосы. Очень хороша была собой Зоя Васильевна, и Чеботареву вдруг стало странно, что с этой прелестной женщиной он обсуждает сугубо производственные дела и, судя по всему, они сейчас жестко поспорят.

— Проще можно. Я знаю, что вы сразу со мной не согласитесь, тем более, что до конца в деталях я еще не представляю, как все сделать.

— Так,— сказал Чеботарев, постукивая пальцами по столу.— Интересно...

— Я не обнаружила на заводе больших рекламаций. Но много рекламаций получают предприятия, которые используют наши изделия в своей продукции. И выяснилось, что план увеличили, но за счет ухудшения качества.

— Надо бороться за качество.

— Это я и намереваюсь делать. Но улучшенной, высококачественной продукции стране понадобится меньше.

— Хорошего меньше? — удивился Чеботарев.

— Двадцать пять лет назад мои родители купили холодильник «ЗИС». Он и сегодня служит им верой и правдой. Высокого качества был агрегат. А вот у меня за двадцать лет уже два холодильника вышли из строя, и сейчас

опять буду покупать новый. Это, извините, я вам по-дамски, на пальцах объясняю. Что толку гнать миллионы электролампочек, если они через несколько месяцев летят к черту. Надо делать такие, которые служат годы.

— Это удорожит продукцию.

— На первых порах...

— Вы предлагаете невозможное.

— Возможное, Андрей Семенович. Вы знаете меня давно, я человек серьезный, я хорошо обдумала все.

— Снижать план!.. Ничего себе серьезная идея! Вас никто не поймет.

— Через несколько дней все расчеты будут готовы.

— Зоя Васильевна, зачем вы усложняете себе жизнь? Нужно искать другие пути. Я старый человек, много перевидал, и поверьте мне, ваш молодой задор, ох, и попортит вам кровь.

— Посмотрим,— упрямо сказала Чурикова.

Дома дверь ей открыла Варя, которая радостно повисла у нее на шее.

— Мамочка, мамулечка,— запела она,— как я рада, что ты рано пришла. А мы уже решили, что ты нас бросила.

— Не бросила, не бросила,— смеясь, Зоя Васильевна сняла пальто,— а кто еще дома?

— А никого! Антон у приятеля, а папа в консерваторию, по-моему, пошел.

Муж Зои Васильевны в свое время окончил музыкальную школу и страстно любил музыку. Так как она не то чтобы не разделяла с ним это увлечение, но просто не имела на него досуга, Алексей Александрович уже много лет посещал концерты, как правило, без жены.

— Голодная? — заботливо спросила Варя.— Пойдем, я тебе яшенку поджарю. И еще у нас есть гречневая каша, папа сварил. Будешь?

— Нет. Ты чайку завари. Я обедала.— Она переоделась в свой суконный халат и собралась было идти в кухню, как в спальню прибежала Варя с подносом в руках, на котором стояли чашка, чайник и даже какое-то печенье.

— Посидим здесь,— сказала Варя.— В кухне, по правде говоря, сегодня грязновато.

Она разлила чай, и Зоя Васильевна, откинувшись на спинку кресла, немножко кефовала — так приятно было после этих суматошных дней уходящего года оказаться в своей тихой, уютной квартире и пить чай, приготовленный юной, красивой дочерью.

— Мама,— вдруг спросила Варя.— Как ты думаешь, с кем папа ходит на концерты?

До Зои Васильевны сразу не дошел вопрос дочери. То есть как с кем? С приятелями, приятельницами, как правило, кто подвернется, того и зовет. Иногда вообще один ходит.

— Почему ты меня об этом спрашиваешь, Варя?

— Одна девочка из класса (она у нас бывала и знает папу, а тебя не знает) мне тут говорит: «Видела твоего отца в консерватории с ослепительной блондинкой. Ты совершенно не похожа на свою маму. Неужели она директор завода?» И ехидно так. Очень было мне противно. Я решила, что это была Елена Аркадьевна с его кафедры. Спросила папу, с кем был, оказалось, действительно с Еленой Аркадьевой. А почему ты сама с ним не ходишь, мама?

Ревность чуть-чуть ущипнула сердце Зои Васильевны. Она прежде не думала о том, что есть разница, от кого получаешь информацию. Главное — суть. Ан нет! Когда Алексей говорит о том, что пригласил в концерт Елену Аркадьеву, — это одно, а когда тебе сообщают, что твоего мужа видели там с другой, — совсем иное возникает ощущение.

— Ты же знаешь, что я очень занята,— сухо сказала Зоя Васильевна.— У меня на концерты нет времени, а папа очень любит музыку. Ходи сама с ним, если тебе неприятно, что он приглашает Елену Аркадьеву.

Конечно, Зоя Васильевна не ревновала его к Елене Аркадьеве, знала, что та без памяти влюблена в мужа, летчика гражданской авиации, иногда они семьями вместе проводили праздники и... неужели она должна обращать внимание на сплетники?

— Зачем я буду ходить в консерваторию? — пожала плечами Варя.— Мне там скучно. Антон, правда, может еще иногда выдержать. Хотя, как и я, он предпочитает «Машину времени» или «Пинк Флойда».

— А это еще что за птица? — удивилась Зоя Васильевна.

— «Пинк Флойд»? Отличный ансамбль. Включить? У меня есть плёночка.

— Пощади! Мне сейчас что «Пинк Флойд», что Бах — не различу. Голова раскалывается.

— А я не хочу так жить, как ты, мамуля.

— А как я живу?

— По-моему, скучно. У тебя в голове только одно: работа, работа, работа.

— Работа и есть жизнь.

— Не знаю. Я ленивая.

— Не наговаривай на себя, Варюшка. Что тебе подарить на Новый год?

— Что мне хочется, ты не подаришь.

— А что тебе хочется?

— Вельветовое платье. Розовое с заклепками. Одной девочке папа привез из заграницы, а оно ей мало.

— Дорого?

— Не очень... Как обычно.

— И все же?

— Сто двадцать рублей.

— Сто двадцать? — ахнула Зоя Васильевна. — Ты с ума сошла! Почти целая зарплата.

— Так и знала, что не купишь. И зачем только сказала.

— Варя! Да ты сама подумай — сто двадцать рублей за платье.

— Ой, ну хватит, мамочка, скучно все это.

— Что скучно? — растерянно спросила Зоя Васильевна.

— Да все. Для чего ж тогда так работать, если нельзя купить что хочется. Смотри, целую неделю ты приходишь домой еле живая и в голове у тебя: план — завод, план — завод. Ты что — робот? Жить надо по-другому.

— Как же?

— Как? У моей подружки Люси мама массажистка. Она в своей парикмахерской отработала от семи до трех или с трех до десяти и вольная птица. Кроме зарплаты, у нее каждый день — десятка, а то и больше. Отец — парикмахер, очень модный. К нему стрижется за неделю записываются. С каждой головы — пятерка, а то и десятка. Он вообще без полтинника домой не приходит.

— Какого еще полтинника?

— Пятидесяти рублей, мамочка. И между прочим, ее папа окончил институт, но предпочел изменить профессию. И живет теперь без всяких забот. Одеваются лучше нас. У тебя каракулевая шуба по ордеру, который тебе за хорошую работу дали, а у Люсиной мамы — норка.

— Так уж и норка? — Зоя Васильевна вдруг стало смешно.

— Не смейся, мамочка. Я в мехах, конечно, не разбираюсь. Может, и не норка, но я таких красивых ни у кого не видела. Зато серьги у нее с бриллиантами, а у тебя даже не золотые.

— У меня старинное серебро кубачинской работы, — чуть обидевшись, сказала Зоя Васильевна.

— У нее тоже старинные.

— Ну, и чепуха у тебя в голове, Варенька. Неужели ты думаешь, что парикмахером быть интереснее, чем инженером. Я допускаю, что у Люсиного папы не было инженерной жилки, а вот талант к парикмахерскому делу обнаружился. Но почему ты во главу угла ставишь деньги? И платье за сто двадцать рублей, я думаю, Люсе не каждый день покупают.

— А это не Люся продает, а другая девочка. У Люси их уже штук десять.

— Пусть так. Почему же Люся тогда продолжает учиться в школе, а не поступает на курсы парикмахеров?

— Она хочет стать кинокритиком. Но дело не в этом. Я вовсе не говорю, что деньги — главное в выборе работы. Может быть, я неудачный привела пример. Я говорю о профессиях, которые позволяют человеку жить для себя. Ушел с работы и забыл о ней...

— И что же, по-твоему, высшее образование может помешать этому?

— А зачем мне пять лет учиться в институте, когда из ПТУ я в восемнадцать лет уже выйду человеком с профессией?! Я твердо решила в институт не поступать. Девятый класс, может, кончу, а может, не стану. Просто я еще не выбрала себе профессию. Может быть, стану шофером, а может, тоже парикмахером. Вон везде висят объявления — приглашают учиться на водителей троллейбусов и автобусов, зарплата 250—280 рублей. Зачем же пять лет из своей жизни кошке под хвост выбрасывать?

— Это какие же пять лет?

— А в институте.

— Но институт дает тебе перспективу.

— Какую, мамочка? Как у тебя? Да не хочу я! Подумаешь — директор завода, а папа с чужими тетками по концертам ходит. Не хочу! — Варя вдруг заплакала и убежала. Зоя Васильевна услышала, как дочь с треском захлопнула дверь своей комнаты. Она хотела броситься за ней, но остановила себя, нашла сигареты, закурила и стала решительным шагом ходить взад-вперед по комнате. В минуты наибольшего напряжения ей всегда необходимо было движение.

Позвонил телефон. Зоя Васильевна схватила трубку.

— Слушаю.

— Зоенька, добрый вечер, не разбудила? — услышала она голос Елены Аркадьевны. — Алексей дома?

«Неужели блистательная блондинка была во все не Елена Аркадьевна», — с ужасом подумала Зоя Васильевна и сказала вдруг осевшим голосом:

— Не приходил.

— Я забыла у него взять программу. Боюсь, он ее выбросит. Зоенька, скажи, чтоб он принес ее мне завтра в институт. — Елена Аркадьевна собирала программки всех концертов, которые посещала. — Не забудь, пожалуйста.

— Непременно скажу, Елена. Хороший был концерт?

— Так себе. Вторая скрипка была не очень хороша.

«Господи, мне бы ее заботы», — подумала Зоя Васильевна, положила трубку и, не снимая халата, легла в постель. Эта «вторая скрипка» почему-то вконец ее доконала.

* * *

Утром, готовя завтрак мужу и детям, Зоя Васильевна была молчалива и задумчива.

Домашние знали, что, когда она в таком состоянии, лучше не приставать к ней с вопросами. Зоя Васильевна понимала сейчас, что она расстраивается не потому, что дочь решила стать шофером или швеей, кем она там решит. Будучи постоянно окружена людьми, которые, не имея дипломов, тем не менее были специалистами самого высокого класса и уважаемы иной раз не менее чем академик, она прекрасно знала, что не место красит человека, а человек место. Естественно, ей хотелось дать дочке высшее образование, но если нет, так нет. Пугал ее какой-то мешанский подход к будущему, желание жить для себя, а под этим «для себя» она видела безделье и приобретательство. Она знала, что «вещизм» поражает сейчас многих, но как-то не думала, что эта пагубная страстишка плесенью вползет и в ее семью.

Она понимала, что что-то уже упустила в Варе, что теперь, конечно, хоть и не поздно, но трудно будет привить ей тот взгляд на жизнь, который Зоя Васильевна считала правильным. Она думала о том, что должна находить больше времени для Вари, да и для Антона, наверное, он тоже, как и дочь, может превратиться для родителей в темную лошадку, что так свойственно для шестнадцатилетних, которые ищут свою дорогу и не всегда правильно выбирают путь.

Сегодня в три Зоя Васильевна назначила совещание со своими замами, главными конструктором и технологом, чтобы обсудить те соображения по перестройке работы предприятия и улучшению качества продукции, к которым пришли. Но по дороге на завод она стала думать о том, что ей следует поменять работу, перейти на более спокойную, чтоб больше уделять времени детям. Ну, станет меньше получать, так что? Сколько ни станет — прожить им хватит. Она глянула на сосредоточенно сидевшего за баранкой Федора Федоровича и спросила:

— А как ваш внук поживает?

— Хороший парень. Считаю, что повезло с внуком. Ведь сейчас время неблагополучных детей.

«Да», — подумала сокрушенно Зоя Васильевна, — он прав. И все оттого, что мы, женщины, презрели вековые наши обязанности и стали заниматься не своим делом. Как это Алеша сказал? Я — женщина из будущего. — Она усмехнулась. — Глупость какая. Рано еще нам становиться женщинами из будущего. Сначала надо обеспечить возможность гармонического воспитания детей обществом, сделать так,

чтоб им и в голову не приходило мерить ценность бытия, сравнивая серебряные серьги директора завода с бриллиантами косметички. Вот где зло».

Зоя Васильевна все более и более укреплялась в необходимости менять работу. «Нет, — думала она смиренно, — нам, бабам, заводы еще не по плечу».

Розалия Игнатьевна уже сидела за своим столом, сиренево-седая и, как всегда, величественная. Порой Зоя Васильевна казалось, что она никогда и нигде отсюда не уходит и даже ночью караулит обитую дерматином дверь ее кабинета.

— Совещание в три часа я отменяю, — быстро сказала Чурикова Розалии Игнатьевне.

— Совсем или переносится? — спросила Розалия Игнатьевна.

«Совсем», — хотела сказать Зоя Васильевна, но ей стало жаль своих тщательно выпестованных идей. Что из того, что она перестанет быть директором, завод-то не перестанет существовать. Она просто обязана высказать свои соображения тем, кто останется, а там уж как они решат.

— Переносится. Чуть позже я скажу вам время.

После утренней оперативки Розалия Игнатьевна положила Чуриковой на стол отчеты планово-экономического отдела, и Зоя Васильевна углубилась в них. Изучив, она покачала головой, сказала вслух: «Ну и ну!» — и вызвала начальника отдела.

Едва он вошел в кабинет, спросила:

— Очень мне любопытно знать, Владимир Кириллович, как это у вас годовой план выполненным получился. Да так ладненько.

— Да уж получился, — ничуть не смущаясь, Кожемякин добродушно усмехнулся.

— А знаете, я ведь тоже правилам арифметики обучена. Считаю умею. По моим данным, годовой план завод сделал на 99,8 процента, а по вашим, даже перевыполнение есть — 100,1 процента.

— Зоя Васильевна, это все ерунда. Одна десятая процента туда, одна десятая процента сюда. — Кожемякин решил, что Чурикова недовольна тем, что после запятой приписана единичка.

— Я говорю не об одной десятой, а о тех двух десятых, которые позволили нам выполнить план. И давно завод этим занимается?

— Чем?

— Приписками, — жестко сказала Чурикова.

— Ну, зачем вы так остро ставите вопрос, Зоя Васильевна? Это же мелочь. Мы в первые же дни января все компенсируем. Все будет «тип-топ».

— Вы думаете?

— Уверен. Все так делают. И в главке знают и закрывают глаза.

Зоя Васильевна захлопнула папку с отчетом и протянула ее Кожемякину:

— Сделайте отчет, чтоб он соответствовал действительному состоянию дел.

Кожемякин папку не взял.

— Не горячитесь, Зоя Васильевна. Ничего страшного в этом нет. А весь коллектив оспаривать без премии не резон. Не поймут нас.

— Знаете, Владимир Кириллович, есть такая поговорка: как потопашешь, так и полопашешь. Грубо, извините, но по существу.

— Хорошо, но почему должен страдать весь рабочий коллектив?

— В какой-то мере согласна с вами. Командиры производства должны отвечать в первую очередь.

— За невыполнение плана по головке не поглядят.

— Я отвечаю за свои решения, Владимир Кириллович. Приписками, очковитательством, штурмовщиной мы больше заниматься не будем. Будем работать с полной отдачей сил и честно. Все. Отчет принесете мне через два часа. Я думаю, у вас припрятан где-нибудь настоящий, не для главка, а для работы. — И она мило улыбнулась.

Кожемякин тоже улыбнулся ей в ответ, но криво.

Не успела за ним закрыться дверь, как Зоя Васильевна поняла, что она натворила. Дело не в том, что она не позволила прибавить эти 0,2 процента, а в том, что она взяла ответственность за судьбу завода в будущем и тем самым закрыла себе дорогу к отступлению. Теперь она не имела права оставить завод, теперь это будет уже не уход по семейным об-

стоятельствам, а бегство. Впрочем, еще не поздно, можно вернуть Кожемякина. Что такое эти десятки процента? Их действительно выполнят в первые дни января, и продукция будет отгружена, и никто не пострадает, а коллектив получит премию. И все действительно будет «тип-топ».

Она не может уйти, подписав отчет о невыполнении плана. Тем самым, казалось Зое Васильевне, она предает дом, семью, Варьку. Предает ради этой проклятой работы.

Кожемякина надо было вернуть.

Зоя Васильевна оперлась локтем о стол, опустила на ладонь лоб, прикрыла глаза. И вдруг почему-то вспомнилась ей Лилия Агеевна Петрушова, как она сидела перед ее столом, в старом платьишке, тихая, увядшая, пришедшая спастись от упавшего сына. А ей бы не падать за ним следом, не ползти по жизни червяком, а стараться изо всех сил поднять до себя. Вот в чем бы был ее материнский подвиг! И людей бы на помощь звать: ау, люди, помогите! Не в лесу же дремучем жила. А она и ему погибнуть дала, и сама не спаслась.

А ведь и она, Зоя Васильевна, поддавалась материнскому инстинкту, свойственному всему живому, не считаясь ни с чем, закрывать детеныша телом своим, а не бороться с ним вместе за него. Может, не совсем так, как Петрушова, но что-то, что-то было похожее в том, как думала и решала Зоя Васильевна, на пассивность Петрушовой. Ведь это не бой — прязия, которую придумала Зоя Васильевна, не бой за дочку, а смирение перед ней, выросшей в довольстве и благополучии.

«Что за глупости я придумала, — подумала Зоя Васильевна, — бросить завод. Дело бросить, дело, которому я посвятила столько лет. Я должна поднять Варьку до себя, она и знать не должна, что я боюсь с ней не справиться. Мы закармливали своих детей, слишком сытые стали, бриллианты считают, побольше бездельных часов у жизни отхватить хотят. Да

завтра же, завтра отправлю ее на курсы шоферов или где еще она там хочет легкую жизнь искать. Пусть водит автобусы, зарабатывает свой кусок хлеба сама, и тогда я посмотрю, как она на трудовые деньги сопливой своей дочке платье за сто двадцать рублей купит. Оранжевые цветы на холоде гибнут, детей выносливости, как волчат, учить надо. И стариков к себе перевезу, пусть Варька с Антоном за ними ухаживают. Взрослые со стариками должны жить врозь, но до поры до времени. Моим родителям нужна сейчас помощь внуков, а внукам мудрость стариков. Прошлое и будущее должно быть рядом, жить лишь настоящим опасно».

— Вот так, — сказала сама себе Зоя Васильевна, довольная, что так решительно и, как ей казалось, умно перестроила жизнь семьи. — Не дамся. И если еще жестче сжать время, я их еще и в консерваторию вместе с Алешей буду водить.

Чурикова сняла трубку, набрала номер телефона и сказала:

— Андрей Семенович! Здравствуйте. Чурикова. Докладываю: завод выполнил план на 99,8 процента.

— Что-то очень радостно вы мне это сообщаете, Зоя Васильевна, — проворчал начальник главка.

— Нет, почему же, — Чурикова усмехнулась. — На ковер когда пригласите — сейчас или после Нового года?

— Должен сказать, что электроламповый завод, возглавляемый вами, Зоя Васильевна, впервые не выполнил план.

— Когда-нибудь это должно было случиться.

— Не знаю, не знаю. А на ковер, как вы выражаетесь, попрошу после Нового года. Я вас уведомлю. Будьте здоровы.

Чурикова положила трубку и неожиданно для себя на мотив «Трех танкистов» запела: «И вечный бой, покой нам только снится».

— Вы поете? — спросила вошедшая в кабинет и обомлевшая Розалия Игнатьевна.

— Нет, что вы! Вам послышалось, — ничуть не смущаясь, ответила Чурикова. — Совещание в три часа отменять не будем.

— Хорошо. Я именно по этому поводу и зашла к вам. — Розалия Игнатьевна помолчала, ее как-то беспокоило странное состояние Чуриковой.

— Может быть, вы выпьете чашечку кофе? Вы какая-то необычно для вас нервная.

— С удовольствием. Но я не нервная. Просто у меня в жизни большие перемены.

— Ах, так, — склонилась сиренево-седую голову Розалия Игнатьевна, но спрашивать, в чем перемены, не стала. Скорее всего снимают с работы, решила она, ведь завод план не выполнил. Розалия Игнатьевна пережила многих директоров и хотя каждого по-своему любила, к переменам относилась философски.

Она вышла, и тут же в селекторе послышался ее голос:

— Зоя Васильевна, вас Чеботарев к телефону просит.

— Слушаю, Андрей Семенович.

Если честно говорить, то следует заметить, что Розалия Игнатьевна была права и Чурикова очень нервничала, но в основе ее нервного состояния была не трусость, а азарт борьбы, к которой она была совершенно готова.

— Я вот что хотел сказать, Зоя Васильевна. Вы особенно не расстраивайтесь, что план не выполнили. Я был бы больше огорчен, если бы сделали вид, что выполнили. Так что встречайте Новый год спокойно. Голову сечь не будем.

— Я и не дамся.

— И, конечно, ваши идеи насчет снижения плана, ну, скажем, маниловщина.

— А вот это мы еще посмотрим, Андрей Семенович.

Нет, плохо знал начальник главка Чеботарев директора электролампового завода, он даже представить себе не мог, какой неожиданно дерзкий план перестройки предложит она ошеломленной коллегии министерства.

ВЛАДИМИР ИГОШИН

Л. ЛУКЬЯНОВА

Пройдите по любой большой экспозиции в Центральном выставочном зале Москвы, и среди сотен и сотен полотен вы всегда безошибочно отличите картины художника Владимира Игошева. Они сразу заинтересуют вас своей пристрастной влюбленностью в быт любимого им северного края, в нехитрый и немудреный уклад жизни охотников и оленеводов. Будто откроется своеобразный мир людей, бесконечно близких природе и породнившихся с ней. Вот эта цельность, правдивость холстов живописца и привлекает широкого зрителя.

Своеобразен колорит полотен. Земляные краски — охра, сиена, умбра в сочетании с янтарными и почти золотыми колерами — основа большинства портретов, написанных В. Игошевым: обаятельных малышей в меховых одеждах и старых охотников с обветренными, будто дублеными, изборожденными морщинами лицами.

Художник не скрывает своей увлеченности к избранной им теме, и эта его приверженность, глубокое изучение натуры позволяют находить тончайшие нюансы психологических состояний персонажей.

Обращает внимание, что романтическим по сюжету северным композициям автора совершенно не свойствен какой-либо внешний эффектный прием в манере письма.

Владимир Игошев — мастер высокой гражданской наполненности. Он настоящий патриот Отчизны. И эта его неспешная, раздумчивая, приобретенная годами неустанной работы манера письма потому так привораживает нас своей искренностью, сокровенным желанием воспеть мир чистых, честных, сильных сердечной теплотой людей. Художник Владимир Игошев — один из тех деятелей широкого фронта искусства, которые в насыщенный техницизмом двадцатый век особенно дороги нам как певцы природы — цельного мира, человека труда, гармонично связанного с тем, порою уже забытым, почти сказочным для горожан бытом обитателей суровой тундры, тайги — далеких окраин нашей великой Родины.

И еще одно очень важное в наше время качество отличает его живопись. Холстам Игошева чужда нарочитая огрубленность так называемого «сурового» стиля, нередко превращающего людей в весьма примитивные, умозрительные, надуманные схемы. Жизненность свойственна его полотнам.

Игошев — поэт. Его лира, мелодии его холстов полнозвучны, ибо в основе его творчества — любовь к жизни, к человеку. В этом сила цельного и яркого темперамента. Творчеству художника присуща еще одна важная черта. Он воспекает мир, на первый взгляд будничней, каждодневней, прозаичней, но в этом кругу обыденного бытия, простых вещей, неярких красок северного края находит особую гармонию, колорит.

Творчество Владимира Игошева — явление незаурядное. Его дар нашел выражение в полотнах, может, не поражающих нас своими размерами, но значительных по духовному запасу, по объемности любви и приверженности мастера к теме патриотической, неизбывной.

Эта внутренняя духовная сила позволила мастеру создать полотна большой эмоциональной напряженности, заставляющие зрителя еще раз пережить трагедию минувшей войны, унесшей столько жизней, отданных во имя спасения своей земли. Игошев написал картину, глубоко осмыслив поистине всенародную боль утрат, и нашел проникновенное и высокохудожественное, эпическое по масштабу решение этой суровой и благородной темы...

Полотно Владимира Игошева называется «Она все сына ждет». Картина исполнена веры — в бессмертие, в силу материнской любви, в спасение этой любовью от всех несчастий и бед мира. Художник написал мать, лишенную главного, что составляло смысл ее существования: у нее отняли сына. Но эта трагедия не нуждается в сочувствии и жалости, она верит — он вернется — и верой жива.

...Народный художник РСФСР Владимир Александрович Игошев окончил Башкирское художественное училище, куда поступил в 1936 году, но еще задолго до этого ему, мальчишке, беззаветно любившему живопись, открылся необъятный мир — полотна Репина, Серова, Шишкина, Левитана, Нестерова. Свет, который излучали холсты выдающихся мастеров, согрел душу юного художника, перед ним возникли дали, доселе неведанные. Как Владимир Александрович сам признается, собрание картин уфимского художественного музея сыграло решающую роль в его судьбе. Полотна Нестерова, определяющие лицо этого музея, стали той основой, на которой позже развивалось у Игошева стремление к выразительности и психологизму в портретных работах, убеждение в реалистической основе подлинного искусства.

В те годы Игошев научился главному, без чего невозможен настоя-

щий художник, — постоянной работе на натуре. «Мы, — вспоминает живописец, — рисовали всюду: на базаре, в парке, на берегу реки Белой». С тех пор пространство чистого листа, его незавершенность, белизна притягивали его постоянно, и даже в страшные дни битвы на Волге он, участник ее, не выпускал из рук карандаш. Но не созерцателем был на этой войне Владимир Игошев. Он получил тяжелое ранение и почти весь 1943 год провел в госпитале.

Первая выставка работ Игошева увидела свет в 1943 году — около шестидесяти фронтовых рисунков, выставленных в Уфе, а в 1944-м живописец был принят в члены Союза художников СССР.

— Но я почувствовал тогда, — говорит он, — что слишком многого не умею, и хотя время для меня было тяжелое — здоровье оставалось очень слабым, — я отправился в Москву поступать в Московский художественный институт. Очень обязан своим учителям, особенно Почиталову, Мочальскому, Максимова и Ряжскому.

Работая под их руководством, молодой художник не мог не почувствовать вкуса к жанру психологического портрета. Ему всегда было важно запечатлеть не просто жест, выражение лица или улыбку, он стремится знать, чему улыбается герой, о чем он думает, что в его человеческой сути главное. Знать, чтобы нам близки и понятны стали жизнь и мысли портретируемого. Цветовое решение портрета у Игошева всегда связано с основной темой образа. Вот, например, теплый, в гамме глухих красок портрет оленевода Хатанзеева и, наоборот, серебристый — памирского крестьянина, 125-летнего Саидалидова Саидмирзоева. Мудрая старость, отрешенная от всего сиюминутного, в лице долгожителя и мягкая, уверенная сила в движении руки, держащей аркан, в повороте головы мансийского оленевода переданы не только рисунком, но и колоритом.

Галерея образов ханты и манси занимает особое место в творчестве художника. Попав впервые в 1954 году на Север, Игошев чутьем истинного живописца понял несомненную притягательность этой темы, возможность ее развития. Он поехал туда еще и еще, писал настойчиво, неистово, будто боялся, что поблекнет этот мир, поразивший его однажды. Так Игошев создал уникальную в своем роде живописную книгу жизни маленького северного народа. В каждом переливе мягкого, почти всегда теплого света, отраженного в мансийских портретах, тепло его палитры. Кстати, есть у него такая в буквальном смысле горячая, подгоревшая палитра.

— Я люблю работать мастихином, — говорит Владимир Александрович. — А на морозе краска застывает, начинает отскакивать. Вот и приходится на костре подогревать палитру.

Подгоревшая палитра для нас с вами — экзотическая деталь, а для Игошева — часть его жизни, работы.

На Севере созданы и жанры — картины «В родное стойбище», «На каникулах». Школьница приехала на каникулы домой и свою значительность, необыкновенность осознает в полной мере. Она горда форменным белым фартуком, алым галстуком и важно читает вслух книжку завороченным ее великолепием малышам. «Старая манси», «Замечталась», «Озорница», «В праздничный день» — полотна мансийского цикла, отображающие своеобразие северного быта, принесли художнику широкую известность, признание.

Поэтично, глубоко по содержанию и полотну «Песня старого манси». Игошев сумел передать свое увлечение историей мансийского народа, восхищение его искусством. Густой, насыщенный колорит, выразительно, тонко написанные лица и легкая, едва уловимая дымка, обволакивающая слушателей песни, — словно чад от очага. Чуть закинул голову поющий старик, а сидящие погружены в задумчивость, каждый размышляет о своем, навеянном музыкой...

Владимир Александрович Игошев, отметивший недавно свое шестидесятилетие, живет несуетно и строго. Глядя на созданные им полотна, легко представить его среди снегов, на краю земли — с этюдником. Все, что он пишет, несет на себе печать прочности, верности себе и своему художественному миру.

Главное в творчестве Владимира Игошева — бескомпромиссный реализм. Язык его полотен — станковая живопись, основой которой послужило глубокое проникновение в великолепные традиции русской классической школы. Но это никак не означает, что картинам мастера не присуща новаторская и неперемнная черта любого истинного произведения искусства — первичность видения. Острое видение, талант и огромный многолетний труд помогли художнику приобрести тот незаменимый и яркий по мироощущению почерк, который позволяет так безошибочно узнавать любой его холст.

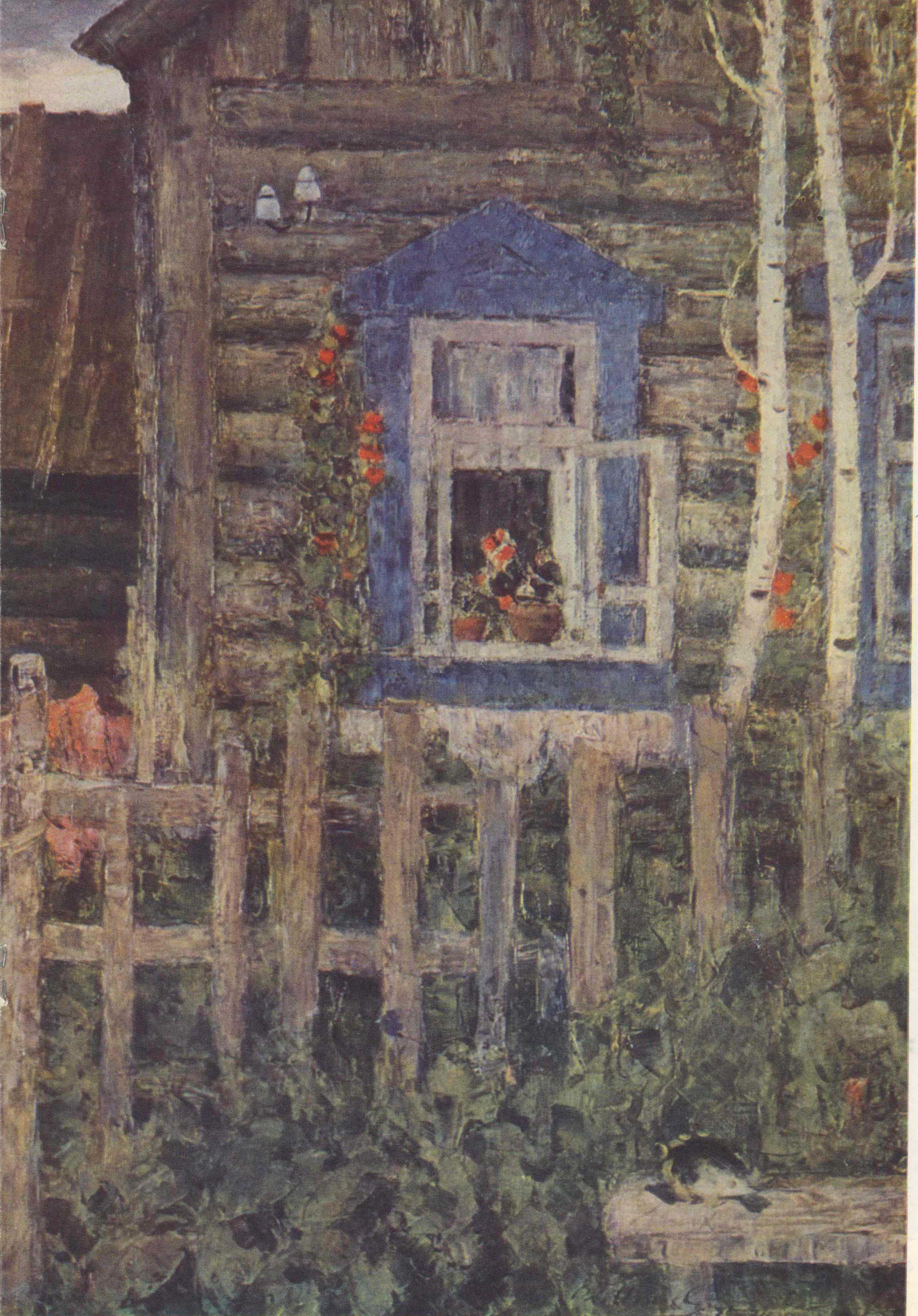
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

В. Игошев. Род. 1921. Бригадир оленеводов Е. Хозяинов. 1980.

В. Игошев. Она все сына ждет... 1972—1974.

В. Игошев. ПЕСЕНКА СЕВЕРЯНОЧКИ. 1973.

ЗДЕСЬ РОЖДАЮТСЯ «БАРСЫ»

Юрий МАКУНИН,
фото автора

Идем по леднику. Это знаменитый Иныльчек. Идем к его верховьям. Туда, где царствуют семитысячные вершины Победа и Хан-Тенгри. Впереди еще двое суток движения по сыпучим, скользким, то крутым, то полого-обманным тропам. Нет уже ни сил, ни желания двигаться. Но надо! Если хочешь что-то спросить, сказать, то начинаешь задолго до этого вращать во рту языком: пересохшее горло не издает звука. Пить нельзя. Обессоленная студеной вода лишь раздражает гланды, а губы получают очередную дозу радиации.

После сброшенного рюкзака, а в нем килограммов тридцать, чуть не взлетаешь со льда: так и подталкивает тебя этакая издевательская невесомость.

Мои спутники — альпинисты — ставят палатку, колдуют над примусом. До чего же резко пахнет бензин! А я сижу на камне, подложив шерстяные варежки, и вспоминаю вещице слова Владимира Шатаева, гостренера по альпинизму. Еще в Москве, когда к этому сбору мы только готовились, он заглянул в мой рюкзак и предложил выбросить часть предметов:

— На Иныльчеке лишний килограмм превращается в центнер! Конечно же, я ему поверил, но не до конца. А вот теперь хоть выбрасывай джинсы, книгу.

Ледник этот берет начало примерно на пятикилометровой высоте. А мы с Шатаевым в прошлом году поднялись на безымянный пик Таласского хребта на 4300 метров. Иными словами, Иныльчек этот, наш мучитель, медленно, но верно забирается повыше иных вершин. Раскинув таким образом мыслями, я как-то успокоился, нашел объяснение плохому самочувствию.

Нас, растянувшихся в ледяном хаосе участников сбора, связывает лишь невидимая радиониточка.

— Первый, первый, я Урал, я Урал, как слышите? Прием!

Первый сообщает, что от них отстали два спортсмена. Нет их и в поле нашего зрения. Тревожно. Как просто сгинуть здесь одиночке, да и двоим...

Средняя глубина льда Иныльчека, по мнению гляциологов, около 400 метров. На 60 километров растянулся он в длину. Да и ширина хороша — местами до 4 километров. А мы на своих двоих мерим эти расстояния, топчем эту знаменитость — и все грандиозности постепенно заслоняются одной весьма прозаической заботой: когда же все это буйство стихий кончится и хватит ли у тебя сил дотянуть до цели?

— Урал, Урал! Я первый. В каком месте находитесь? Назовите боковой ледник или вершину.

— Скальная стена и в полкилометре над ней — висят ледники, — вновь и вновь растолковывает по радиации начальник сбора Анатолий Бычков.

«Первый» не понимает. Мы злимся. Лишь после окончания сеанса связи соображаем, что виноваты сами. Ведь наш путь — по леднику ползет вверх. «Первый» (а это Шатаев и другие) намного обошел нас, поднялся над нами.

Он вообще не видит скальной стены.

Идем по Иныльчеку. Мудрость высокогорья приучает не пить из каждого ручья, закрывать кожу от солнца, надевать все теплое на ночь. Ослабла боязнь сверзиться в ледяной каньон. Уже не травмируют нависшие над головой граниты (а иногда и яшмы), зыбкие булыжники на крутой тропе. Но невозможно свыкнуться с жутким прищуром ледниковых трещин. Эта безгубость, энергичность разреза акулей пасти! Заглянем в такую щель. Сине-черный разрыв дышит на тебя ознобом. А озноб тут же прилипает к твоей спине. Бр-р-р... Какова же глубина щели? Брошенный камень стучит костью скелета. И многократный перестук растворяется в шуме подледного потока. Сколько их здесь, этих трещин? Тысячи! Одни ловко замаскированы снегом, другие безмятежно зияют своим черепным оскалом. Третьи настолько велики, что между ними голубеет озеро. А подтаявший на солнце моренный слой валит и валит в это озеро центнеры камней. Словно бы природа уподобилась шаловливому мальчику с руками великана.

Временами все вокруг сотрясается от залпов дальноточных орудий. Катится басовитый рев. Артиллерии здесь нет: это с вершин срываются каменные и снежные лавины.

Со мной идет Анатолий Бычков. Альпинистский стаж у него более двух десятков лет. Он и помогает мне, менее подготовленному к восхождениям, одолевает неприветливый ледник. В рюкзаке Толи, кроме прочего, уместаются примус, бензин, палатка, радиостанция. Поднимая после привала рюкзак на плечи, Бычков издает крик штангиста-тяжеловеса. Как-то он ухитряется еще разгрузить и меня. Шутит: «Лучше тащить часть твоего багажа, чем весь багаж и тебя самого».

...И мы, и двое затерявшихся, и вся команда Спорткомитета СССР по альпинизму одолеваем Иныльчек за 4 дня. Поднявшись до высоты 4200 метров, оборудуем базовый лагерь. На одной с нами морене уже обживаются альпинисты из Красноярска, Новосибирска, Одессы, Фрунзе, Каунаса, Минска. Некоторых из них ранее забросил сюда вертолет. Все здесь делается немножечко в замедленном темпе. Пробежки, резкие движения неуместны. Но веселость, дружелюбие в общении альпинистов не умалются высотой. Вечерами оживает и гитара. Есть тут для заклания и барашек Бяша. Только попроси — подаст тебе копытце, такой он сметливый. Обнюхивается с ним сенбернар московского врача альпиниста А. Горохова. Пес покрупнее и даже миролюбивее барана. Но он поранил на леднике лапы и, похоже, страдает от «горняшки». Словом, жизнь в нижнем лагере — полная чаша.

Тут самое время уточнить причины, собравшие воедино более 60 опытных, а среди них и весьма известных горовосходителей. Сборы альпинистов состоялись здесь под эгидой отечественной науки в лице комплексной объединенной экспедиции. Топографы, орографы, геологи, гляциологи, метеорологи, географы и представители других наук давно испытывают повышенный интерес к этому редкостному во всех отношениях региону. Горы его богаты полезными ископаемыми, ледник выносит мраморы редкой красоты. Сплошные иксы и игрки таит в себе озеро Мерцбахера, образовавшееся на стыке ледников южного и северного Иныльчеков. Спорадически прорываясь, оно меняет русло реки Иныльчек, резко поднимает в нем воду.

Самый верхний участок южно-

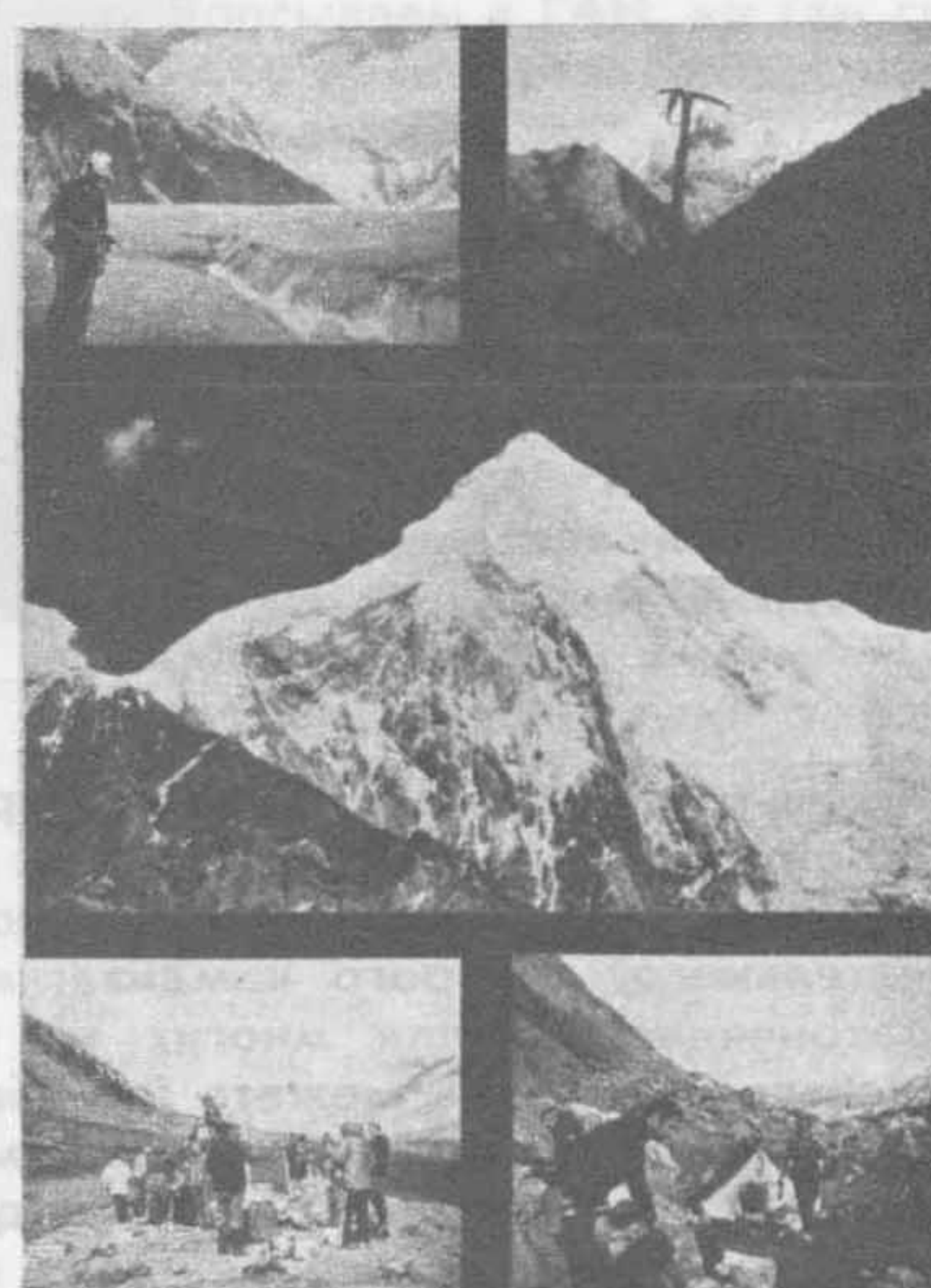
го Иныльчека и прилегающие к нему горные цирки изучены мало. Географически район расположен почти на стыке двух грандиозных снежных хребтов Центрального Тянь-Шаня: Меридионального и Кок Шаал-тау. Тот и другой будто бы специально набирают высоту, чтобы в последнем рывке взметнуть на своих ледово-каменных плечах к самому небу вершину суровой и своеобразной красоты — Победу. Ныне установлен «рост» горы — 7439 метров над уровнем Мирового океана. А еще совсем недавно, в 1951 году, автор книги «Загадки Тянь-Шаня» альпинист И. Черепов изумлялся: «Открытие в массиве Тенгри-таг (в переводе — Хребет духов. — Ю. М.) вершины, почти на полкилометра выше Хан-Тенгри (Царь духов. — Ю. М.), вызвало недоумение не только в научных кругах, но и среди альпинистов — участников тянь-шаньских экспедиций. Как можно было не заметить такую вершину?» С пиками Победы и Хан-Тенгри соседствуют немало пяти- и шеститысячников, на которые не ступала нога человека. Описание маршрутов восхождений, взятие азимутов с них, фотоматериалы, доставка некоторых приборов на большую высоту, проникновение в бассейн озера Мерцбахера — эти и другие операции по силам лишь квалифицированным альпинистам. Вот почему комплексная экспедиция и прибегла к их услугам.

Когда плановые работы были выполнены, альпинисты начали подготовку к реализации и чисто спортивных замыслов. Как-то я пожаловался Шатаеву, что ледник мне поднял давление. Владимир Николаевич успокоил: «Думаешь, тебе одному? А ведь впереди пик Победы».

Восхождение на этот пик обязательно для тех альпинистов, кто хочет стать «снежным барсом». Звание это, удостоверение и значок выдаются за покорение четырех семитысячников, расположенных в нашей стране.

Некоторые альпинисты радуются возможности пройти Иныльчек, увидеть не только пик Победы, но и Хан-Тенгри. Об этом Царь духов слагали легенды еще в древности. Он долго считался здесь высшим пиком. Его пирамидальной строгостью любовались путешественники, географы прошлых веков. Любовались издали, с дальних перевалов, так как не имели возможности приблизиться к нему. Его розовое сияние под утренним и вечерним солнцем безмерно восхитило Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, так и не достигшего Тенгри-тага...

И вот мы здесь, в белом безмолвии, окруженные горными знаменитостями. Перед решающим штурмом пика Победы спортсмены провели акклиматизационные выходы и ночевки на высоте 6400 метров. На высоте 5300, 5800, 6800 метров во льду и снегу были вырублены пещеры, куда забросили продукты и снаряжение.

Команда Спорткомитета СССР начала восхождение 11 августа по длинному, но менее опасному маршруту: с ледника Дикий, через Победу-западную. В нее вошли мастера спорта Владимир Шатаев, Дайнис Макаускас (начальник восхождения), Валерий Путрин, Юлий Беркович, Григорий Петрашко, Борис Коршунов, Владимир Прокопенко, Аркадий Маликов, Владимир Башкиров, Григорий Артеменко. Все — инструкторы альпинизма. Большинство — инженеры, четверо — кандидаты наук.

Вот выдержки из коллективного интервью с участниками восхождения, взятого после их спуска.

В. Шатаев. За семь дней работы на вершине погода ни разу не выступала нашим противником, а всегда была союзником. Некоторые экспедиции минувших лет расплачивались жизнями участников. Видели и мы лавины, падал и снег, но все это не создавало нам угрожающих ситуаций. На восхождении ребята продемонстрировали высокую сплоченность, взаимовыручку, работоспособность, напористость.

Д. Макаускас. Отмечаю высочайшую дисциплинированность участников. И особо — неутомимость Владимира Башкирова, работавшего иногда за двоих... Даже в эту идеальную погоду пик Победы показывает зубы. На 7100 метров я под напором шквала минут 15 не мог разогнуться. Секундами даже казалось, что стальной крюк не выдерживает моей тяжести. А внизу — более километра стены...

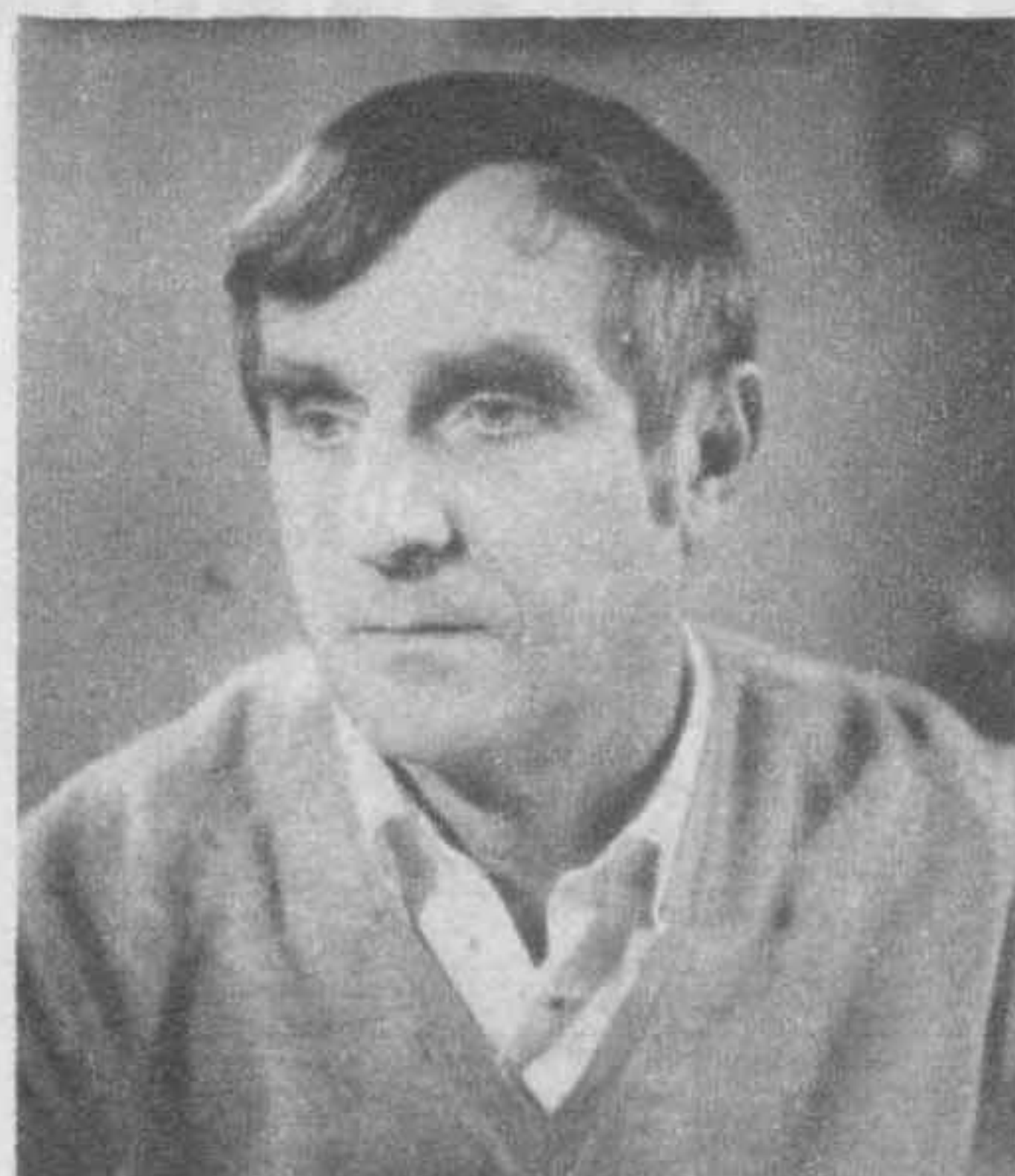
Г. Артеменко. Это мой первый семитысячник. Счастлив, что начал с Победы. 15 августа мы стояли на вершине. День этот станет красным в моем календаре.

В. Путрин. Конечно же, кое-кого из нас поцарапал генерал мороз, и на кислород иногда скупился альпинистский бог, и горная болезнь к нам стучалась. На высоте 7000 метров вышла из строя радиостанция. Но мы выдюжили.

...Августовское восхождение на пик Победы пополнило семью «снежных барсов» на 18 человек.

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ГЕРОИ

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ДМИТРИЯ
ХОЛЕНДРО

Как-то на встрече с командирами, показавшими на фронтах Великой Отечественной высокое военное мастерство, писатели-фронтовики услышали из уст замечательного, храброго комдива: «Для нас война давно закончилась, а для многих из вас все еще продолжается — никак не можете демобилизоваться».

К таким «недемобилизовавшимся» относится и одаренный прозаик Дмитрий Холендро. Орудийный наводчик, начавший боевые действия в первые часы войны, он вскоре становится фронтовым корреспондентом. Военная журналистика стала для него живой школой литературы.

И поныне в каждой повести, в каждом рассказе писателя — самых мирных по содержанию — неизменно живет и действует участник войны со своей нелегкой судьбой, со своими нетленными воспоминаниями. В повести «Слобода», открывающей одноименную книгу прозы Дмитрия Холендро, это инвалид Сергеич, участник великого танкового сражения на Курской дуге. Рассказывая слободским мальчишкам, как тысячи танков сошлись «лоб в лоб», как героически сражался экипаж его танка, старик печально добавляет: «Вот так они погибли, а я живу...» Живет и не забывает павших.

Нетрафаретно и вместе с тем с подлинной возвышенностью рисует автор в той же повести необычайное празднование Дня Победы: немолодые уже вдовы собираются вместе посидеть на скамеечках с орденами мужей на груди, с тем дорогим, что пришло к ним с фронта, где пали за Родину их мужья.

В повести «Нефедов» из той же книги герой мысленно советуется с отцом-фронтовиком в самые сложные моменты жизни, когда приходится неуступчиво принимать верные, но нелегкие решения. Школой нравственного воспитания заводской молодежи становятся и суровые рассказы о войне старого доменщика Бадейкина в повести «На полдороге».

Да, поистине священна память войны и для Дмитрия Холендро и для его героев. Она пронизала и недавно опубликованную «Огоньком» повесть «Плавни». О необычных и трудных боях в прибрежных камышах в дни сражения за Кавказ писатель рассказал взволнованными и чистыми словами очевидца.

Хочется отметить еще одну характерную примету прозы Д. Холендро. Его герои принадлежат к людям, которых принято называть — не совсем, правда, справедливо — рядовыми, простыми. Молодой рыбак, выходящий в море на первую путину. Старый узбекский колхозник, привезший зимой сорок первого эшелон яблок для бойцов — защитников Москвы. Молодой строитель, сраженный изменой любимой девушки и в конце концов бросающийся вдогонку за ней, ибо не может примириться с тем, что она несчастна.

Простые, будничные истории, лишенные большей частью хитросплетений и загадок. Но писатель пишет о них живо, динамично и, главное, правдиво. И читателям порою кажется, что они читают о себе, что им самим следует по-новому взглянуть на свои удачи и просчеты. А такое всегда интересно.

На первый взгляд чересчур уж простой и будничной представляется и драматургия Холендро — театральная и кинематографическая. Но и она по-настоящему захватывает зрителя. Сошлюсь на заслуженный и очевидный успех фильма «Яблоки сорок первого года», героем которого стал помянутый мною узбекский колхозник.

Когда говоришь о шестидесятилетии Дмитрия Михайловича Холендро, совсем нелишне вспомнить, как тепло и взыскательно поддерживали его первые шаги в литературе замечательные советские писатели Петр Павленко и Эфенди Капиев. Что ж, Холендро достойно оправдал надежды растивших его мастеров.

Цезарь СОЛОДАРЬ

Главный герой книги Леонида Леонова «Русский лес» профессор Вихров в своей лекции говорил: «...с веками все меньше становится даровых благ на земле, и, чтобы не знать горя впереди, надо разумно тратить, а иногда и возмещать всякую копейку, без расписки взятую у природы».

Михаил ЩУКИН,
сборкор «Огонька»

Бех.— С этими участками у нас столько хлопот, что на другую работу просто времени не хватает.

И он одну за другой начал рассказывать невеселые истории.

Отвели участок под сад-огород. На нем растут кустарник и несколько деревьев. Кустарник разрешается вырубить, деревья трогать нельзя. Но желание занять лишнюю грядку под клубнику настолько велико, что через месяц-два деревья исчезают бесследно. Если порубка обнаружена работниками лесхоза, составляется акт, налагается штраф. Некоторые владельцы даже слова не говорят — платят деньги, благо штраф не так уж велик. Деньги заплачены — деревьев нет. Все. Больше никаких претензий не предъявлять.

Ну, а если денег жалко? «Умные» головы и здесь нашли выход. Льют под деревья всякую гадость, льют до тех пор, пока они не засохнут. А сухостой можно вырубать с чистой совестью. Считаю в объяснительной, которую написал токарь А. Большаков: «Мне дали участок под сад. На моем участке оказался лес, мне негде было садить, и я вырубил лес, чтоб не вырубать — мне никто не говорил».

И двадцати деревьев как не бывало!

Кооператив «Голубые озера» (название-то какое!), членом которого состоит Большаков, располагается в районе поселка Качимовка. Местные жители берегли лес, как могли ухаживали за ним. Теперь, когда на нем расположился кооператив, от леса остались одни воспоминания.

Но все это мелькает перед истинным размахом козобоедничества «Обь» — солидного и видного в городе предприятия. На площади, которая была отведена под участки его работникам, «смахнули» 5731 дерево. Рубить так рубить! А площадь была отведена в пригородной зоне. Директору объединения тов. Звереву послали предупреждение, и темпы сразу снизились. После отправки официальной бумаги срубили всего 964 дерева. Штраф — шесть тысяч рублей — аккуратно заплатили. Касса козобоедничества от таких мелочей не оскудела, а личные средства остались в карманах.

Или иная ситуация. Захватывают земли самовольно. Для этого не надо ничего, кроме нахальства да острого топора. Сколотил такой «захватчик» дощатую будку, вроде незавидную, но чувствует в ней себя, как в крепости, попробуй теперь возьми его голыми руками. Не тут-то было. Посудите сами. Прежде чем эту будку снести (а добровольно из нее никто не уходит), сначала составляется акт, потом этот акт рассматривается на исполкоме райсовета, исполком посылает предупреждение (да еще не одно!). Будка стоит. Выносятся решение о ее сносе. После этого снова посылается предупреждение, но теперь уже от лесхоза. И если не помогло, то только тогда обязательно в присутствии работника милиции, депутата и ра-

Разговор, может быть, не по сезону, но ведь говорится: готовь сани летом, а телегу зимой.

...Все три дня Первомайских праздников в Новосибирске и в области стояла прекрасная погода: тепло, солнечно, легкий ветерок. Тысячи людей поехали отдыхать в лес, на природу. Их встречали прохладные сосновые боры, зеленющие березовые рощи, в которых всюду распевали птицы, уютные поляны с мягкой зеленой травой.

Еще не успели остыть пышущие жаром моторы личных автомобилей и мотоциклов, как над сосновыми борами и над березовыми рощами то там, то тут поплыл в небо густой темный дым. Пожары.

В отдел охраны и защиты леса Новосибирского управления лесного хозяйства я пришел вскоре после праздников. То и дело звонили телефоны, разговоры велись иногда на повышенных тонах, и постоянно слышалось: «...сделать все, что можно... под личную ответственность...» Это «расхлебывались» последствия массового весеннего выезда на природу. Итоги его оказались внушительными: с тридцатого апреля по третье мая в лесах области возникло восемьдесят с лишним пожаров.

— И все они, — говорит начальник отдела Евгений Константинович Сухарин, — вспыхнули по вине человека. Незатушенный костер, брошенный окурок, искра из выхлопной трубы автомобиля или мотоцикла — вот основные причины пожаров...

Договорить ему не дал очередной телефонный звонок. С борта теплохода, плывшего по Оби, недалеко от Новосибирска пришло сообщение: замечен пожар в Кудряшовском бору. Какой уже по счету?

У ГОРОДА НА ВИДУ

Первыми встретили наплыв отдыхающих, который резко увеличился за последние десять — пятнадцать лет, леса под Новосибирском. Сюда ехали за ягодами, здесь начали расти, как грибы после дождя, садово-огородные кооперативы. Кстати сказать, в пригородной зоне сейчас насчитывается сто тысяч садово-огородных участков! Огромнейшая площадь. И надо бы радоваться, что столько людей имеют возможность отдохнуть, приветствовать бы надо, но...

— В том-то и дело, что «но», — вздыхает директор Новосибирского лесхоза Иосиф Афанасьевич

ДАЛЕКО ЕХАТЬ НЕКУДА

ботника лесной охраны, можно разрушить будку. Но пока разобрались, будка успела превратиться в двухэтажный особняк, а владелец оказался не просто владельцем, а «заслуженным». Как же трогать такого человека?

— На бумажную переписку, на тяжбу, — заканчивает свой невеселый рассказ Иосиф Афанасьевич Бех, — мы тратим не только время, но и нервы. Мне иногда даже кажется, что у любого нарушителя больше прав, чем у нас, работников лесной охраны.

Но к вопросу о правах и обязанностях мы еще вернемся. А теперь давайте отправимся подалее в лес, возьмем курс хотя бы на райцентр Ордынское и дальше, в знаменитый в этих краях Сузунский бор.

ПО ГРИБЫ, ПО ЯГОДЫ

В прошлом году, в августе, в самый разгар ягодно-грибного сезона, пришлось мне оказаться на одной из дорог, ведущих в Сузунский бор. Была пятница, уже стемнело, а гул стоял, как на большой стройке. Сотни машин с зажженными фарами двигались в одном направлении. Некоторые съезжали с трассы, и на опушках бора вспыхивали огромные костры, натягивались палатки, кипело в котелках варево и почти возле каждого костра раскупоривались бутылки отнюдь не с лимонадом. Не то великое кочевье, не то народное гулянье на природе... Ни то, ни другое! Все это можно обозначить одним словом — сезон. Сезон грибов и ягод.

В этот день работники ГАИ Ордынского районного отдела милиции насчитали более пяти тысяч автомобилей, которые шли в сторону леса.

В конце сентября волна откатилась. Я ходил по Сузунскому бору, и, скажу честно, становилось страшно. Развороченная грибница, словно запускали здесь конные грабли, с корнем выдернутая брусника, кострища с разбросанными вокруг пустыми консервными банками и бутылками, и всюду следы автомашин, поломанный молодняк, помятый кустарник... Огромная, в несколько гектаров поляна лежала почти черной, опустошенной, торчали стержнями чудом уцелевшие деревья; когда налетал ветер, с них сыпалась сажка. И невольно думалось о том, что сосне, чтобы вырасти, нужно не менее пяти десятков лет, что бруснике — единственному вечнозеленому растению в этих лесах, которое растет и плодоносит по двести лет, требуется десять — пятнадцать лет для восстановления...

Что и говорить, невеселые мысли.

Но еще печальнее становится, когда сталкиваешься с теми, кто это делает.

Вот какой случай рассказал мне лесничий Спиринского лесничества Ордынского района Виктор Евгеньевич Антропов:

— Мы как раз патрулировали. Смотрим, стоит «Волга», видно, что семья приехала. И такая картина — женщина рвет бруснику. С корнем, все подряд. И вышел у нас с ней разговор. Я ее спрашиваю:

— У вас сад-огород есть?

— Ну, есть.

— А если я на машине на грядку с клубникой заеду и рвать ста-

ну все с корнем, что вы делать будете?

— Милицию позову или мужа заставлю, чтоб он вас поколотил.

— А здесь, выходит, все можно? Ведь сами же на следующий год приедете, здесь расти ничего не будет.

— До следующего года еще дожить надо.

Такая вот философия. С ней и опустошаются брусничные поляны, с ней вытаптывается и губится лес.

«Так что же теперь делать? — спросит иной читатель. — Выходит, и дачи теперь нельзя строить, и в лес нельзя ездить?»

Да нет же. Дело не в том, чтобы запретить. Дело в том, чтобы упорядочить этот огромный поток, научить людей вести себя в лесу.

встретился с лесничими Николаем Михайловичем Пучкиным и Петром Евграфовичем Чернаковым. Оба они уже не первый год трудятся на своих местах. Оба добросовестные работники, и оба в один голос заявили: лес охраняем плохо. Это не рисовка, не ложная скромность, а честная привычка говорить правду.

— Вот давайте по полочкам разложим, — говорит Петр Евграфович. — Что мы должны делать? Собирать сосновую шишку, вести прочистку, весной — посадку деревьев, работать на питомнике, собирать лекарственные травы, заготавливать хвойный лапник, следить за сохранностью квартальных столбов. И на все спускается жесткий план — попробуй не выполнить. Получается, что патру-

— Беда, — продолжает разговор, начатый товарищем, Николай Михайлович. — Они ведь теперь все на «Жигулях» — разве утонишься? Или увидел машину, спросил фамилию, а он тебе назовет какую вздумается, и документы не прикажешь предъявить — у нас на это прав нет. Записываем номер, посылаем в ГАИ, но там своих забот полно, отзываются далеко не всегда.

Этот рассказ дополнил начальник отдела охраны и защиты леса Новосибирского управления лесного хозяйства Евгений Константинович Сухарин.

— Представьте ситуацию. Три-четыре машины, как минимум, человек десять отдыхающих, как правило, все под хмельком, и подъезжает лесник, один, требует затушить костер. Это я рассказываю конкретный случай. А мы с сотрудником милиции поодаль сидим в машине. Смотрим, уже готовы лесника за грудки схватить. Тогда мы вышли. Как только увидели милицескую форму, сразу руки по швам, извините, простите...

Что же в таких условиях можно сделать? Как избавить лесника от множества побочных работ, как наделить его властью настоящего хозяина в своем обходе? В Новосибирском управлении лесного хозяйства много над этим думали. И пришли к выводу: изменить положение дел может только создание специальных лесоохранных звеньев. Такое звено состоит из трех человек, обеспечено авто- или мототранспортом, оно имеет право задержать нарушителя, потребовать у него документы, провести расследование. Это же звено будет заниматься благоустройством в лесу: отвод стоянок для транспорта, оборудование кирилок и т. д. Круг обязанностей четко определен.

Для большей ясности цитирую официальную бумагу, которую Новосибирское управление три года назад послало в Минлесхоз РСФСР: «...решение конкретных задач должен осуществлять специально подготовленный лесной инспектор... Новосибирское управление просит Минлесхоз РСФСР о проведении такого производственного эксперимента (создание звеньев. — М. Щ.) при Новосибирском опытном лесхозе, просит также выделить три легковых автомобиля и пятнадцать средних или тяжелых мотоциклов. Внедрение звеньев позволит сократить численность лесной охраны, поголовья лошадей, оружия».

Даже из этой справки видно, что звенья помогли бы решить многие проблемы. Но бумага затерялась в недрах министерства. Толкового ответа не последовало. Так до сих пор звенья и существуют только в планах, а они не там нужны, они нужны в лесу. Ох, как нужны!

ХОРОШО, ДА МАЛО

Мы пока вели речь только о нарушителях. Но ведь не все, кто едет в лес, такие. Ведь едут и совестливые люди, которые просто-напросто не позволяют себе рвать с корнем бруснику или топтать машинами молодняк. Значит, нужно постараться, чтобы в лесу им было удобно, чтобы эти удобства помогали сохранить лес.

Мы долго ездили по узким дорогам соснового бора с директором Ордынского мехлесхоза Василием Тимофеевичем Носико-

Фото М. Савина

Выход этот — единственный. Пусть везут из леса грибы и ягоды, но только пусть не остается после лета страшных следов. А для этого нужно все объединить в одну систему: и пропаганду, и благоустройство, и контроль, и строгое наказание. Обязательно — строгое наказание. Ту женщину, о которой рассказывал лесничий, — меня в этом никто не переубедит — одними словами и благими пожеланиями вести себя в лесу не научишь. Кто этим должен заниматься? В первую очередь лесная охрана.

КАК ОХРАНЯЮТ ЛЕС?

Из многих разговоров с директорами лесхозов, с лесничими, лесниками я сделал парадоксальный вывод: охране некогда охранять. Впрочем, обо всем по порядку. В Ордынском лесхозе

ликовать просто нет времени, иногда неделями не можешь никак вырваться.

Еще неутешительней то, что эти нагрузки на лесника постоянно увеличиваются, так как растут планы, спускаемые лесхозам, а рабочих рук не хватает. Вспомнилось, как жаловался директор Новосибирского лесхоза Иосиф Афанасьевич Бех — они должны выпустить тридцать наименований ассортимента ширпотреба на сумму более миллиона рублей, что под стать иному промышленному предприятию. А план — закон, от него и премиальные зависят. Вот и приходится лесникам быть мастерами на все руки. И поэтому виновники лесонарушений, виновники пожаров зачастую остаются безнаказанными, их попросту некому задержать.

Но вот лесник вырвал время, поехал в свой обход. Чаще всего на лошадке, один.

вым. Очень часто попадались небольшие площадки возле дорог, аккуратно огороженные камнями.

— Это стоянки для автомашин, — показывал Василий Тимофеевич. — Поставил машину и иди в лес. Если тебе здесь не нравится, переезжай на другую. И лес рядом, и машина на виду. Большинство приезжающих ими пользуются.

Потом в этом же бору мы увидели курилки, просто места для отдыха. Все это в какой-то степени дисциплинирует людей, прививает культуру. Да, да, я не оговорился, именно культуру. Если человек бранится в троллейбусе, мы его называем хамом, а если он, как разбойник, ведет себя в лесу... Мы так много гордились своими лесами и так долго считали, будто им никогда конца не будет, что некоторые люди, вполне порядочные в обыденной жизни, оказываясь на природе, забывают многие правила и нормы.

Работа по благоустройству в ордынских борах идет уже не первый год. Наиболее продуктивной оказалась она в Спиринском лесничестве. Здесь прежде всего проложили сто тридцать километров дорог по квартальным просекам. И продолжают прокладывать. Это дает возможность в самые короткие сроки оказаться на месте нарушения или пожара.

Сейчас здесь стараются, чтобы отдыхающие не ночевали в лесу. Ведь ночевка — это обязательно костер. Предлагают ночевать на обском берегу, он совсем недалеко. Для этого там установлены маленькие аккуратные вагончики, в которых есть кровати. И за все это очень небольшая плата. Как только установили вагончики, они сразу стали пользоваться популярностью.

Выгоды очевидны. Казалось бы, полезное начинание это должно всемерно расширяться.

— Масштабы-то как раз почти что не растут, — говорит Василий Тимофеевич Носиков. — Причина проста. Средств на это отпускается мало. Вот и приходится изворачиваться как только можно, чтобы сводить концы с концами.

Действительно, получается какая-то нездоровая экономия. То на транспорте для работников лесной охраны, то на благоустройстве. В последние годы резко увеличилось количество и мощность пожарной техники, которая находится в распоряжении лесных хозяйств. Это, конечно, хорошо. Но почему же не вкладываются средства в дело предупреждения пожаров? Ведь всем хорошо известно, что пожар легче предупредить, чем потушить, даже имея самую современную технику.

Картина, виденная в Спиринском лесничестве, к сожалению, из числа единичных. В большинстве лесничеств области такие работы ведутся крайне слабо. А кое-кто рассуждает еще и примерно так: это мы в наших-то сибирских лесах дорожки будем песочком посыпать? Смешно.

Нет, не смешно. Волна многолюдья достигла самых отдаленных лесов области. Вот Северный и Кыштовский районы — самые отдаленные. На «Жигулях» туда не проедешь. Вроде бы прочно закрыты. Нет, проезжают.

Вот и получается, что дальше ехать некуда. Больше нетронутых лесов нет. Надо наводить порядок в тех, сквозь которые мы прошли.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

ЕСЛИ СМО

В своей речи на ноябрьском (1981 год) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отметил, что в основу нового пятилетнего плана «положен курс на лучшее использование всех ресурсов». Сегодня мы рассказываем об опыте коллектива одесского научно-производственного объединения «Кислородмаш». Здесь производят кислородное оборудование — от автоцистерн до мелкой аппаратуры — и установки для получения удобрений. Вот уже несколько лет подряд коллектив расходует неизменное количество металла, а машин и оборудования для химической промышленности выпускает все больше и больше. Год назад, строго взвесив свои возможности, здесь в общем согласии вообще отказались от увеличения фондов на металл до конца пятилетки.

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Многие специалисты, узнав об этой инициативе, пожимали плечами: одно дело, сэкономить какой-то процент, а другое — в течение двух пятилеток при тех же нормах металла чуть ли не удвоить выпуск продукции! Честно говоря, мне тоже думалось, что тут что-то не то... Директор объединения Борис Евтихивич Тринчук, который оказался человеком предельно собранным и лаконичным, в разговоре все же не удержался от юмора:

— Знаете древнюю байку? Командир спрашивает у солдат: «Наедаетесь?» «А как же! — отвечают ему. — Даже остается». «Куда же деваются то, что остается?» «А тут же доедаем!»

К сожалению, есть еще предприятия, где борьба за экономию напоминает нечто подобное. Отдельные цехи и бригады берут обязательства сэкономить столько-то металла, топлива, электроэнергии. И выполняют обещанное. Но вот куда деваются все сэкономленное, часто остается неясным. Во всяком случае, далеко не все отказываются от новых фондов.

Здесь же все как на ладони: каждый год план выпуска машин и оборудования растет, а общий расход металла остается неизменным.

Борис Евтихивич изложил основные пути экономии. Первый — наведение строгого порядка при учете, хранении и использовании металла.

Скажем, часто перерасход связан не с избытком, а с нехваткой. Нет под рукой нужного профиля металла для какой-то детали — не останавливать же производство! И ту же деталь штампуют или вытачивают из более толстого круга, вдвое или больше увеличивая отходы. Здесь оборудовали небольшой волочильный участок. Теперь, если нет на складе прутка или круга нужного диаметра, а есть значительно более толстый, его протаскивают через фильеры и без единого грамма потерь по-

лучают диаметр, наиболее приближенный к будущей детали.

Или другой случай: народные контролеры провели полную ревизию остатков металла, готовых деталей, годами хранящихся на складах, инструментов, оснастки. Они нашли больше, чем предполагали. Например, много деталей, заготовленных впрок для машин, которые... уже сняты с производства. На все излишки были завешены специальные карточки, и теперь конструкторы там, где возможно, используют этот резерв в производстве новых изделий.

Второй путь — разработка более мощного оборудования, но меньшей металлоемкости. Сегодня инженеры, экономисты, конструкторы и ученые «Кислородмаша» активно сотрудничают с несколькими десятками научно-исследовательских организаций.

На выставке, устроенной в заводском клубе, показали два теплообменника. Один из них — кассета из множества алюминиевых трубок, другой — почти такая же кассета, но вдвое легче — трубок в ней совсем немного. Зато каждая трубка внутри имеет ребра, так что с торца походит на вывернутую наизнанку шестерню.

— Такие трубки, должно быть, очень сложно изготавливать? — спросил я.

— Нисколько, — пояснили мне, — мы продавливаем алюминий через калиброванные отверстия.

Характерно, что снижение металлоемкости изделий неизменно влечет за собой уменьшение затрат труда, новую, более прогрессивную технологию, а значит, и экономию электроэнергии и других затрат.

Здесь же, на выставке, почти фантастически выглядят два изделия, поставленные рядом. Одно из них — мощный коленчатый вал килограммов этак под семьдесят. (Мне пояснили, что весь компрессор, в котором был установлен этот коленчатый вал, на выставку не затащишь — в нем тонны полторы весу.) А рядом — небольшой узел, который можно удерживать на ладони. Он в 80 раз легче, но выполняет ту же работу. Только в первом случае работает тяжелый поршень, а здесь — маленькая крыльчатка, которая вращается со скоростью 280 тысяч оборотов в минуту.

Можно назвать еще немало блестящих решений, найденных производственниками в содружестве

с учеными. Находки служат двуединой цели — выпускать менее громоздкие, но более производительные, экономичные и долговечные машины.

Все эти новшества заранее учитываются при формировании планов на будущее. На предприятии созданы творческие группы, в которые входят, как правило, экономист, технолог, конструктор, а где надо — и социолог. В группе заранее обсчитывают каждый пункт будущего плана и заранее закладывают в него и соответствующую экономию металла.

И третье, пожалуй, главное направление в борьбе за экономию, без которого любые усилия могут оказаться напрасными, — это создание в коллективе атмосферы творчества, хозяйского отношения к народному добру.

«НЕ ТОЛЬКО РУКИ, НО УМ И СЕРДЦЕ...»

В парткоме мое внимание привлекли железки, расставленные на боковом столике. На вопрос, что они означают, секретарь на секунду замаялся, а потом сказал:

— Это недостатки в нашей работе.

И рассказал, что в одном из цехов возле парадной доски с показателями и хорошими призывами кто-то поставил увесистую болванку и небольшую деталюшку. Один из токарей пояснил: «Это я поставил. Может быть, увидит технолог, и стыдно ему станет, что я из большой болванки такую мелочь вытачиваю».

— Первым желанием было убрать. Потом, — рассказывает секретарь парткома Валерий Иванович Линенко, — я подумал и решил: прав рабочий, чего греха таить! И вскоре во всех цехах появились уголки бесхозяйственности. Правда, их стали называть уголками экономии... Чего только не натащили туда! Даже малосведущему становилось ясно, где и на каких операциях непомерно велики отходы металла. Вообще у нас укоренился неписанный закон: любой инициативе — шаг навстречу! Например, все критические замечания или предложения, высказанные на цеховых собраниях, мы записываем, изучаем. Есть специальная группа, которая готовит по ним... приказы директора! И в том же цехе вывешивается директорский приказ, где по пунктам дается ответ на каждое замечание, называются исполнители, сроки...

— Но ведь разные бывают замечания, — заметил я.

— В спорных случаях приглашаем автора в партком, разбираемся. Случается, что человек выдвигает новые аргументы в пользу своего предложения. Кстати, теперь и на партконференциях каждому дается анкета, где он обязан высказать свое отношение к работе парткома. Таким образом, все присутствующие на конферен-

ТРЕТЬ В КОРЕНЬ

ции, а не только выступающие с трибуны участвуют в обсуждении.

Наша задача, — обобщая свой рассказ, заметил В. И. Линенко, — дать почувствовать каждому рабочему, каждому сотруднику, что производству нужны не только его руки, но и ум и сердце...

Очевидно, вот такая атмосфера в коллективе заставила Ивана Петровича Гаврилова написать заявление о пересмотре норм. Иван Петрович — один из зачинателей бригадного метода работы токарей, лауреат Государственной премии УССР. Когда в его бригаде многие детали стали изготавливать сообща, максимально используя способности каждого, — производительность труда резко возросла. Ознакомившись с планами цеха, токари написали заявление с просьбой повысить им норму выработки на 20 процентов.

Этот факт, даже если бы он остался единичным, уже сам по себе заслуживает внимания. Но примеру бригады Гаврилова последовали многие — руководство завода получило 480 заявлений, где рабочие сами пересматривали свои нормы выработки в сторону увеличения. В прошлой пятилетке за счет этого движения получено сорок процентов всего прироста производительности труда. Или еще такой пример. В 1975 году рационализаторские предложения позволили сэкономить 250 тысяч рублей. А в прошлом году благодаря возросшей активности рабочих экономический эффект таких предложений составил более миллиона рублей!

Нелишне добавить, что качество продукции, выпускаемой объединением, год от года растет, ее покупают в 52 странах мира.

...В заготовительном цехе шли занятия школы коммунистического труда. Вел их начальник цеха Николай Александрович Стефановский. Тема урока: защита социалистических обязательств. Коллектив цеха обещал сэкономить за год пятьдесят тонн металла. Николай Александрович подсчитал, что если сложить обязательства каждого рабочего, то получится лишь сорок тонн экономии металла за год.

— Откуда же нам взять недостающие десять тонн? — спросил он. — Я лично могу экономить только на лезвиях для бритвы. А вот ты, Богдан Михайлович, намерен сэкономить две тонны. Расскажи нам: за счет чего?

Газорезчик Б. М. Петришин стал объяснять. А товарищи — поправлять его. В конце концов вышло, что газорезчику вполне реально было бороться за шесть тонн экономии металла до конца года. (Забегая вперед, скажем, что в действительности Богдан Михайлович сэкономил 9 тонн!) Резервов нашлось предостаточно. Например, газорезчики запретили убирать отходы металла до тех пор, пока сами еще раз не про-

смотрят и не отберут куски, которые в другой раз, на других заказах, можно будет пустить в дело.

Не у всех, конечно, такие возможности, как у газорезчиков. Но за экономию металла в объединении рабочим начисляют доплату, и порой весьма ощутимую, — до 25 процентов стоимости сэкономленного металла. Вот на занятиях школы комтруда и решили дифференцировать этот процент: газорезчику чуть понизить, а штамповщику, например, повысить. С общего согласия.

Но тут произошло нечто удивительное. Быстро стала расти экономия металла на штамповке. Откуда? Ведь там получают заранее отмеренный металл, порезанный на полосы, причем технологи уже подсчитали, сколько из каждой полосы должно получиться заготовок. При высоком мастерстве и усердии можно, конечно, из этой полосы лишнюю заготовку выкроить, но... Приходит Стефановский на участок штамповки: прессы работают, а фондовый металл лежит нетронутый. Оказывается, штамповщики стали собирать обрезки нужной толщины с других участков и пускать их на мелкие заготовки.

Общая атмосфера творчества, когда самый скромный вклад не остается незамеченным, открывает новые, подчас неожиданные пути экономии. Скажем, что можно сэкономить на порезке прута? Но рабочие обратили внимание, что толщина пилы около сантиметра. Это значит, что при отделении каждой заготовки сантиметр прутка уходит в пропилен. А если сама заготовка имеет длину всего 8—9 сантиметров? Значит, в опилки уходит до десяти процентов металла!

В цехе нашли возможность внедрить вулканические отрезные круги, которые имеют толщину всего 2—3 миллиметра. Чистая экономия составила на этой операции 6—7 процентов. А ведь такая экономия в целом по заводу может обеспечить металлом весь годовой прирост продукции!

ЛОЖКА ДЕГТЯ

Целенаправленная, последовательная борьба за экономию металла неизменно влечет за собой стабильное улучшение многих других технико-экономических показателей. ЦК Компартии Украины одобрил инициативу коллектива: «Весь прирост продукции, запланированный на пятилетку, — из сэкономленного металла». Распространение опыта передового предприятия много внимания уделяют одесские городской и областной комитеты партии.

В Одессе организовали однажды ярмарку отходов. Ведь отходы — понятие относительное. Энергетики и металлурги шлаки выбрасывают, а цементники, строители используют их как сырье или материал. То же самое мож-

но сказать и о многих других «отходах». «Кислородмаш» представил на ярмарку обрезки металла. Естественно, такие, которые не могут быть использованы на месте. Но ведь не все изготавливают мощные установки для разделения воздуха, некоторые и гвозди делают и пуговицы... Они тоже получают металл по фондам, и не всегда в достаточном количестве. Для таких отходы «Кислородмаша» как манна с неба. Конечно, покупатель на отходы тут же нашелся.

Но сделка не состоялась. С решительным протестом против нее выступили представители «Вторчермета». Они настояли на том, чтобы отходы пошли в отходы!

Оказывается, борьбу за экономию металла надо вести с большой оглядкой на «Вторчермет» и «Вторцветмет». Солидные люди уверяли меня в том, что за план сдачи металлолома с них местные органы спрашивают куда строже, чем за план выпуска продукции, а тем более — за экономию металла. Мне приводили примеры, когда промышленное предприятие покупало в колхозе старые тракторы, чтобы... выполнить план по металлолому. Больше того, рассказывали случаи (виновные, конечно, понесли наказание), когда новый металл пускали на порезку, чтобы сдать его в счет выполнения плана по металлолому!

Но и все эти — скажем, нетипичные — факты еще не та ложка дегтя, о которой необходимо вспомнить. Мне довелось беседовать с руководителем центральной рабочей группы, которая занимается программой «Металл-85», С. Н. Полевым. Это комплексная межведомственная научно-производственная программа, которая включает в себя целый ряд актуальнейших разработок на пред-

приятиях Одессы, направленных на рациональное, а в будущем — безотходное использование металла.

Предполагается, например, что общее предприятие-поставщик будет иметь волоочильный участок и снабжать все заводы такими профилями проката, которые максимально приближены к размерам будущих деталей, что здесь же станут принимать обрезки металла с одного предприятия и использовать для нужд другого завода, что каждый лист металла будет раскраиваться с учетом заказов нескольких предприятий. Так же экономично можно организовать межведомственную порезку прута, круга, швеллера, централизовать переработку стружек и опилок в металлопорошки...

Программа «Металл-85» включает вполне реальные, научно обоснованные разработки, рассчитанные на поэтапное внедрение. В ней предусмотрены прогрессивные технологии, снижающие металлоемкость изделий, распространение передового опыта...

— Вот закончим ее разработку, — грустно улыбается Станислав Наумович Полевой, — и... положим на полку.

— ???

— На всякую работу должен быть заказчик, — сказал он. — У нас его нет... Конечно, многое из программы «Металл-85» будет использовано на предприятиях. Но ее главные козыри — вне ведомств! А сейчас нет ни лица, ни органа, который взял бы на себя работы, лежащие вне ведомств. Этот недостаток подливает в бочку программы «Металл-85» ложку дегтя. Ведь экономия металла — задача не отдельных предприятий-энтузиастов, она должна стать общей единой программой.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ИСТОРИЯ БЕЗ ГЕОГРАФИИ»

В корреспонденции, опубликованной под таким заголовком в № 42, приводилось письмо Л. С. Сыч из Днепропетровска. Речь шла о недостатках в медицинском обслуживании детей города Днепропетровска.

Редакция получила ответ первого заместителя председателя исполкома Днепропетровского горсовета народных депутатов тов. А. П. Воловика. Он сообщает, что действительно в летний период администрация больницы № 12 не обеспечила нормальную работу узких специалистов, что и вызвало несправедливую критику Л. С. Сыч. Письмо ее было рассмотрено на медицинском совете горздравотдела. Главному врачу городской больницы № 12 тов. С. И. Писанко указано на допущенные ошибки и дано указание районному отделу здравоохранения усилить контроль за качеством и культурой оказания медицинской помощи жителям района.

В первом полугодии 1982 года детская консультация будет переведена в помещение, находящееся в центре жилого массива.

Диплом харьковского медицинского института Витебский получил 23 июня 1941 года, на второй день войны.

Фашисты бомбили Харьков с чисто немецкой педантичностью — каждый день ровно в восемь вечера. Раненых было не счесть, на Витебского, вчерашнего студента, легло тяжкое бремя военного хирурга.

В тот день, когда, получив назначение, он уезжал из Харькова в Курган, в госпитале было особенно много работы. На свой поезд они с женой опоздали. Из города уезжали чуть ли не последний эшелон. На одной из станций узнали, что поезд, на котором они должны были ехать, полностью уничтожен фашистской авиацией.

На весь Курган с его семидесяти тысячным населением Витебский был единственным хирургом. Только за один 1944 год Витебский произвел 1410 операций. И какие это были больные! Их везли издалека, на лошадях, подолгу. Нередко привозили в больницу в страшно запущенном состоянии.

Первое время после войны было ненамного легче. Не хватало перевязочного материала — делали из марли мешочки, заполняли их тополиным пухом и применяли для перевязок. Не хватало антисептических средств — использовали ацидофилин. Сейчас, вспоминая об этом, Яков Давидович за голову хватается — неужели такое было?

Вскоре Витебский сам забо-

ты утверждали, что такие операции можно делать только после того, как ребенку исполнится год. Из двадцати неоперированных выживал один, да и то становился умственно неполноценным.

Витебский разработал свою, не похожую на общепринятую методику операций и делал их прямо новорожденным. У него из тридцати больных выжили двадцать девять, они живы до сих пор, окончили нормальные школы, женились, работают.

О новом методе лечения и была диссертация. Но когда Витебский попытался опубликовать статью на ту же тему, ее встретили в штыки. Его публичное выступление было осмеяно...

И он отступил, отступил, вероятно, потому, что не хватило мужества и настойчивости отстаивать свои идеи. Почти готовая докторская диссертация легла в дальний ящик стола. Он принялся за новую.

Сменил область своих научных исследований и занялся гастроэнтерологией, изучением причин заболеваний и лечением органов пищеварения.

Тогда ему не было сорока. Сейчас — за шестьдесят. Но сейчас его нельзя упрекнуть в отсутствии мужества. Витебский воюет и не только стойко держит оборону, но и идет в атаку. На съездах, конференциях, симпозиумах, в статьях он доказывает, что главенствующее сегодня в хирургии представление, будто единственной задачей, которая стоит перед хирургом при операциях желудочно-кишечного тракта — обеспечение свободной проходимости пищи из одного его отрезка в другой, — глубоко ошибочно.

Причину большинства желудочно-кишечных заболеваний Витебский видит в нарушении работы клапанов, расположенных между различными отрезками пути, по которому идет пища.

К этому выводу Витебскому по-

Вот почему единственно верный закон движения пищи и пищеварительных соков в здоровом организме — сверху вниз. Нарушение этого закона приводит к болезням.

Так утверждает Витебский. Правда, это не очень-то согласуется с общепринятой теорией, которая долгое время не придавала и не придает сейчас никакого значения тому факту, что у всех почти больных язвой или гастритом в желудке обнаруживалась желчь, которой вообще-то положено быть в кишечнике.

Витебского этот факт заставил задуматься.

Есть такое свойство у его ума — все подвергать сомнению. Ну, не все, конечно, но все то, что это сомнение вызывает. Многие ли ученые способны подвергнуть сомнению общепризнанную теорию, если она не может объяснить один или два незначительных вроде бы фактика? Большинство врачей до Витебского не задумывались, почему у язвенников в желудок попадает желчь. Случайно, наверное, — так думали многие и не придавали этому значения.

Витебский на этом факте построил новую теорию язвенной болезни.

Но сначала были эксперименты. В желудок собаки постоянно вводили содержимое кишечника, а значит и желчь; очень скоро у животного появились первые признаки язвы. Но они исчезли вскоре после того, как перестали вводить в желудок желчь. Лишний раз это подтвердило, как велики восстановительные возможности организма, и заодно подсказало путь лечения болезни — закрыть доступ желчи, а с язвой желудок может справиться сам, ведь полное обновление его слизистой оболочки происходит за три-четыре дня.

Серией опытов удалось показать, что содержимое кишечника,

к сожалению, на одном, и довольно высоком, уровне. Какие еще нужны доказательства эффективности новых методов, разработанных Витебским?

Впрочем, только ли о лечении язв, гастритов и тому подобном речь? Еще в 1974 году журнал «Новости всемирной медицины» («Медикэл уорлд ньюс») писал, что заброс в желудок желчи является причиной рака желудка у многих больных.

За несколько лет до этого к такому же выводу пришел Витебский.

Надо ли говорить, насколько важным этот вывод может оказаться для человечества! Сегодня на земле из двух миллионов человек, ежегодно умирающих от рака, сорок процентов страдали раком желудка.

На Всероссийском симпозиуме по раку желудка в 1972 году в Кургане Витебский доложил о разработанных в его клинике методах профилактики «болезни века». Оказывается, в желудке больного, где только начинается угрожающая перестройка слизистой оболочки, появляется некий фермент, который у здорового человека отсутствует. Витебский нашел способ, как установить наличие этого фермента. Предложенное им обследование, точно выявляющее тех больных, кому угрожает рак, несложно, с ним вполне может справиться медицинская сестра. И что тоже немаловажно — обходится всего в 34 копейки. В то время как стоимость раннего диагноза рака с помощью современной аппаратуры достигает 20 тысяч рублей. Комментарий, думаю, излишни.

Мало того, Витебский знает, как предотвратить рак, если болезнь захвачена в зародыше, — надо опять же отремонтировать клапан. И чем раньше сделать эту профилактическую операцию, тем лучше.

Сегодня в Кургане проведен

УМ И СОВЕСТЬ ВРАЧА

лел — заражение крови. Полгода пролежал в постели. Когда стал поправляться, его не покидало странное чувство — не знал, куда деть руки. За пять лет они так привыкли к напряженнейшей работе...

За эти годы набралось множество наблюдений, которые захотелось по-новому осмыслить. Взглянуть на них с новых позиций. Появилась идея диссертации.

Это была одна из первых его научных работ. С тех пор он написал их около 240. Три из них — монографии, две из которых удостоены дипломов Министерства здравоохранения РСФСР за лучшие научные труды.

Об одной из книг Витебского академик медицины В. И. Стручков писал: «Она вызывает новые мысли, заставляет пересмотреть некоторые установившиеся положения в современной хирургии».

Свою докторскую диссертацию он писал дважды. Первый раз — об операциях при мозговых грыжах у детей. Мировые авторите-

могла прийти склонность к техническому мышлению, к математическим расчетам. Учась в школе, он думал поступать на физико-математический, а поступил в медицинский, но все-таки прослушал курс дифференциального и интегрального исчисления в Харьковском университете.

...Вы никогда не задумывались, почему содержимое желудка или кишечника остается на месте, если человек вдруг перевернется вниз головой? Оказывается, наш пищеварительный тракт снабжен специальными клапанами — они-то и препятствуют обратному ходу пищи и предохраняют верхние отделы тракта от содержимого нижних участков.

А разве надо предохранять, спросит внимательный читатель? Да, надо. Ибо содержимое толстой кишки, например, попав в тонкую, может вызвать в ней воспаление. Желчь кишечника может принести массу неприятностей, окажется она ненароком в желудке. А желудочный сок может навредить пищеводу.

попадая в желудок, ослабляет защитные свойства его слизистой, ее начинают разъедать и собственный желудочный сок, и желчь, и ферменты желез. И снова тот же вывод — защитить слизистую оболочку от язвы можно, если предотвратить незаконное, возвратное движение пищи. Значит, надо отремонтировать клапан, который заведует этим движением.

Прошли годы, годы, заполненные экспериментами, поисками, ошибками, разочарованиями, находками, прежде чем появились новые методы операций по восстановлению клапанов, операций, которые сегодня вернули здоровье тысячам больных.

Не побоюсь повторить общеизвестное: практика — критерий истины. За семь лет практической деятельности Курганской лаборатории гастроэнтерологии, которой руководит Витебский, инвалидность в области у больных с заболеваниями органов пищеварения снизилась более чем в два с половиной раза. В то время как в целом по стране она держится,

более четырехсот таких операций. Четыреста жизней отвоено у коварной болезни.

Операции эти необычные. Недаром на одном из заседаний Ученого медицинского совета Минздрава республики как-то было сказано: «Если Витебский прав, то это будет означать революцию в гастроэнтерологии».

«Революция»... А почему бы и нет? На основании многолетних наблюдений за больными (и теми, которых он сам оперировал, и теми, кого оперировали другие хирурги, его противники) он пришел к выводу, что через несколько лет после резекции желудка по общепринятым методам у больных может появиться рак желудка. Витебский объясняет это действием желчи, постоянно забрасываемой в желудок, если операция сделана без восстановления работы клапанного аппарата.

По опубликованным недавно в ФРГ данным, из 500 тысяч больных, перенесших резекцию желудка, через десять лет признаки

рака были обнаружены у каждого пятого больного.

Из тысяч больных, прооперированных Витебским и его учениками по его методам, рак желудка не обнаружен ни у одного.

Какие еще нужны доказательства?

И все же для убедительности еще один факт: в Женеве комитет экспертов Всемирной организации здравоохранения недавно опубликовал данные, согласно которым считается установленным факт — желчь обладает канцерогенным действием на желудок.

Операции по методу Витебского в первую очередь направлены именно на предотвращение таких явлений, как заброс в желудок желчи.

В Курган к Витебскому едут больные со всего Союза, часто едут через год-два после операций, сделанных в ведущих клиниках страны известными хирургами. Витебский обследует их по своей методике, оперирует их по своей методике, они уезжают, потом пишут ему вот такие письма:

«...У меня ощущение, будто все это происходит не со мной или во сне. Представьте, после 19 лет диеты, лечения, двух операций и бесконечных болей я теперь ем все (и даже селедку, редьку, лук, квашеную капусту и т. д.), пью сухое вино перед обедом, и у меня ничего не болит. Я ждал, что будет легче, но чтобы настолько — не ожидал. Ведь внутри у меня все перерезано. Вы просто чудесник. Мой лечащий врач, терапевт, просмотрев мою историю болезни, сказал, что вы мой крепкий отец».

Таких писем у Витебского много — сотни.

А вот еще одно. От врача В. Глазунова, который приезжал к Витебскому на очередной декадник (так Яков Давидович называет краткий курс лекций для всех, кто пожелает их послушать). Проводится он в лаборатории два раза в год, обычно приезжают человек тридцать). Так вот что пишет врач:

«Я работаю в хирургическом отделении на 60 коек, и до поездки к Вам многие вопросы оставались для меня необъяснимыми. Я очень благодарен Вам за прекрасный цикл лекций на декаднике, после которых мы стали Вашими единомышленниками».

Только за один прошлый год по нашему отделению произведено около 60 ваготомий (так называют метод операции, который повсеместно у нас применяется и против которого воюет Витебский). В 10 процентах получены рецидивы язв.

...Мы сделали 22 резекции желудка по Вашему методу — практически осложнений нет. Все жалобы прошли на 5—6-й день после операции... Но работать нам трудно: практически нет литературы по данному вопросу».

За все время существования декадников Витебского на них побывало около трехсот врачей. Многие из них оставили записи в тетради отзывов. Некоторые записи хочется здесь привести.

«До Витебского теории односторонне рассматривали заболевания желудочно-кишечного тракта, они порождали у хирургов узкий подход к оперативному лечению, то есть позволяли видеть, допустим, только язву желудка или только камни желчного пузыря. Это приводит к чистому ремесленничеству в хирургии... Витебский впервые рассмотрел в комплексе физиологию желудочно-кишечного тракта со всеми его клапанными аппаратами. Новая теория позволила Витебскому разработать три десятка новых операций с сохранением, а порой и восстановлением физиологии пищеварения».

Главное достоинство его методов в том, что они направлены не на устранение следствия или симптомов болезни, а на ликвидацию ее причины.

В настоящее время теория Ви-

Я. Д. Витебский

тебского является, по-моему, самой прогрессивной.

...Я уезжаю из Кургана как хирург совершенно обновленный. Заведующий хирургическим отделением Северской больницы В. Кукайло».

«Такие люди, как Витебский, пробуждают ум и совесть врача (Хирург С. Лосев, Омск.)».

«Очень понятна, убедительна для нас, практических врачей, теория, выдвинутая и с успехом претворяемая в жизнь Я. Д. Витебским, чудесным человеком, подвижником хирургии».

Уверена, что эта теория в скором будущем пленит всех здравомыслящих врачей, ибо она проста, как все гениальные идеи. Главный гастроэнтеролог Челябинска Л. Салова».

«Новая теория язвенной болезни представляется такой логичной, отвечающей на все вопросы, что приходится просто удивляться, почему до сих пор она не получила заслуженного признания. Хирург Г. Динерман».

В самом деле, почему идеи Витебского до сих пор не признаны? Ладно, если бы он был начинающим врачом, тогда можно было бы понять причину скепсиса по отношению к его теории. Но ведь он хирург с сорокалетним стажем. И какой хирург!

Передо мной книга «Справочник хирургических операций», где приведено более двух тысяч оперативных методов и приемов с указанием тех, кто впервые их предложил. Перечень идет от Гиппократов до наших дней. Великие хирурги, светила, знаменитости. Вишневский и Бакулев упомянуты в книге четыре раза, Склифосовский и Спасокукоцкий — два раза.

Витебский упоминается в ней семь раз.

Жаль, что составители справочника не знали об остальных тридцати новых методах оперативного вмешательства, предложенных Витебским. Наверняка многие из них они внесли бы в эту книгу.

К 50-летию ученики Якова Давидовича подарили ему скальпель с надписью — «В золотые руки». Руки у него действительно золотые. Но многие критики его теории склонны объяснять его успехи в клинике исключительно мастерством хирурга, а наука, мол, его идеи здесь ни при чем. Это неверно.

Познания Витебского в смежных с медициной науках поража-

ют. С биохимиками он свободно говорит на языке биохимии, с микробиологами — на языке микробиологии, с физиками, гидравликами, математиками он тоже говорит на понятном для них языке. Вот почему эти специалисты так хорошо понимают его теорию, которая находит подтверждение во всех этих науках.

Я был на декаднике в лаборатории Витебского, несколько дней сидел в аудитории с врачами, приехавшими из разных городов и республик, и нередко перехватывал их восторженные взгляды — они (а среди них было немало и заведующих отделениями) не переставали удивляться глубине познаний Витебского, памяти, широте мышления.

Видел я и то, с каким недоверием некоторые врачи воспринимали его теории, с какой охотой вступали в спор с Витебским по каждому поводу, с каким рвением отстаивали свои, общепринятые взгляды. И я подумал: для этих врачей сейчас признать правоту Витебского значит признать, что они сами до сих пор все делали не так, и их учителя всю жизнь делали не так, и учителя тех учителей...

Признать правоту Витебского для них значит взять на себя ответственность за ошибки настоящего и прошлого. Легко ли это? Нет, конечно.

Вероятно, это одна из причин того, что идеи Витебского не получили пока признания. Впрочем, новое почти всегда пробивает дорогу с трудом. У новой идеи всегда много противников. Но кто они?..

Вспомните: когда Кеплер открыл, что планеты вращаются вокруг Солнца не по круговым орбитам, а по эллиптическим, кто одним из первых выступил против этой идеи? Сам Галилео Галилей. Ибо это не укладывалось в его представление о мире, и он свое представление не хотел менять.

Это было почти четыре века назад. Много ли изменилось с тех пор в психологии восприятия нового?..

Вспоминаю слова хирурга из Омска: «Такие люди, как Витеб-

ский, пробуждают ум и совесть врача». Да, идеи Витебского не должны оставить равнодушным ни одного честного, неравнодушного врача. Они не только опровергают, они заставляют думать. Очень жаль, что об этих идеях большинство наших врачей ничего не слышали.

А между тем здесь же, в Кургане, живет и работает ныне всемирно известный хирург, директор института, лауреат Ленинской премии Г. А. Илизаров, два десятка лет потративший на борьбу со скептиками. Когда-то ему, так же как сегодня Витебскому, не хотели верить; обвиняли в «слепом подходе к хирургии». Правда, Илизарову «повезло»: среди его пациентов оказалось несколько знаменитых людей, в том числе и рекордсмен мира по прыжкам в высоту Валерий Брумель. После того слава метода побилла многие рекорды.

Любопытно, сколько еще времени придется воевать Витебскому со скептиками? А может быть, ему стоит поискать своего «чемпиона»?

Вероятно, судьба его открытия сложилась бы удачнее, если бы Витебский жил не в провинции? Но стоит ли провинцию считать понятием чисто географическим? Есть ведь еще и провинция мысли, провинция духа. Когда Илизаров четверть века назад сделал свое открытие в Кургане, городе с одной заасфальтированной улицей, этот город стал центром мировой хирургии.

— А мы ведь идем по целине, — говорит Витебский. — Развитие наших работ, я убежден, может дать гигантское ускорение советской медицине. За рубежом давно ведутся аналогичные исследования; думаю, через год-другой там будут получены результаты, и тогда приоритет советской науки в этой области будет утрачен. Как уже, например, случилось с теорией возникновения рака толстой кишки. Мы создали эту теорию в Кургане два года назад, но с публикацией не спешили. А недавно узнали, что точно такие же работы сделаны и опубликованы в США. И хотя мы были первыми, приоритет остался за американцами.

Нет, Витебский не сидит сложа руки. Он действует. Пишет статьи, но их печатают редко и с опозданием. Приглашает в Курган врачей — они чаще всего отказываются: далеко. Он добивается того же, о чем в свое время просил Илизаров: посмотрите, проверьте, убедитесь. А убедитесь так легко — повторяю: за семь лет работы лаборатории Витебского инвалидность из-за болезней органов пищеварения в области после внедрения его методов операций снизилась в два с половиной раза.

— Моя давнишняя мечта, — говорит Витебский, — выйти на большую серьезную дискуссию с врачами.

Он давно об этом мечтает. Двадцать лет. Пока безрезультатно...

ОТ РЕДАКЦИИ: Как нам сообщили в Министерстве здравоохранения РСФСР, недавно подписан приказ номер 435, согласно которому в Кургане в будущем году намечено создание самостоятельной научно-исследовательской лаборатории гастроэнтерологии, руководить которой будет Я. Д. Витебский.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ СТАРИНЫ

ДНИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА В ИТАЛИИ

Владимир ЕНИШЕРЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька».

Фото автора

Совсем незадолго до смерти, весной 1921 года, Блок приехал в Москву. Нерадостной вышла эта поездка. Больной, он с трудом выступил в Политехническом музее, Доме Печати, Союзе писателей. Трудно было узнать в этом худом, с поредевшими волосами человеке поэта, чей даже внешний облик олицетворял так недавно самое суть поэзии. Устало он произносил с эстрады стихи и уходил, почти не отвечая на аплодисменты. Лишь один раз за все время промелькнул перед слушателями образ прежнего Блока. Случилось это в Итальянском обществе, где читал он «Итальянские стихи», написанные в тогда уже далеком 1909 году.

К. И. Чуковский, сопровождавший Блока в поездке, вспоминал: «В Москве болезнь усилилась, ему захотелось домой, но надо было каждый вечер выступать на эстраде. Это угнетало его. Когда из Дома Печати, где ему сказали, что он уже умер, он ушел в «Итальянское общество», часть публики пошла вслед за ним. Была пасха, был май, погода была южная, пахло черемухой, Блок шел в стороне от всех, вспоминая свои «итальянские стихотворения», которые предстояло сейчас прочитать. Никто не решался подойти к нему, чтобы не помешать ему думать. В этом было что-то волнующее. По озаренным луною переулкам идет одинокий печальный поэт, а за ним, на большом расстоянии, с цветами в руках, благоговейные любящие, которые словно чувствовали, что это последние проводы. В «Итальянском обществе» Блока встретили с необычайным радушием, и он читал свои стихи уповательно, как еще ни разу не читал их в Москве: медленно-певучим, густым, страдающим голосом...»

Так Александр Александрович прощался с Москвой, с молодостью, с жизнью. И то, что звучало в тот вечер именно итальянские стихи, не случайно. Череда странных на первый взгляд совпадений, действий и поступков людей неумолимо складывается в конечном счете в логически завершенную цепь. В жизни Блока Италия оказалась важным духовным звеном, к ее образам он обращался не раз, а цикл стихов, посвященный Италии, стал одним из лучших в лирике поэта.

Блок по-настоящему узнал Италию в 1909 году, когда отправился с женой Любовью Дмитриевной в путешествие по северу страны. Это был тяжелый для поэта год. Печальные мысли преследовали его и в Италии. Во Флоренции, городе искусства, он пишет самое мрачное из итальянских стихотворений — в нем слышны и отголоски петербургских тревог и нелегкие итальянские раздумья:

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.

О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

Он много перенес и многое переосмыслил в месяцы перед итальянским путешествием. В феврале 1909 года умер сын Любови Дмитриевны, Митя. Блок тяжело переживал его смерть. Поэта стали тяготить бесконечные петербургские литературные собрания, разговоры — «большинство людей мне дико и противно, особенно — литераторов», — пишет он

матери. И продолжает в другом письме: «Несчастливы мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву — для злобы и ссоры друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывают своего лица, а натравляют нас друг на друга».

Так бы он и уехал в Италию искать выход из духовного тупика лишь в ценностях треченто и кварточенто, если бы вечером накануне отъезда не побывал на чеховских «Трех сестрах» в постановке гастролеров в Петербурге Художественного театра. Блок был потрясен. После бесконечных споров петербургских интеллигентов о Христе, литературных диспутах, многочасовых обсуждений, журнальных фельетонов и литературных чтений, за которыми совершенно скрылось живое искусство, он увидел наконец спектакль, о котором смог сказать: «Это — угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся... Я не досидел Метерлинка и Гамсуна, к «Ревизору» продирался все-таки сквозь полувекую толщу, а Чехова принял всего, как он есть, в пантеон своей души, и разделил его слезы, печаль и унижение...»

В состоянии мучительной душевной раздвоенности, стремясь вновь обрести жизненную опору в искусстве, отправился Блок в Италию в апреле 1909 года. Ему предстояло провести там почти два месяца, которые дали русской и мировой культуре «Итальянские стихи», книгу очерков «Молнии искусства», замечательные письма об Италии, а самому поэту позволили ценою многих потраченных даром часов, ценою «духовных унижений, связанных с пребыванием в комнатах постройки XVIII столетия, ценою многих ночных кошмаров... кое-что похитить у старого мира», как написал он сам во введении к неоконченной книге итальянских впечатлений.

Весной 1909 года Блоки ехали в Венецию несколько дней через Варшаву и Вену. Осенью 1981 года мы летели в Италию на международный симпозиум «Александр Блок» всего три часа. Многие изменилось за прошедшие три четверти века. Вспомнилась мрачная ирония поэта во введении к итальянским очеркам «Молнии искусства» о крушительном росте цивилизации, ведущей людей от «человеческой комедии» к «уличному фарсу». «Час фарса пробил», — утверждал он, — когда поднялся от земли первый аэроплан. Воздух завоеван — величественное зрелище; жалкий франтик — взвился под облака: курица хлопала крыльями и собралась лететь...» Впрочем, избалованные комфортом современных лайнеров, не будем спешить и снисходительно улыбаться этим словам. Блок строго последователен в своей философии — он предчувствовал не только блага, но и губительную потенциальную силу технического прогресса. Вспомни хотя бы, как в 1910—1912 годах, на самой заре авиации, он в стихотворении «Авиатор» писал о гибели отважного пилота, пророчески предощущая трагедии, которым суждено было произойти через многие десятилетия: «Иль отравил твой мозг несчастный грядущих войн ужасный вид: ночной летун, во мгле ненастной земле несущий динамит?» А ведь это было написано даже до начала первой мировой войны. Может быть, именно такие провидения Блока (а их немало в его поэзии, прозе, драматургии), проницательность его мысли и, конечно, тайна его поэзии, к которой стремятся приблизиться исследователи русской литературы, и вызывают сейчас столь

пристальное внимание к творчеству Блока во многих странах.

На симпозиум «Александр Блок», организованный Миланским университетом, собрались писатели, ученые-слависты, преподаватели университетов и институтов из Италии, Швейцарии, США, Канады, Болгарии, Польши, Венгрии, Румынии, Югославии, Голландии и других стран. Советский Союз был представлен двумя делегациями. Группу Союза советских писателей, в которую входили Д. Павлычко (Киев), Р. Ованесян (Ереван), Р. Бородин (Минск) и Ю. Волков (Москва), возглавлял критик И. Золотусский; институт мировой литературы представляли член-корреспондент АН СССР В. Щербина (глава делегации), литературоведы Е. Ермилова и Р. Хладовский.

Эта международная встреча как бы венчала целый ряд научных заседаний, конференций, симпозиумов, литературных праздников, прошедших в год столетия Александра Блока. А то, что состоялась она в северной Италии, где создавал поэт «Итальянские стихи», внесло особый оттенок в работу собравшихся ученых и писателей.

...Вначале нас ждал Милан с его неповторимо величественным собором и еще одной святыней — гениальным произведением Леонардо — «Тайная вечеря».

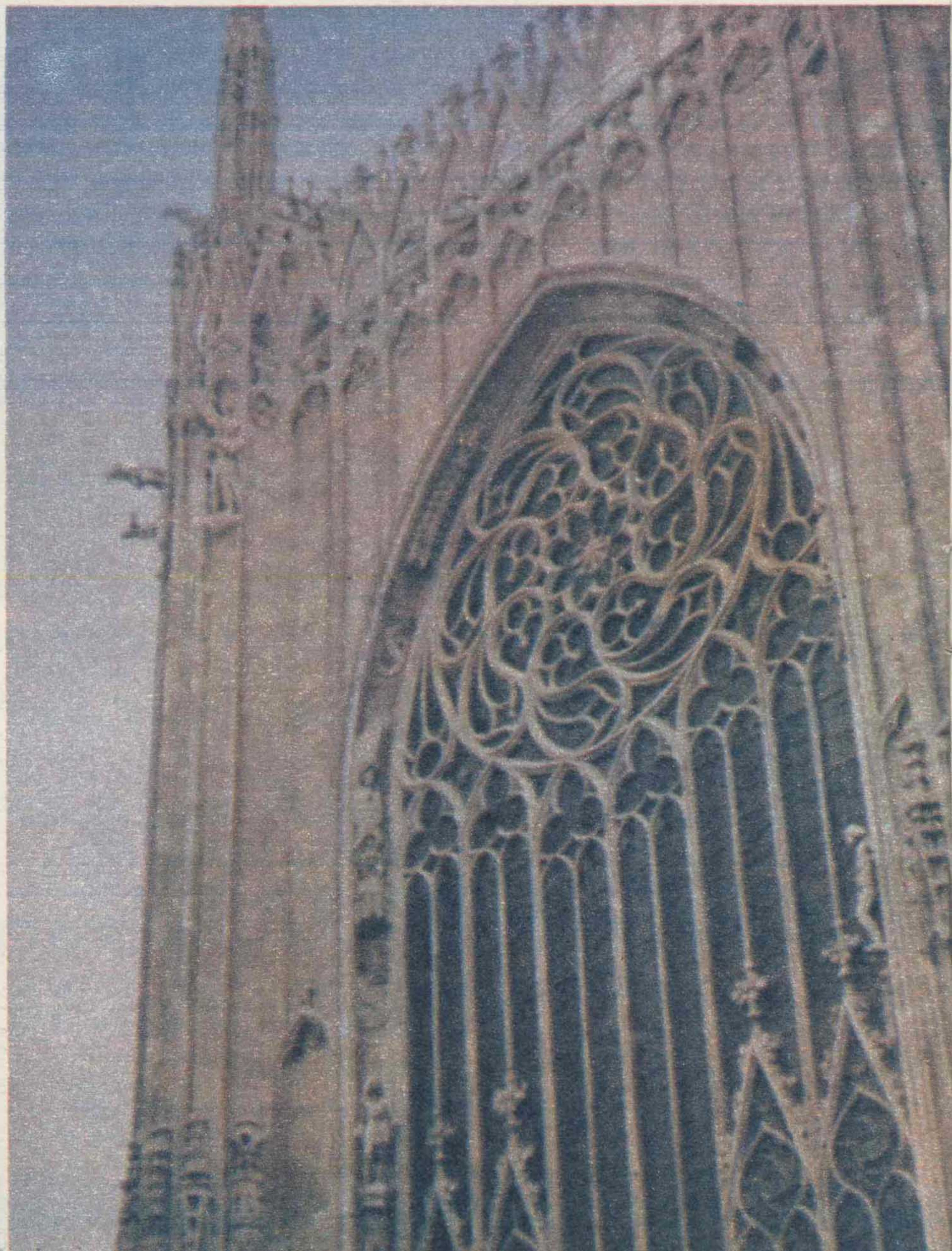
Побывав в Милане, Блок с раздражением записал, что «Тайная вечеря» уже недоступна для зрителя: «при входе в сырую конюшню, где помещена картина, наталкиваешься прежде всего на забор из плоских досок; это — спящий англичанин, сидящий рядом на стульях, как куры на насесте. Их племя плодит породу гидов, которые голодной стаей бросаются на посетителя». (Массовый туризм, как известно, около полтора века тому назад придумали именно англичане.) Не знаю, что бы поэт сказал сейчас. Уединиться и сосредоточиться перед картиной в церкви Санта Мария делла Грацие невозможно. В спрессованной туристской массе больше думаешь о том, как бы пробиться поближе к стене трапезной, на которой написал Леонардо трагическую сцену «Вечери» с уже все знающим Христом. А вокруг многоязычная толпа. Тут и там вспыхивают блitzen фотокамер, гудят зауценную речь живые и автоматические гиды. Словом, все «преlestи» туристского взрыва конца XX века изнуряют и заставляют напрягать волю и духовные силы, чтобы увидеть чудо Леонардо.

Он создавал свою величайшую картину в самом конце XV века в краткий период мощи Милана, когда миланский герцог Людовико Моро самоуверенно заявлял, что «папа — его капеллан, император — его полководец, Венеция — его казначей, а французский король — его курьер». В это время Браманти завершил постройку доминиканского монастыря Санта Мария делла Грацие, и Леонардо получил заказ расписать одну из стен трапезной монастыря. Здесь по традиции изображалась «Тайная вечеря», сцена из Евангелия, происходящая за столом. Теперь в переполненном, озаряемом вспышками ламп зале трудно представить, как смотрелась картина (написанная, кстати, в технике темпера, а не традиционной для настенной росписи фрески), когда ее закончил мастер. Ведь он сделал интерьер произведений как бы продолжением той реальной трапезной — ее стены, потолок переходили в стены и потолок, изображенные художником, а стол на картине как бы замыкал стоящие в трапезной в форме буквы «П» столы. И когда все монахи находились на своих местах, казалось, что Христос и апостолы сидят вместе с ними за одним столом.

Картина Леонардо да Винчи счастливо уцелела во время второй мировой войны. Как и в ленинградских пригородах, с ужасом смотрели мы на фотографии развалин трапезной после бомбардировки, когда от здания буквально чудом осталась лишь стена с «Тайной

На Капитолийском холме * Венецианская гондола * Замок «Святого Ангела» и мост через Тибр * Колизей * Художники и продавцы сувениров на римской площади Навона.

вечерей». В Италии, где молнии искусства блещут ежеминутно, грозя сразить человека, надменно решившего познать все ценности старого мира, ценности культуры, как нигде, понимаешь, какие перлы творения, какие чудеса человеческого гения способна уничтожить варварская сила, оставляя людей без прошлого, а значит, и без будущего. И на площади перед Миланским собором и в церкви Санта Мария дела Грацие, осененной гением Леонардо, и в прекрасном миланском музее Брера перед картинами молодого Рафаэля и крупнейшего мастера раннего Возрождения Пьеро делла Франческа, по которым до сих пор изучают тайны живописной перспективы, нет-нет да и приходит мысль о страшном мире, когда неслыханному разрушению подвергаются и жизнь и искусство. Это может быть и физическое уничтожение и постепенное засасывание человечества в болото массовой субкультуры.

Блок со свойственным ему пристрастием называл это возмездием искусству за то, «что оно было великим тогда, когда жизнь была мала; за то, что оно отравляло и, отравляя, отлучало от жизни; за то, что его смертельно любила маленькая кучка людей и — попеременно — ненавидела, гнала, преследовала, унижала, презирала толпа». Такова была блоковская теория катастрофизма, но ведь всегда находились и находятся люди, противостоящие разрушению, гибели. И если видеть одну из причин кризиса культуры в разобщенности, то именно такие встречи деятелей культуры разных стран, на какую мы приехали в Италию, — пример действенной борьбы за искусство.

Симпозиум «Александр Блок» начался в старинном здании Миланского университета. Его открыл известный итальянский славист, заведующий кафедрой Миланского университета, профессор Эридано Баццарелли, возглавлявший всю сложную организационную работу по подготовке и проведению симпозиума. Он говорил об изучении поэзии и поэтики Блока современными западными славистами, о необходимости рассмотрения творчества великого русского поэта в контексте мировой культуры. В Италии всегда был велик интерес к произведениям Блока. В 1921 году итальянской русистики Этторе Ло Гатто опубликовал в первом номере журнала «Россия» частичный перевод «Двенадцати». В том же году вышел полный перевод поэмы, выполненный Куинтиери. На обложке книги был изображен солдат революции, и называлась она «Большевицкие песни». В Италии известна пьеса «Роза и крест», издавалась лирика Блока в переводах Ренато Реджоли, в год столетнего юбилея поэта здесь была осуществлена интересная постановка его лирических драм, вышла книга избранных писем Блока к жене. В пристальном внимании современных итальянских славистов к творчеству Блока, несомненно, большая заслуга профессора Баццарелли. Его книги «Поэтический синтаксис Блока», «Гармония и хаос в поэтическом мире Блока», «Блок и метафора» стали значительным вкладом в современное литературоведение и во многом определили, в этом мы убедились во время симпозиума, направление работ итальянских славистов, многие из которых ученики энергичного профессора.

Примерно в двухстах километрах от Милана, в маленьком курортном городке Гарньяно, на берегу самого большого в Италии озера Гарда, проходила основная часть работы симпозиума. Гарньяно узкой полосой протянулся между берегом озера и предгорьями Альп. Величественное озеро Гарда, которым восхищались многие русские писатели, в том числе Алексей Константинович Толстой, оставивший записи о нем в своем путевом дневнике, принадлежит к системе альпийских горных озер. Туристский сезон на севере Италии уже кончился, и лишь витрины магазинов на пустынных улочках, незанятые столики кафе, яхты, покачивающиеся в искусственных бухтах, напоминали о минувшем шумном лете этого курорта. Видимо, впервые Гарньяно слышало столько русской речи. Все собравшиеся на симпозиум слависты прекрасно говорили по-русски, и, не скрою, было приятно вдруг услышать на улице итальянского городка или за столиком кафе на набережной беседу о русской литературе, которую вели профессор из Вашингтона и поэт из Минска, итальянский ученый и преподаватель из Голландии...

Зарубежные слависты хорошо знакомы с работами советских литературоведов, посвященными литературе рубежа двух веков и творчеству Александра Блока. В своих исследованиях они постоянно обращаются к трудам Д. Максимова, В. Орлова, Л. Долгополова, А. Туркова, З. Минц. В то же время за рубежом активно изучается жизненная и творческая связь Блока с литературами и культурами отдельных стран. Так, известная исследовательница Елена Даскалова из Болгарии, автор многих публикаций и только что вышедшей монографии «Блок и Болгария», посвятила свое выступление восприятию творчества Блока в Болгарии и его влиянию на развитие болгарской поэзии.

Новые сведения о Блоке и Польше сообщил профессор Б. Бялокозович, председатель Главного правления польского общества русистов. Известно, что с Польшей Блок был связан очень тесно. Вскоре после поездки в Италию в 1909 году он приезжал в Варшаву, где умер его отец, профессор Варшавского университета Александр Львович Блок. Здесь сын задумал поэму об отце, человеке с чертами гениальности, падшем демоне — эта поэма, «Возмездие», в первом варианте имела подзаголовок «Варшавская поэма». В Польше не так давно вышла книга А. Галлиса «Восемнадцать дней Александра Блока в Варшаве», в которой, казалось, были собраны все возможные сведения о блоковских связях с Польшей. Но профессор Бялокозович рассказал о новых документах и материалах, обнаруженных недавно. Среди них особый интерес вызывают совершенно неизвестные воспоминания К. В. Недзвецкого, уникальный экземпляр которых сохранился в Варшаве. Сообщение польского ученого отличалось от многих, представленных на симпозиуме, тем, что в нем творчество поэта рассматривалось не абстрагированно, а в связи с жизненными коллизиями, исследователь, опираясь на новые и малоизвестные документы, дал объемный анализ связей Блока с Польшей и польской культурой.

Интересные наблюдения содержал доклад Пьеро Каццола из Болоньи, посвященный истории и современности в «Итальянских стихах». Контраст между великим прошлым и бедным настоящим, который увидел поэт, путешествуя по Италии, отразился не только в его публицистических статьях, но и в лирике. Поэт трагично воспринимал настоящее богатой прошлым страны, знакомство с которой он даже сравнил с нисхождением в «Дантовский ад». Имя Данте, конечно, не раз звучало с кафедры симпозиума. Специальный доклад «Блок и Данте» сделал советский литературовед Руф Игоревич Хладовский.

По совету Брюсова в 1909 году Блок заехал в крохотный провинциальный городок Равенну, где умер и погребен Данте. Тогда, как, впрочем, и сейчас, Равенна стояла в стороне от шумных туристских троп. За воспетым еще Данте лесом красавица пиний открывается Равенна «все такая, как была...», — говоря словами Данте. Блок был очарован городком. Уже возвращаясь из Италии, повидав многие памятники и музеи, он писал матери: «Всех дорожек мне Равенна...» Он бродил по ее тихим улицам, заходил в пустые церкви, заметил для себя, что Равенна сохранила лучше всех городов раннехристианское искусство — переход от Рима к Византии. Чудесные синие мозаики в мавзолее императрицы Галлы Плацидии, древние саркофаги, дворец Теодориха, короля остготов и, конечно, увитый розами и глициниями суровый мавзолей Теодориха среди полей и виноградников, пленили поэта вечным покоем, удивительной гармонией искусства и тишины. А по другую сторону города в древнейшей церкви Блок наблюдал, как отрывали мозаичный пол IV—VI веков. «Сыро, пахнет, как в туннелях и всюду гробницы. Одну я отыскал под алтарем, в темном каменном подземелье, где вода стоит на полу. Свет из маленького окошка падает на нее; на ней нежно-лиловые каменные доски и нежно-зеленая плесень. И страшная тишина кругом. Удивительные латинские надписи».

Здесь родилось, пожалуй, лучшее из «Итальянских стихов» Блока — «Равенна»:

Все, что минутно, все, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках...

В Равенне после немалых скитаний Данте, осужденный за политическую борьбу на вечное изгнание из Флоренции, поселился около 1316 года и здесь закончил «Божественную комедию». В Равенне он умер и был похоронен в маленькой капелле у церкви Сан Франческо. Но скитания Данте не закончились и после смерти. Видимо, Блок слышал в Равенне историю, как флорентийцы обратились к ра-

венцам с просьбой выдать им прах Данте, чтобы похоронить его в усыпальнице великих людей Флоренции, и получили гордый ответ: «Вы не ценили его при жизни, вы не получите его после смерти». Но папа Лев X решил все же перенести прах Данте во Флоренцию. В 1519 году саркофаг вскрыли, но он оказался пуст. Глубокая тайна окутала эту историю. И лишь через три с половиной века, в 1865 году, во время ремонта капеллы каменщики нашли в замурованной нише деревянный ящик. В нем находились останки человека, лавровый венок и надпись, что это прах Данте, скрытый здесь Фра Антонио Санти 7 октября 1677 года. Во время спора из-за останков великого поэта их прятали монахи-францисканцы, передавая тайну из поколения в поколение. Над саркофагом, где Данте нашел, наконец, вечное успокоение, — профиль великого флорентийца, выполненный еще в XV веке. Как писал Блок:

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Анализировать стихи Блока сложно. Его поэтический текст многозначен, подобрать «ключ» к блоковской лирике с ее философской насыщенностью, глубиной исторического мышления поэта, сложными переплетениями в его творчестве проблем истории и современности, хаоса и гармонии, с ее, наконец, чисто формальными открытиями стремятся литературоведы многих школ и направлений. Некоторые из них от анализа текста, многоплановости его структуры пытаются прийти к раскрытию загадки психологии творчества; другие посвящают исследованиям мифологическому началу в лирике Блока — так интересен был доклад преподавательницы Туринского университета Анны Роче с экстравагантным на первый взгляд названием: «Мотивы змеи в поэзии Блока». Т. Воог-Стоянова из Голландии выступила на симпозиуме с глубоким исследованием стихотворения «Болотный попик»; советский литературовед Е. Ермилова посвятила свое сообщение проблеме символа в творчестве Блока и Вяч. Иванова; а профессор из Югославии Миливое Иванович говорил о мотивах «Вечного возвращения» в цикле «Родина», основываясь на языковедческой теории анаграмм, ибо сам Блок когда-то сказал, что «последние тайны нашего сознания заложены именно в корнях языка».

Содержательный доклад «К символике круга у Блока» сделала литературовед из Венгрии Лена Силард; Блоку и Лермонтову посвятила выступление румынская исследовательница Е. Логиновская; пристальное внимание привлекли сообщения известного польского слависта С. Поллака о «Стихах о Прекрасной Даме»; молодого итальянского исследователя Леонардо Палеари «Блок и Иванов-Разумник», профессора из Вашингтона Надина Натов «Значение образа маски и маскарада в поэзии Блока».

В наши дни наряду с изучением конкретных этапов жизни и творчества Александра Блока наступила пора концептуальных обобщений и построений. О некоторых концепциях развития русской литературы в связи с творчеством Блока говорил заместитель директора ИМЛИ, член-корреспондент Академии наук СССР В. Р. Щербина. Рассказал докладчик и о выходящем сейчас в нашей стране блоковском томе «Литературного наследия» в четырех книгах, беспрецедентном издании, посвященном литературе начала века.

Эти и многие другие доклады (отдельное заседание было посвящено театру Блока) в конце концов сложились в своеобразную мозаику исследовательской мысли о русской литературе начала XX века в целом и творчестве Блока в частности. В дискуссиях на симпозиуме если и не рождалась истина, то выявились и дифференцировались мнения и позиции. Так, при всем несомненном значении формального анализа стиха нельзя согласиться с неформалистическими литературоведческими теориями структуралистской ориентации, которые, расчленяя текст на составляющие элементы, нисколько не занимаются, например, философской, духовной насыщенностью произведения.

Но как хорошо сказал представитель мэра города Мантуи, приветствуя посетивших родину Вергилия участников симпозиума, именно дух поэзии, ее мысль и суть нужны людям, сближают их в нашем полном противоречии мире. В Мантуе, городе, где родился Вергилий, великий поэт, которого Данте выбрал проводником по загробному миру; в средневековом дворце князей Гонзага, у фресок Пизанелло и Мантеньи, под казавшийся совершенно реальным «шорох истории» думалось не только о невозвратности минувшего, но и о вечности истинного искусства, в которое вкладывает душу художник, а значит, и о вечности жизни.

Наверное, об этом размышлял и Блок, когда писал стихотворение о так полюбившемся ему чудо-городе Венеции:

Три эпохи Рима * Цветы в Милане * Участники симпозиума «Александр Блок» в Италии: Е. Даскалова (Болгария), Р. Рюмин (Финляндия), И. Золотусский (СССР), Р. Ованесян (СССР) * Венеция. Проезд запрещен * В ожидании пассажиров у Колизея * Кружева миланского собора.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О СТАРОМ КОМИССАРЕ

Умер Константин Федорович Телегин... Его имя знали, наверно, все солдаты Великой Отечественной войны. Он был боевым соратником прославленных советских полководцев — маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского, принимая участие в руководстве действиями Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов в качестве члена военного совета. А службу в армии Константин Федорович начал еще в 1918 году, когда девятнадцатилетним вступил в Омский отряд Красной гвардии. В Омский — потому что родился он в сибирском городе Татарске, что между Омском и Новосибирском...

Может быть, нынешним молодым людям трудно это себе представить, но тогда, в пламенные годы, когда Революция защищала себя от врагов, бесчисленных и беспощадных, двадцатилетние коммунисты становились комиссарами полков. Комиссаром на всю жизнь стал Константин Федорович, вступив в партию в 1919 году.

Он прошел гражданскую войну в войсках, которыми командовал М. В. Фрунзе, он брал Перекоп. После гражданской служил в погранвойсках, потом, в 1931-м, окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

В июле 1941 года Константина Федоровича назначили членом военного совета Московского военного округа, и сейчас, в дни, когда мы отмечаем и с гордостью вспоминаем поистине героическую оборону Москвы, уместно сказать о нечеловеческих усилиях, понадо-

бившихся командованию округа, на который в первые критические октябрьские дни была возложена обязанность защитить столицу любой ценой. Телегину пришлось решать задачи неимоверной сложности, но он был старый комиссар и никогда не боялся самой высокой ответственности.

В некрологе, опубликованном центральным органом Министерства обороны СССР — газетой «Красная звезда», сказано: «Заслуги генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина перед социалистическим Отечеством высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Он награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова I степени, Богдана Хмельницкого I степени, Красной Звезды и многими медалями».

Среди этих медалей есть две особенные — как символы победного пути Советской Армии, всего советского народа в Великой Отечественной — «За оборону Москвы» и «За взятие Берлина».

Константин Федорович создал замечательную книгу «Не отдали Москвы!» и не успел рассказать о штурме Берлина, о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, при подписании которой он присутствовал...

В памяти всех, кто знал Телегина, он останется кристально чистым образцом коммуниста, человека глубокого ума и доброй, честной души.

Олег ШМЕЛЕВ

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветр сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Нет! Все, что есть, что было — живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

К Венеции, которая показалась Блоку похожей на Петербург, — те же вода и камень, камень и вода, мы подъезжали по современной автострате среди потока с бешеной скоростью мчащихся машин. Дымные заводы на окраине никак не предвещали город-сказку, которую нам предстояло увидеть. У въезда в старую Венецию огромный, как говорят, крупнейший в Европе многоэтажный гараж — здесь все оставляют машины — в Венеции нет наземного движения, здесь иной транспорт — катера, морские трамвайчики и, конечно, традиционно черные гондолы, но они для богатых туристов. Венеция — это дворцы, каналы, мосты. Прекрасно плыть по ее каналам-улицам, разглядывая и иногда узнавая не раз виденные на фотографиях как бы вырастающие прямо из воды шедевры венецианской архитектуры, величественные палаццо на Большом канале (Canal Grande); интересно гулять по улицам Венеции, порой таким узким, что, раскинув руки, можно коснуться стен домов на противоположных сторонах, но, наверно, трудно жить в Венеции. Сырость, поднимающаяся от воды, не только разъедает фасады зданий-памятников, а в Венеции почти каждое здание памятник, но и вредна для людей. Даже очень кратко побывав в Венеции, не только поражаешься ее совершенно своеобразной красоте, но и начинаешь понимать проблемы этого уникального города, в каналах которого отражается сама история. А нам казалось, что все здесь осталось таким, каким было, когда жил в Венеции некоторое время Блок, любовался галереями, церквями, изумительной площадью Сан Марко, морем, каналами, играя с крабами на берегу лагу-

ны, собирал раковины. Он очень быстро почувствовал, и полюбил Венецию, и сумел рассказать о ней в прелестных стихах:

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнью чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас...

Венеция — прекраснейшее из итальянских впечатлений Блока. Венецианские ассоциации и образы долго еще преследовали его. Небольшой мостик в Петербурге, перекинутый перед окнами его квартиры через реку Пряжка, он даже назвал по имени знаменитого венецианского — «Ponte del Sospiri» («Мост вздохов»), вспоминая крытый мостик, с которого узник, осужденный Советом десяти или судом инквизиции, заседавшим в венецианском Дворце дождей, идя в тюрьму на противоположный берег небольшого канала, мог бросить сквозь каменные решетки последний взгляд на небо. Петербургский «Ponte del Sospiri» упоминает Блок в одном из стихотворений, обращенных к его Кармен.

С Италией связаны судьбы многих русских деятелей искусства. Но нет среди великих русских писателей никого, кто бы так любил Италию, как Гоголь, и кто бы оставил такое значительное поэтическое произведение об Италии, как Блок. Поэтому доклад «Блок и Гоголь», с которым выступил, завершая блоковский симпозиум, советский критик и литературовед Игорь Золотусский, привлек очень большое внимание.

Широкую панораму развития русской литературы нарисовал он в своем выступлении: «Вершина Блока не так уж далеко отстоит от вершины Гоголя. В пространствах русской литературы это почти шаг. Из-за вершин — Толстого и Достоевского выдвигается покрытый шапкой облаков Гоголь. Он загадочен, какие-то вихри обвывают его голову — что-то темное клубится и носится на высоте белых снегов. На мгновение в разорванных тучах предстает ослепительно чистый лик и опять скроется — и гул стоит по горам, предвещая обвалы, бедствия, сотрясения, как говорил Гоголь, всего земного состава.

Именно этот гул слышит в конце жизни Блок. 9 января 1918 года он записывает: «Слышал гул, гул, — думал, это началось землетрясение». Проходит еще несколько дней, и Блок заканчивает «Двенадцать»... В торжествен-

ную — и вершинную — минуту своей жизни Блок вспоминает Гоголя, окликает Гоголя, Гоголь слышал тот же шум, но пытался заглушить его. Блок отдался этому шуму, или гулу, — отдался музыке «переделки всего». Это музыка революции.

Гоголь стоит в начале пути, Блок — у его завершения. Он, можно сказать, и завершает его, если иметь в виду русскую дворянскую культуру и русскую литературу — литературу вершин.

Почти целиком первую часть «Мертвых душ» Гоголь создал в Риме; из ворот дома на улице, которая сейчас называется Сикстинской, неподалеку от знаменитой Испанской лестницы, выехала бричка с Селифаном и Петрушкой на козлах, здесь на третьем этаже родились Манилов, Коробочка, Плюшкин... На этой римской улице была создана одна из прекраснейших русских книг, а десятилетия спустя на севере Италии Блок писал «Итальянские стихи», нетленный памятник русской лирики. Задумаемся над этим странным лишь на первый взгляд сближением. Два наших великих писателя обрели вдохновение в Италии, о которой влюбленный в нее Гоголь сказал, что «целой верстой здесь человек ближе к божеству».

Италия помнит русских художников, живших и работавших на ее земле. Мемориальными досками отмечены дом, где жил в Риме Гоголь; здание во Флоренции, где останавливался Достоевский. Данью памяти Александру Блоку стал прошедший в Италии симпозиум о его творчестве. Как сказал, закрывая его, крупнейший итальянский славист, профессор Леон Почини Савой, прекрасно, что ученые и писатели, люди разных политических взглядов, национальностей и религий собрались в Италии, чтобы говорить о стихах Александра Блока, замечательного русского поэта. Подобные встречи не только способствуют развитию литературной науки, но и действительно служат установлению дружеских отношений между людьми многих стран в наше такое сложное, такое беспокойное время.

Милан — Рим — Москва.

Однажды в конце 1966 года Лифтон связался по телефону с Хьюмсом. Тот, конечно, отрицал, что от него исходили слова об операции на голове мертвого Кеннеди, отрицал, что он вообще знает что-либо про такую операцию. Он повторял, что все свои показания по данному и другим вопросам, связанным со вскрытием, дал Комиссии Уоррена под присягой. Много раз Лифтон перефразировал свои вопросы, чтобы предоставить возможность Хьюмсу намекнуть ему, что Лифтон не зря ищет ответа. И вот.

— Конечно,— говорит Лифтон,— если операция была произведена с целью извлечь пулю или сделать что-нибудь с головой прежде, чем тело доставили к вам, это не означает чего-то зловещего, но это означает, конечно, что данные факты не попали в поле зрения Комиссии Уоррена, а должны были бы попасть.

ях Комиссии Уоррена (вопреки, видимо, всем запретам) протаскивал намек на то, что не он производил преступные манипуляции над трупом президента, а кто-то другой, возможно, даже неизвестный ему хирург или нейрохирург. В заключение же врач вдруг посоветовал молодому расследователю заняться какой-то другой проблемой, имеющей отношение к убийству Джона Кеннеди, и оставить это «нелепое дело». Похоже, что Хьюмс действительно не был стопроцентным заговорщиком. Но в тот период времени он с нетерпением ожидал очередного чина, и, будучи карьеристом до мозга костей, как о нем отзывались его сослуживцы, он мог пойти на сделку со своей совестью.

Видные американские патологоанатомы, вникнув в детали ситуации, сложившейся перед Хьюмсом, когда он увидел свежие следы работы какого-то жулика от медицины, буквально разворотившего череп президента, говорят, что Хьюмс должен был немедленно в той самой анатомичке Бетесды «поднять страшный шум». Тем более, что рядом с ним были на-

в ней сказано — парировал он вопросы. Но дважды многозначительно повторил: «То, что написано пером, не вырубишь топором». Совершенно недвусмысленно он дал таким образом понять, что это относится и к словам о хирургической операции на голове, и к словам об отсутствии сквозной раны в теле.

Но все эти слова Сайберта и Хьюмса, произнесенные как бы для очистки совести, напоминают шепот соучастников кровавого преступления, просящих священника отпустить им их грехи.

Вернемся еще раз к внесению с интервалом двух гробов в секционный зал морга. Чтобы понять до конца разницу в двух однотипных событиях, напомним, что во второй раз, согласно докладной записке Сайберта и О'Нейла, труп был в простыне, а голова в дополнительной повязке, пропитавшейся кровью. А что касается первого, тайного прибытия, то помощник прозектора Пол О'Коннор рассказывает следующее:

— Мы открыли этот дешевенький гроб, «жестянку», и он лежал в нем в резиновом мешке.

правда, виднелись маленькие остатки мозговой ткани.

— Входило ли в вашу обязанность сообщить Босуэллу, что мозг отсутствует?

— Босуэлл и Хьюмс видели это сами.

— И какой была их реакция?

— Вы можете быть уверены, что они, как и все, были просто в ужасе. После того, как они все это посмотрели и были сделаны снимки, пустоту в черепе заполнили специальной губкой.

При втором появлении тела покойного мозг был на месте, там, где ему положено быть,— в черепе. И Хьюмс описывал в Комиссии Уоррена те эксперименты, которые он с ним производил, не обмолвившись ни словом о том, другом, безусловно экстраординарном, происшествии с отсутствием мозга, которое вызвало у него и других ужас.

О'Коннор на секунду предположил, что президент получил удар огромной силы, и весь мозг вывалился где-то в лимузине. Но он тут же поймал себя на мысли, что это невозможно.

Действительно, далласские врачи в Парклэндском госпитале за-

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА:

РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Лифтон остановился. Хьюмс молчал, тогда Лифтон добавил:

— Я имею в виду, что, вероятно, это минимальное заявление, которое вы можете сделать, если случилась такая вещь.

И в этом месте, как показывает магнитофонная запись разговора, сделанная Лифтоном, Хьюмс мягко прервал его:

— Я, конечно, полагал бы, что это не должно было пройти мимо их внимания.

— Понимаю,— проговорил с замешательством сердца Лифтон. Но Хьюмс не дал ему говорить:

— Хотелось бы знать — кто! Кем это было сделано! И когда! И где!

Лифтон не верил своим ушам. «Правильно»,— вставил он слово. И затем, повторив «правильно», «правильно», заметил:

— И, конечно, если вы думали, что это было сделано, не упомяну ли бы разве вы это в Комиссии Уоррена?

— Хотел бы надеяться, что да. Он и тут эзоповым языком подтверждал догадку Лифтона, что в своих витиеватых показани-

чальник госпиталя, начальник военно-морской медицинской академии, главный хирург ВМС США, а за стеной в соседних комнатах десятки адмиралов и генералов, съехавшихся в Бетесду к вскрытию.

Джон Кеннеди был капитаном боевого торпедного катера в годы второй мировой войны, отличился в сражениях с японцами на Тихом океане. С тех пор он всю жизнь считал себя военным моряком, гордился военно-морским флотом Америки и уважал тех, кто в нем служит. А ВМС гордились тем, что их бывший капитан стал президентом США. И поэтому Хьюмс, не поднимавший шума в ту самую минуту, стал тоже заговорщиком — заговорщиком против своего флотского, против главнокомандующего вооруженными силами страны, против президента. Мы еще вернемся к Хьюмсу, а пока отметим, что он был не единственный, кто, если можно так выразиться, лгал не до конца.

В разговоре по телефону с Лифтоном агент ФБР Сайберт, ссылаясь на установки, существующие в его ведомстве, отказывался отвечать на любые вопросы, связанные с докладной, которую он составил с О'Нейлом. Все, что надо,

Заговорщики явно торопились. Они забыли, что получили тело в простыне, которой оно было обернуто медицинскими сестрами в Далласе и которой позднее вновь обернут его для второго «прибытия».

— Мы,— продолжает О'Коннор,— расстегнули «молнию», шедшую вдоль всего резинового мешка, и вынули оттуда тело президента. Оно было голое, если не считать головы, обернутой марлей.

Лифтон спросил его, что было потом. Шла обычная подготовка к вскрытию. Раскладывались секционные ножницы, скальпели, пилы. «В большинстве случаев,— продолжал О'Коннор,— для большого анатомического исследования мы вынимали мозг». «Разумеется»,— поддакнул ему ничего не подозревавший Лифтон.

— Но у него,— продолжал медик,— не осталось никаких мозгов. И это, в частности, я имел в виду, когда говорил, что президента будто привезли с поля боя.

К этому времени, к 1978 году, Лифтон уже многое знал. Но от слов О'Коннора он окаменел.

— Что вы имеете в виду?

— Рана на голове была ужасна, наверно, восемь на четыре дюйма (10×20 см.— Прим. авт.)... Череп был пустой, кое-где на стенках,

фиксировали, что пуля разрушила примерно лишь одну треть часть правого полушария мозга, вся остальная часть мозга была на месте. Если во время вскрытия Хьюмс хоть на секунду мог предположить, что весь этот ужас (пустой череп) сотворила пуля, то позднее он прекрасно знал, в каком состоянии отправили тело далласские врачи, однако он скрыл махинацию с «пропажей» мозга.

Интересно, что среди фотографий и рентгеновских снимков, которые спустя много лет все же были показаны специалистам, нет ни одного, на котором бы был мозг в черепе¹. К моменту второго появления тела мозг был опять на месте, но снимать, по-видимому, было опасно, дабы посторонние специалисты не разоблачили обман.

Вместе с фотографиями и рентгеновскими снимками мозг был отдан семейству Кеннеди. В свою очередь, Роберт Кеннеди сдал в

¹ Снимки вынутого из черепа мозга были. Видный американский анатом Лэттимор первым в 1972 году получил доступ к ним. Он сообщил в медицинском журнале, что отсутствовало уже 70 процентов правого полушария мозга, а не одна треть, как утверждали далласские врачи.

1965 году фотодокументы, рентгеновский материал и мозг в Национальный архив с разрешением открыть к ним доступ специалистов через пять лет. В течение этих пяти лет ключ от сундука, где они хранились, должен был оставаться у доверенного лица Роберта Кеннеди — его личной секретарши Энжи Новелло. Кому-то понадобилось, однако, залезть в сундук ранее пятилетнего срока. 29 октября 1966 года стало известно об исчезновении мозга и слайдов, на которых были запечатлены разрезы ткани в районах ран.

Мозг хранил на себе следы пули или пуль, скрыть которые во что бы то ни стало стремились заговорщики. И уж если они могли расправиться с президентом, то выкрасть сосуд с мозгом из какого-то там сундука в Национальном архиве им ничего не стоило. И, по удивительному совпадению, кража произошла сразу же после того, как заговорщикам стало известно о появлении у Дэвида Лифтона его гипотезы о втором заговоре.

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА

В первые месяцы после убийства Джона Кеннеди Вашингтон был полон самых разнообразных слухов. О чем только не говорили и не судачили! Мы хорошо помним какие-то неясные отзвуки расхождений, трений, перепалок между Федеральным бюро расследований и секретной службой. Вроде бы они винули друг друга в том, что не смогли уберечь президента. ФБР якобы сваливало все на СС, а та, в свою очередь, на ведомство Эдгара Гувера. Думается теперь, что проблема вины неспроста создавалась и доводилась до слуха более трех тысяч дошлых вашингтонских журналистов, представляющих органы печати, радио и телевидения всех штатов и многих городов. Смешно и нелепо было бы двум спецслужбам перекладывать вину на плечи друг друга. Винаваты были оба ведомства.

Эдгар Гувер знал о готовящемся покушении на президента в Далласе. Но он об этом никому не сообщил. Как и начальник секретной службы Джеймс Роули, Гувер знал обстоятельства двух предыдущих планов выезда Джона Кеннеди из Вашингтона. В последнюю минуту была отменена поездка в Чикаго, ибо оттуда поступил сигнал о готовящемся покушении. В Майами, куда поездка состоялась, маршрут передвижения президента был полностью изменен, и приняты максимальные меры предосторожности, так как покушение готовилось и там.

В Вашингтоне ходили мрачные разговоры перед отлетом президента в Техас и, в частности, в центр техасских ультраправых — Даллас. «Даллас — очень опасное место. Я бы не поехал туда. Прошу вас не ездить туда», — обратился 20 ноября к президенту сенатор Уильям Фулбрайт. В тот же день Джона Кеннеди посетили в Белом доме специально с той же целью сенатор Губерт Хэмфри и конгрессмен Хейл Боггс. «Мистер президент, — предупреждал Боггс, — вы лезете в осиное гнездо». Все это не могло не встревожить хозяина Белого дома. «Я бы не хотел ехать в Даллас», — сказал он, но обещание, данное вице-президенту, техасцу Линдону Джонсону, надо выполнять. Не выполнить означало обидеть и без

того крайне обидчивого вице-президента.

И вот Джеймс Роули санкционирует проезд президента по Далласу по выгоднейшему для заговорщиков маршруту и в открытом лимузине. В машине с ним едет губернатор Техаса Джон Коннэли. Остальное известно. «Осиное гнездо» оказалось управляемым: Коннэли легко ранен, и то, видимо, случайно, Кеннеди ранен смертельно.

Сотрудники французской спецслужбы, получившие в начале 60-х годов в порядке приобретения опыта разрешение сопровождать Джона Кеннеди, по словам одного английского журналиста, пренебрежительно отозвались о мерах предосторожности, предпринимаемых американской секретной службой, и они оказались правы, так как смогли уберечь от покушения президента Франции де Голля, чего нельзя сказать о президенте Кеннеди.

Далласский «прокол» секретной службы списывали на халатность и нерасторопность ее агентов, сопровождавших Кеннеди. Говорили, что некоторые из них якобы пьянствовали всю ночь в одном из далласских кабаков накануне покушения и т. п. Нельзя исключать такую возможность, но дело все же было в другом. Расследования Дэвида Лифтона показывают, что ФБР заподозрило СС в чем-то более серьезном, нежели пьянство ее «орлов» в далласском кабаке.

Подозрение, видимо, закралось в тот момент, когда агенты ФБР Сайберт и О'Нейл доложили своему начальству, что они сопровождали с аэродрома Эндрюс пустой гроб и что обстоятельства прибытия трупа в госпиталь до приезда туда Жаклин и Роберта Кеннеди покрыты тайной. Натолкнувшись, судя по всему, на непроницаемую стену, воздвигнутую вокруг тайны, ФБР решило припугнуть секретную службу. Иначе трудно объяснить появление Сайберта и О'Нейла в Белом доме, допрос ими агентов СС Келлермана и Грейра, с которыми они терлись локтями в секционном зале Бетесды. Разговор между агентами двух ведомств был, безусловно, интересным. Мы о нем почти ничего не знаем, за исключением лишь того, что в беседе с начальником отдела секретной службы по охране Белого дома Бенном Сайбертом и О'Нейлом выпытывали у него — с чего бы, казалось? — систему приземления самолетов «ВВС-1» и «ВВС-2», явно доискиваясь до корнев тайны.

Зачем она им была нужна? Чтобы разоблачить?

Нет. Гувер ненавидел братьев Джона и Роберта Кеннеди и приложил руку, как считают независимые расследователи, к уничтожению обоих.

В те дни политический Вашингтон, дипломатический корпус, столичные журналисты, вся американская общественность ловили малейший слух о том, что предпринимает или может предпринять брат убитого президента, министр юстиции Роберт Кеннеди. ФБР — составная часть министерства юстиции, до прихода в него Р. Кеннеди босс федеральной политической и уголовной сыскной полиции Гувер не подчинялся ни одному министру. Роберт заставил себя слушаться, в ФБР у молодого министра появились союзники в борьбе против организованной преступности. Но после середины дня 22 ноября, когда Гувер известил Роберта о смерти президен-

та, директор охраны порвал все контакты с министром. Гувер обрел прежнюю самоуверенность и независимость.

И все же, зная Роберта как отчаянного бойца и темпераментного ирландца, он его, видимо, побаивался.

Политические наблюдатели были захвачены психологической драмой высшего накала. Все ждали, что вот-вот Роберт что-то предпримет. И не дождался. Знал ли министр юстиции хоть что-то о подозрительных делах вокруг госпиталя в Бетесде и внутри секционного зала? Никаких указаний на этот счет нет. Потерял ли он свое хладнокровие политика и бойцовский дух мужчины? Или он был убит горем и полностью оторшился от своих непосредственных обязанностей министра юстиции? Ответов на эти загадки психологической драмы пока нет. На том этапе бой выиграл Гувер, взяв реванш за предыдущие два с лишним года, бывших, с точки зрения босса ФБР, преддверием его неизбежной отставки, которой он всячески противился. Убийство сенатора Роберта Кеннеди в 1968 году в момент, когда у него возникли реальные шансы стать в том году президентом США, подчеркнули необратимость реванша ультрареакционных сил над Джоном и Робертом Кеннеди.

Гувер был в курсе, если придерживаться терминологии Лифтона, первого заговора против президента в Далласе. Но его то ли не успели, то ли забыли, то ли не захотели известить оговоре вокруг вскрытия тела покойного президента. Гувера задело невнимание или недоверие. Он свято стерег честь мундира. Шеф политической охраны гордился тем, что знал обо всем в Вашингтоне, и привык к тому, что о самых сокровенных тайнах в городе на берегах Потомака хозяева Белого дома, боссы конгресса узнавали от него. Но чтобы у него под носом, в двадцати минутах езды от ФБР, провернули такую аферу с мертвым телом президента (!) и он не знал, кто провернул, как и зачем, — такого в жизни Гувера не могло быть.

Итак, всегдашнее непомерное любопытство Гувера, его уязвленное самолюбие (не поставили ли известность) предопределили ту расследовательскую работу вокруг тайны Бетесды, которую проводили Сайберт, О'Нейл и другие агенты ФБР, чтобы Гувер мог утереть нос Роули. Но отнюдь не желание разоблачить заговорщиков. Ибо ведь возможен и другой сценарий. И во втором заговоре Гувер обо всем знал, но он не мог просто так приказать Сайберту и О'Нейлу спрятать в карман их подозрения (а вдруг они остались лояльны министру юстиции?) и решил выпустить из них «пары», напустив на Бена, Келлермана и Грейра. Исключать такой сценарий не приходится, ибо за 16 лет из ФБР не просочилось ничего, связанного с бетесдовской тайной. Кроме разве той злополучной фразы Сайберта и О'Нейла о хирургической операции на голове покойного президента. Лифтон называл ее «счастливой случайностью» и «кусочком информации, которая независимо выпала из официальной системы, хотя предполагалось, что хирургическая операция останется навечно тайной».

Лифтон не предъявляет обвинений секретной службе, но он

перечисляет различные подозрительные факты.

Факт № 1. Агент секретной службы Глен Беннетт, сопровождавший Кеннеди в Далласе, писал в рапортнике начальнику СС Роули: «Я услышал звук, похожий на фейерверк... Я смотрел в спину президента, он сидел на правом заднем сиденье. В этот момент я услышал еще один выстрел, напоминавший звук фейерверка, и увидел, что пуля угодила в президента примерно на четыре дюйма (10 сантиметров. — Прим. авт.) ниже правого плеча». Это был прекрасный очевидец, ехавший на машине вслед за президентским лимузином. Посылая его написанную от руки рапортнику Комиссии Уоррена, начальник СС Роули сообщал в сопроводительном письме: «Направляем вам фотокопию оригинала рапортника, сделанной специальным агентом Беннеттом... Значение его записей состоит в том, что они были сделаны Беннеттом на борту президентского самолета, когда он возвращался 22 ноября в Вашингтон, еще до того, как подробное описание ран президента Кеннеди стало всеобщим достоянием».

Независимые расследователи провели анализ фотографий, сделанных очевидцами покушения. Что же они установили? Специальный агент Беннетт в момент выстрелов смотрел не в спину президента, а вправо. Только с помощью такого поистине необычного наблюдения можно было увидеть «угодившую пулю», которая поначалу — по крайней мере с точки зрения далласских врачей — не оставила никакого следа на спине президента. Да, 14 далласских врачей не заметили рану в спине. Эта рана появилась позднее, судя по всему, в тот период, когда, как призрак, исчезал из черепа мозг президента. Лифтон подозревает, что эта рана была сделана уже на трупе.

Факт № 2. В первой половине декабря 1963 года в Даллас были два специальных агента секретной службы, их фамилии неизвестны. Они встречались с каждым из далласских врачей, которые находились в отделении неотложной помощи, участвуя в попытках спасти жизнь президента. Каждый из врачей составил свой отчет с описанием ран. Два агента СС показывали каждому далласскому врачу протокол о вскрытии трупа президента в Бетесде и на этой основе добивались отречения техасских медиков от их прежних показаний.

Но посмотрим еще раз, что говорили далласские эскулапы поначалу — до того, как они пообщались с молодчиками Роули. Доктор Малколм Перри вышел к журналистам по их просьбе через несколько минут после смерти Кеннеди. Пресс-конференцию организовал представитель службы печати Белого дома Уэйн Хоукс, стенографировал ее хорошо известный всем вашингтонским журналистам постоянный стенограф Белого дома «Чик» Рейнолдс. Выражая свое личное мнение и мнение своих коллег, Перри трижды в течение пресс-конференции охарактеризовал небольшое пулевое отверстие под кадыком как входную рану, как рану от пули, пущенной в президента спереди. Это пулевое отверстие, сообщил он, было несколько расширено для трахеотомии.

Далласский доктор Дж. Эйкин высказал свое особое мнение, что

эту входную рану под кадыком оставила пуля, выпущенная с близкого расстояния из пистолета.

О ранении головы. Выстрел или выстрелы в голову были сделаны в тот момент, когда лимузин уже почти поравнялся с балюстрадой, огибавшей травянистый бугор по правую сторону от лимузина. Заместитель пресс-секретаря Белого дома Малколм Килдафф заявил на пресс-конференции, что выстрел в голову пришелся спереди справа, и для вящей убедительности он ткнул себя указательным пальцем правой руки в район правого виска. Сохранился уникальный снимок Килдаффа с пальцем у правого виска; заместитель пресс-секретаря говорил со слов далласских врачей и исходя из личных впечатлений. Старейшина корреспондентского корпуса при Белом доме Мерриман Смит (агентство Юнайтед Пресс Интернешнл), сам заядлый охотник, взглянув на рану и поговорив с врачами в Парклендском госпитале, передал оттуда — и это было напечатано сотнями американских газет: «Кеннеди был застрелен в правый висок». Сет Кантор телеграфировал для всех газет «Скриппс-Говарда» — «в правый висок».

Два далласских хирурга, хлопотавших над Кеннеди — Роберт Маклелланд и Марион Дженкинс, — сообщили еще о входной ране на левом виске. В 16 часов 45 минут 22 ноября, то есть по горячим следам преступления, Маклелланд напечатал двухстраничный отчет. В нем, в частности, говорилось: «Причиной смерти явилось тяжелое огнестрельное черепномозговое ранение в левой височной области». На диаграмме черепа, сделанной рукой патологоанатома Босуэлла и вошедшей в документы Комиссии Уоррена, в районе левого глаза нанесен прямоугольник с отметкой «3 см», что, по мнению Сильвии Мигер, могло свидетельствовать о переломе или отсутствии кости.

Когда в Комиссии Уоррена в марте 1964 года Маклелланда спросили, «точно ли и правдиво» изложил он свои «знания, информацию и уверенность» о левовисочной ране, тот ответил: «Да, я в этом убежден до конца». Тогда же коллега Маклелланда — далласский хирург Марион Дженкинс заявил юрисконсульту Комиссии Уоррена Арлену Спектру: «Я не знаю, правильно это или нет, но я думаю, что была рана в области левого виска, прямо в волосах и прямо над скуловым отростком верхней челюсти». Спектр отпарировал: «Заключение о вскрытии ничего подобного не показало, доктор Дженкинс». Но вот перед Спектром еще один далласский врач, Адольф Гизеке: «От макушки головы до затылка на левой стороне череп почти полностью отсутствовал...»

Заметки на полях

А. К. УМРИХИН. Можно рассудить тут двояко. Правый и левый висок врачи спутать могли. Тем более, когда человек находится в каком-то возбужденном состоянии. А разве не могло возбудить их убийство президента? Можно было спутать. Но, с другой стороны, когда перед тобой такое сложное судебное дело, сложные судебные обстоятельства, когда исследования производят не дилетанты, а высококвалифицированные специалисты, которые на труп смотрят без содрогания и которые понимают, что эмоциональное возбуждение неуместно, то я позво-

Уникальный снимок: заместитель пресс-секретаря Белого дома Малколм Килдафф заявил на пресс-конференции, что выстрел в голову пришелся спереди справа.

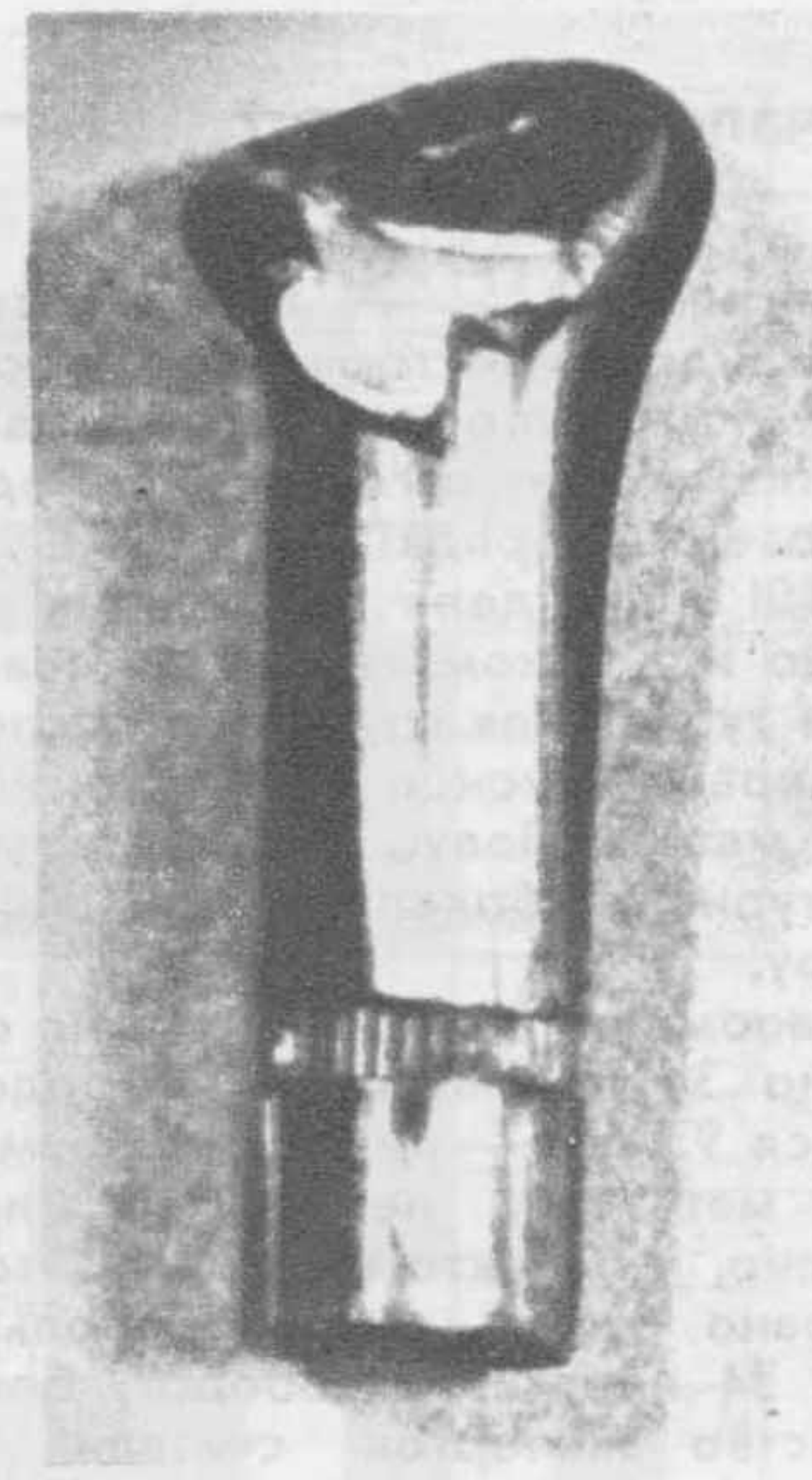
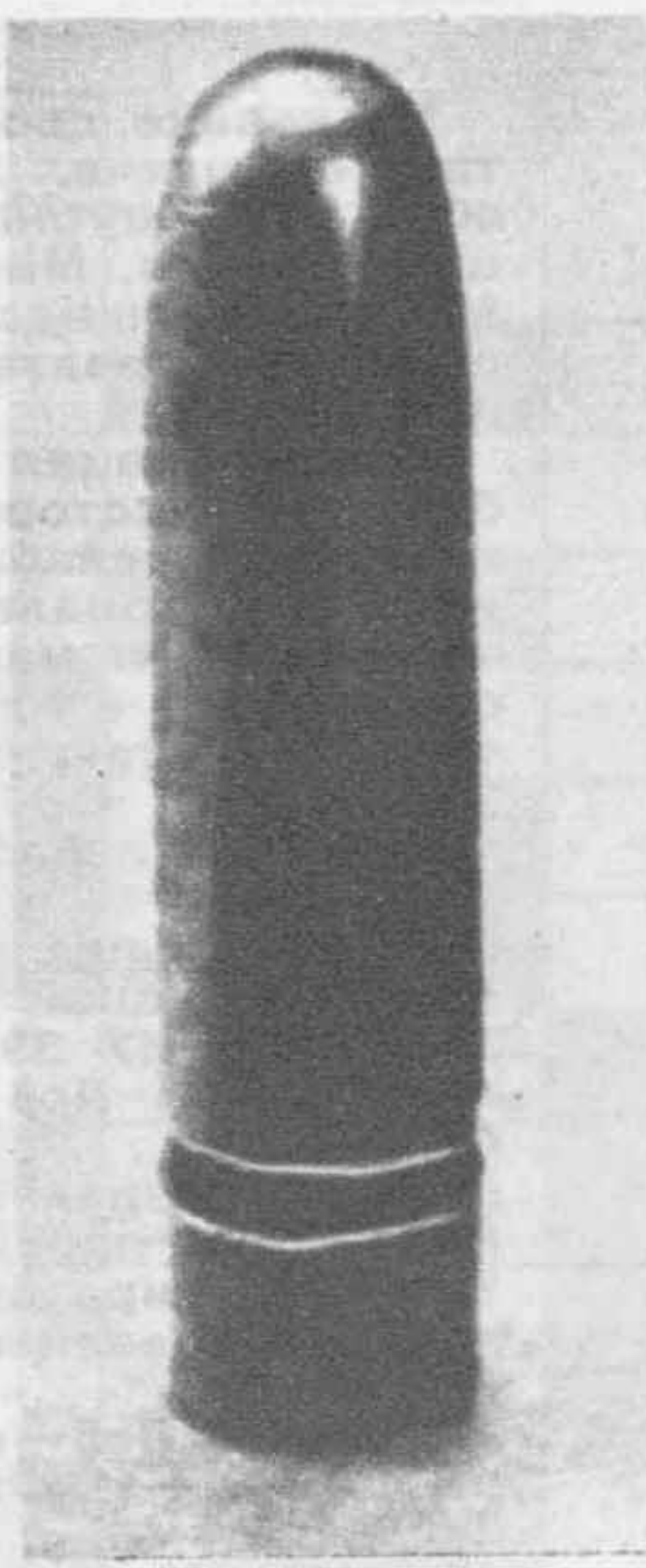
лю себе усомниться в вероятности того, что Маклелланд, Дженкинс и Гизеке могли «перепутать виски». Повторяю, что в оценке расположения раны и ее размеров ошибиться может дилетант и особенно в состоянии аффекта, причиной которого могли бы быть само покушение на президента, вид окровавленного тела, разороченной головы и прочее, но не врач! Хирурги не падают в обморок и не теряют рассудка при виде самых ужасных ран. Они должны как можно быстрее и правильнее распознать характер повреждения и оказать помощь, стараясь вырвать у смерти хотя бы мгновение. Это святой долг врача! Однако речь идет о каком-то «трехсантиметровом прямоугольнике». Вывод из всего может быть только один. В сложившейся ситуации могла разобраться только высококвалифицированная судебно-медицинская экспертиза.

Докторов Маклелланда, Дженкинса и Гизеке словно бы взял на поруки святой отец, оказавшийся, кстати для них и нехотая для заговорщиков, весьма наблюдательным. Священник Оскар Губер, вызванный для причащения умирающего, не скрывал своих впечатлений от журналистов. Агентство Ассошиэйтед Пресс передавало: «Отец Губер смочил в елее большой палец правой руки и провел им крест на лбу президента, заметив в этот момент «страшную рану» над его левым глазом».

Слева по ходу президентской кавалькады, подчеркивает Лифтон, был травянистый бугор, идентичный бугру справа. Но в отличие от правого травянистого бугра, где зрители явственно чувствовали проносившиеся у них из-за спины в лимузин пули, слышали выстрелы, видели дымок пороха и чувствовали его запах, в районе левого бугра подобных свидетельств зафиксировано не было. Стрелок с бесшумной винтовкой? Или еще один дьявольский призрак, уготовленный главе государства в «осином гнезде»?

Врачам, другому медперсоналу и святому отцу зажали рот. Помимо визита двух агентов секретной службы к врачам в Даллас, принимались и другие меры для вытравливания отзвуков их заявления.

Например, начальник секретной службы уверял Комиссию Уоррена, что его подчиненные не могут разыскать ни телевизионной пленки, ни стенограммы упоминавшейся пресс-конференции доктора Перри. Вранье! Именно секретная служба конфисковала те-

Экспонат № 399 Комиссии Уоррена — «рыскающая пуля» (на снимке слева). Рядом — контрольная пуля того же образца; ею был произведен выстрел в запястье трупа; пуля сильно деформирована.

левизионную пленку у трех ведущих национальных телевизионных сетей, а также далласских телевизионных станций. Она же «повесила замок» на стенограмму. Исследователи обнаружили ее после десятилетнего поиска среди бумаг, попавших в библиотеку документов покойного президента Линдона Джонсона. И значилась она там как первая официальная пресс-конференция Белого дома новой президентской эры — эры Линдона Джонсона. Печальный, но в общем-то символический старт. С правлением Джонсона связано появление в США «кризиса доверия» к Белому дому, правительству, конгрессу. В основе кризиса был постоянный официальный обман, возведенный в ранг государственной политики. Апогеем этого обмана американского народа было втягивание страны в грязную войну в Индокитае.

Факт № 3. Прежде чем попасть в вашингтонскую лабораторию ФБР для исследований, единственная, согласно официальной версии, найденная и почти совершенно целая пуля побывала в руках секретной службы. В докладе Комиссии Уоррена утверждается, что эта пуля вошла в спину — «нижнюю часть шеи» (то, что якобы видел Беннетт) президента Кеннеди, вышла через его горло под кадыком, вошла в спину губернатора Коннэли, вышла из его груди, прошла кисть правой руки и проникла в левое бедро, а затем благополучно «приземлилась» на носилках Парклендского госпиталя, на которых перевозили губернатора. Комиссия Уоррена окрестила ее «рыскающей пулей», другие — «волшебной пулей», «пулей-чудом».

Пролетев по совершенно необычной траектории, «рыскающая пуля» проделала не менее удивительные зигзаги на пути к превращению в экспонат № 399 Комиссии Уоррена. В общем, она потеряла всего лишь 3 грана¹ в весе, то есть около одной пятой грамма, сохранив 158,6 грана. Даже Хьюмсу это показалось странным, и в Комиссии Уоррена он заявил, что считает маловероятным, чтобы, пройдя двух человек, пуля могла так хорошо сохраниться.

Удивительно и другое. Пуля была найдена якобы около двух часов дня, когда весь отряд сек-

ретной службы, охранявший президента, находился еще в Далласе. Но специальный агент СС Ричард Джонсон почему-то не полетел сразу же в Вашингтон с этой пулей, а привез ее туда в... кармане пиджака в 19 часов 30 минут, вручив пулю начальнику секретной службы Роули. Тот около 22 часов позвонил в секционный зал госпиталя ВМС в Бетесде и сообщил Келлерману о том, что найдена пуля и передана ФБР. Сайберт звонит в лабораторию ФБР и получает подтверждение, что на носилках Кеннеди найдена пуля. Сообщение пришлось весьма и весьма кстати. В нижней части шеи, или, как они еще говорили, «на спине», бетесдовские патологоанатомы обнаружили ранку. Ее происхождение было загадочным. Пули в ней не было, и палец Хьюмса упирался в конец раны, войдя немногим более чем наполовину. Вест о пуле вызвала вздох облегчения. Возникла спасительная теория, что врачи в Далласе делали закрытый или наружный массаж сердца и пуля выпала на носилки-каталку, с которой Кеннеди не снимали до смерти. Так родилась эта версия о несквозной ране, которую изложили Сайберт и О'Нейл в своей докладной записке и которая прошла в этом виде в упоминавшийся доклад ФБР от 9 декабря 1963 года о вскрытии трупа президента.

Но вздох облегчения в Бетесде был преждевременным. Место находки пули было изменено — отныне им стали носилки Коннэли, а несквозную рану Кеннеди велено было кем-то превратить в сквозную: вошла в заднюю часть шеи, вышла через горло, через то самое место, которое доктор Перри и его коллеги приняли за «наивную рану».

Заметки на полях

В. В. ВЕЦЬ. При патологоанатомическом исследовании сквозного пулевого ранения довольно просто отличить входное отверстие от выходного, если даже их размеры будут одинаковыми. У входного отверстия всегда есть кольцо осаднения — это узкая ссадина кожи, оставленная пулей, окаймляющая отверстие. Обе раны фотографируются, и отпечатки в увеличенном виде сравниваются. Кроме того, обязательным считается рассечение в продольном направлении пулевого канала, которое практически исключает возможность ошибки.

Продолжение следует.

¹ В 1 грамме 15,4 грана.

Начало см. на стр. 7.

аргентинский гроссмейстер М. Найдорф восторженно восклицал: так тонко выигрывать партию может сегодня лишь один человек — Карпов!

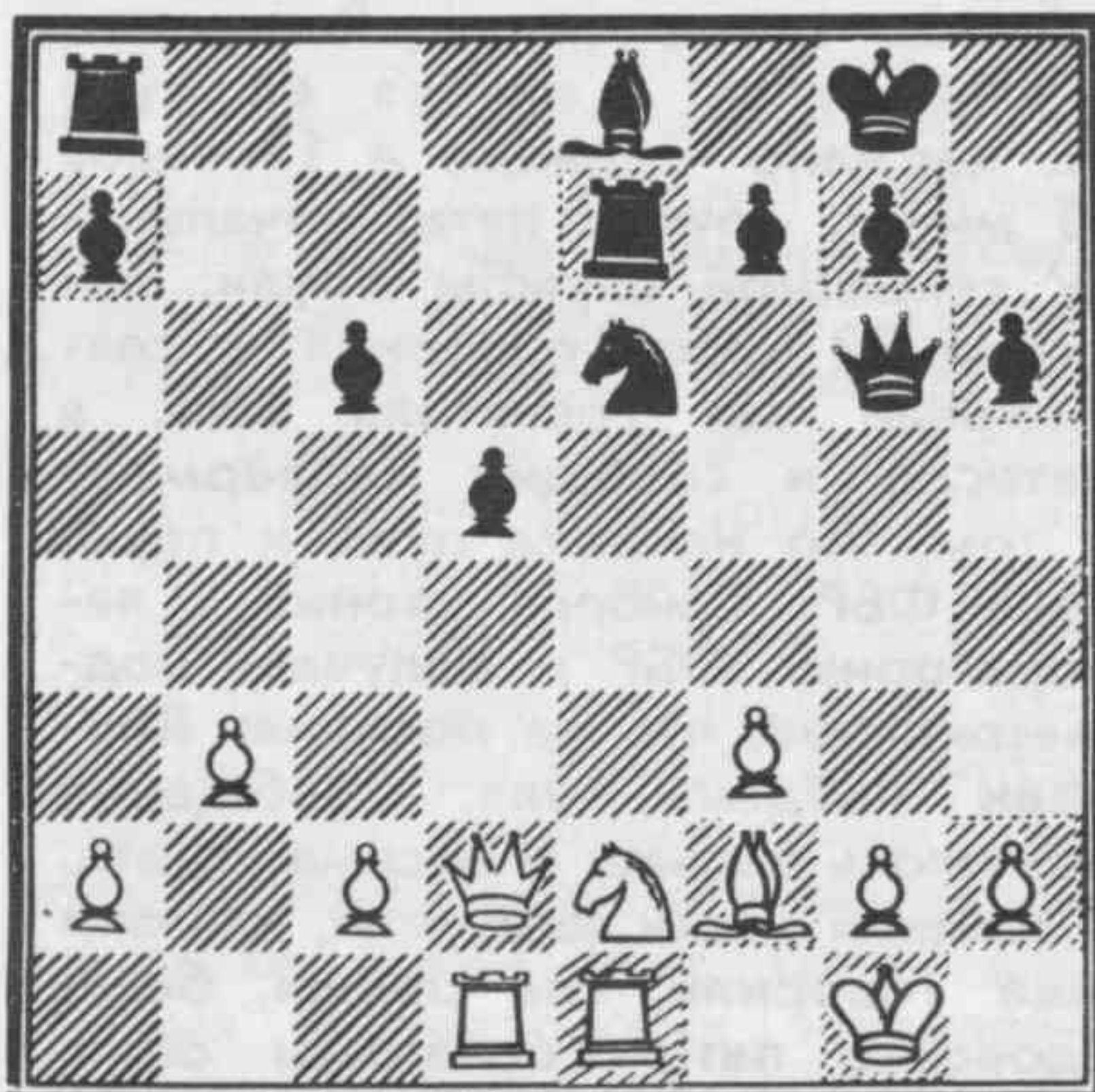
2: 0! Если дела пойдут так хорошо и в таком темпе, то советская туристская группа не поспевает в Мерано в конце октября к концу матча. Полушутя-полусерьезно туристы «болели» за ничейную паузу.

Напомним, что в Багио было сыграно 34 партии и матч продолжался 93 дня — рекорд в шахматных матчах на первенство мира.

Ясно, что никто не думал, что в Мерано будет сыграно больше чем 34 партии. Наоборот, большинство экспертов считали, что значительно меньше — около 20.

Посольство Италии в Москве, вероятно, полагало, что матч закончится после 12 партий. Дело в том, что нашей делегации были выданы визы на 30 дней — явно маловато. Позже визы были продлены на 100 дней, но это многовато!

Корчной

Карпов

Когда смотришь партии Карпова, то заметно, что его фигуры расположены гармонично, целесообразно. Если фигура не выполняет свою функцию на одном поле, то она перегруппируется на другое — это в шахматной игре требует большого мастерства. Посмотрите сами:

24. Ke2—c1 d5—d4
(Очень любопытный момент, удивительное совпадение: в первой партии Карпов осуществил энергичный прорыв 24... d4! А теперь претендент, тоже на 24-м ходу, играет d4, как бы сказав: что я, хуже? Да, да, хуже. Ход Карпова привел тогда к победе, ход Корчного рискованный, производит нервное впечатление. Известно ведь: когда двое делают одно и то же — это не обязательно одно и то же. Хотя пешку «d» сразу брать нельзя из-за связи, но она станет объектом атаки. Лучше было 24... Cd7.)

25. Kc1—d3 Фg6—f6 26. Cf2—g3 Ле7—d7 27. Ле1—e5...

(Шахматы — игра железной логики. Как видно, по пятой магистрали белая ладья попадает скоро на a5, атакуя пешку a7. Эту возможность белые получали из-за слабого хода черных 24... d4.)

27... Фf6—d8 28. Лd1—e1 Лd7—d5 29. Ле5:d5 Фd8:d5 30. Ле1—e5 Фd5—d7 31. Фd2—e1...

(Сильный ход. Если бы черные успели сыграть 31... f6 и вывести слона e8, то их позиция была бы еще защитима. Теперь, как говорится, им нечем дышать.)

31... Ла8—c8 32. b3—b4 Фd7—d8 33. Ле5—a5 Фd8—d7 34. h2—h3... (Карпов не торопится: противник переигран по всем правилам шахматной стратегии. Шахматист атакующего стиля игры, как М. Таль, сыграл бы 34. f4 и... тоже бы добился успеха. Это уже дело вкуса.) 34... f7—f6

(Во многих журналах иностранной печати отмечается, что «бедный» Корчной проиграл партию из-за этой ошибки. Эта ошибка, правда, ускоряет поражение черных, но позиция в любом случае проиграна.

Несколько слов о корреспондентах на матче. Ясно, что не все 400—500 журналистов — сильные шахматисты. Многие находились в Мерано в ожидании какой-то сенсации, необязательной за шахматной доской.

Квалификация чисто шахматная была у некоторых корреспондентов весьма слабая. Так, например, в одном журнале в ФРГ читателям «объяснили»: матч играется до шести побед, отложенные партии не считаются.)

35. Ла5:a7 Фd7—d5 36. Ла7—a5 Фd5—d7 37. Ла5—a7 Фd7—d5 38. Ла7—a5...

(Для выигрыша времени, вероятно, был небольшой цейтнот.) 38... Фd5—d7 39. Фе1—e4 Се8—f7 40. Фе4—f5 Лс8—e8 41. Крg1—h2 Фd7—b7

(В этом безрадостном для черных положении партия была отложена. Чемпион мира без особого труда четко реализовал свое преимущество.)

42. a2—a3 Ле8—d8 43. h3—h4 h6—h5 44. Ке4—f2 Фb7—d7 45. Ла5—a6 Фd7—e8 46. Фf5—a5 Cf7—g6 47. Кf2—d3 Крg8—h7 48. Фа5—b6 Лd8—c8 49. a3—a4...

(Поехали!)

49... Сg6—f5 50. a4—a5 c6—c5 51. b4—c5 Cf5:d3 52. c2:d3 Ке6:c5 53. Ла6—a7 Фе8—g6 54. Ла7—c7 Лс8:c7 55. Сg3:c7 Кс5:d3 56. Фb6:d4 Кd3—e5 57. Сc7:e5 Черные сдались.

УДАР НОМЕР ТРИ

Карпов и его секундант знают, что у Корчного «головная боль» сразу же после 1. e2—e4. Именно так Карпов почти регулярно начинает игру, когда его «подача». Только в 12-й встрече он дал своей ударной силе — королевской пешке — тайм-аут.

Потерпев крах в испанской партии, Корчной решил перейти на русскую партию. На этот раз ему удалось уравнять шансы, и ничья казалась не за горами. Позиция на шахматной доске была спокойна. Но существует ведь в борьбе еще один важный фактор — время на часах. С ними претендент явно не в ладах.

Карпов всегда играет легко, быстро, уверенно и в цейтнот попадает раз в году. Корчной же всегда считался не простым, а злостным цейтнотчиком. Это у некоторых шахматистов хроническая болезнь.

При счете 2:0 в пользу Карпова Корчной проявляет неуверенность, нерешительность. В таком состоянии шахматист думает долго над ходом, который в нормальном состоянии сделал бы быстро. Часы идут, допускаются ошибки, затем более заметные ошибки, и после контрольного, сорокового хода партия откладывается. Смотришь — а откладывать-то нечего: позиция безнадежна, человек в цейтноте доирался. Именно так было в этой четвертой партии. В отложенной позиции для Карпова все пути вели в Рим. 3:0! Чемпион мира на короткой дистанции из четырех встреч на 50 процентов выполнил свою спортивную задачу.

Корчной

Карпов

Игра продолжалась так: 31. g3—g4 g6—g5

(Такие ходы делаются не от хорошей жизни. Претендент успел за-

метить, что после 31... hg 32. К:g4 Kf5 следует решающий тактический удар 33. К:f6!)

32. Фf4—f3 h5:g4 33. Ке3:g4 Фd7—d6 34. g2—g3 c7—c6 35. c3—c4!

(Карпов преследует противника по всей доске. Корчной должен смотреть направо, налево, в центр и на флажок шахматных часов.)

35... f6—f5 36. Фf3—e3 Ке7—g6 37. c4—c5 Фd6—d8 38. Кg4—e5 b6:c5 39. Ке5:c6 Фd8—f6 40. Фе3—e6 c5:d4 41. Фе6:d5...

(Цейтнот кончился, и настал момент черным записать ход. Посмотрите, уважаемый читатель, диаграмму и убедитесь сами: всего за десять ходов чемпион мира буквально смел противника с шахматной доски.)

41... d4—d3 42. Фd5—d7+ Фf6—f7 43. Кс6—e7 Крg7—h7 44. Крg1—g2 Лh8—e8 45. Ле1—h1+ Кg6—h4+ 46. g3:h4 Фf7:e7 47. Фd7:f5+ Крh7—g7 48. h4:g5 Фе7—b7+ 49. f2—f3 Ле8—e2+ 50. Крg2—f1 Крg7—g8 51. Фf5:d3...

(Итак, Корчной остался... без трех.) 51... Ле2—e6 52. Фd3—d8+ Крg8—g7 53. Фd8—d4+, и Корчной сдался наконец-то.

НАСТРОЕНИЕ БОДРОЕ

Безгрешных шахматистов не было, нет и не будет. Грешен бывает и Карпов, правда, редко. В шестой партии чемпион мира дал претенденту возможность снизить разрыв на 3:1. Как это случилось? До начала матча Карпов обещал (прежде всего самому себе), что не будет спешить в цейтноте противника (как говорится, играть на его цейтнот).

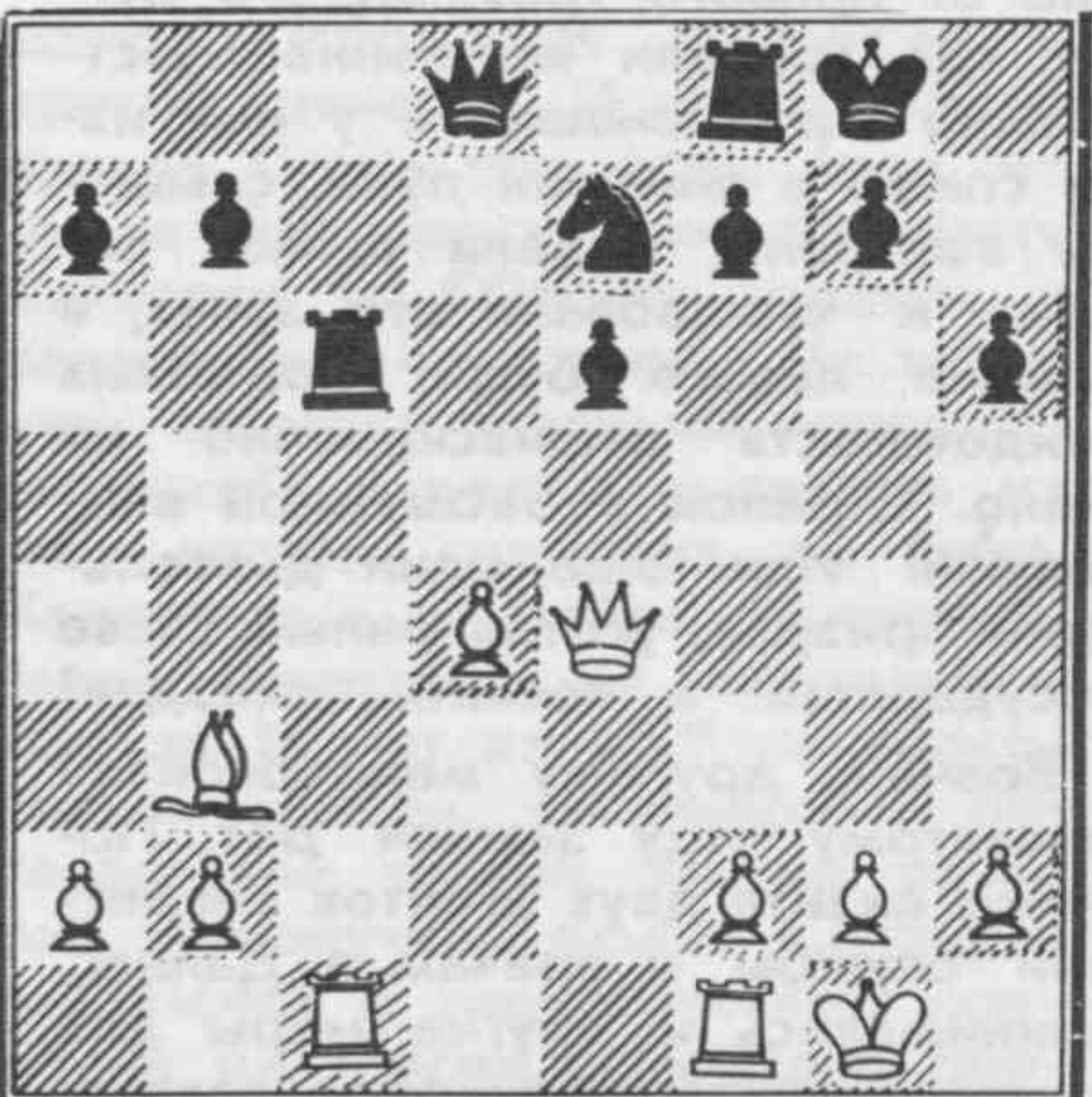
Но на минуточку он забыл про это обещание и на сороковом ходу поторопился. Эта психологическая ошибка повлекла за собой и шахматную. Куда пойти конем? Один прыжок — на e2! — постепенно привел бы к победе и счету 4:0, второй — на поле рядом — f1?, как играл Карпов, к проигрышу.

У временно притихшего претендента и у его лагеря снова появился голос, в печати — шум. В этот момент для Карпова было очень важно ответить контрударом.

И Анатолий его нанес в девятой партии. В этот день в Мерано прибыли советские туристы. На глазах наших туристов Карпов в Багио красиво заматовал Корчного в 17-й партии. Как бы не нарушая такую традицию, чемпион мира в Мерано на радость туристам нанес противнику четвертое, сокрушительное поражение.

Карпов полушутя считал, что эту победу он посвятил нашим туристам. Туристы же гордились, что это они обеспечили победу. Так или иначе, у всех было приподнятое настроение. Туристы хотели обеспечить еще одно очко, но Корчной — им назло — взял тайм-аут.

Карпов

Корчной

В этой партии Карпов применил ценную теоретическую новинку и, как видно на диаграмме, легко уравнивал игру. В этой позиции белым надо было путем 19. Л:c6 искать путь в ничейную гавань. Но счет 3:1 неприятно давит на психику претендента, и он начинает — с большим опозданием —

играть на выигрыш, а точнее, на проигрыш.

Последовало: 19. Лc1—c3 Фd8—d6 20. g2—g3 Лf8—d8 21. Лf1—d1 Лc6—b6!

(Отлично. Карпов уже не согласен на размен ладьи. Она ему пригодится при окружении слабой пешки белых на d4. Начиная с этого хода парадом командует чемпион мира.)

22. Фе4—e1 Фd6—d7 23. Лc3—d3 Лb6—d6 24. Фе1—e4 Фd7—c6 25. Фе4—f4 Ке7—d5 26. Фf4—d2 Фс6—b6 27. Сb3:d5...

(Практически вынужденно. Но теперь у белых стратегически безнадёжная позиция. Батарея тяжёлых черных фигур рано или поздно должна завоевать изолированную пешку на d4. Кроме того, король белых будет подвергаться атаке, поскольку слаба первая и вторая горизонталь в лагере белых. Окончание — фактически учебный пример — чемпион мира проводит энергично, убедительно.) 27... Лd6:d5 28. Лd3—b3 Фb6—c6 29. Фd2—c3 Фс6—d7 30. f2—f4... (Парирует угрозу 30... e5, но еще больше ослабляет фланг.)

30... b7—b6 31. Лb3—b4 b6—b5 32. a2—a4 b5:a4 33. Фс3—a3 a7—a5 34. Лb4—a4 Фd7—b5 35. Лd1—d2 e6—e5 36. f4:e5 Лd5:e5 37. Фа3—a1 Фb5—e8 38. d4:e5 Лd8:d2 39. Ла4:a5 Фе8—c6 40. Ла5—a8+ Крg8—h7 41. Фа1—b1+... (Подобный шах принято называть... предсмертным.) 41... g7—g6 42. Фb1—f1 Фс6—c5+ 43. Крg1—h1 Фс5—d5+ Белые сдались.

КАРПОВ БЛИЗОК К ПОБЕДЕ

В 14-й партии Карпов одержал эффектную победу. При счете 5:2 к победе — один шаг. Поклонники претендента (их, вероятно, уже намного меньше) говорят: вот так было и в Багио. Теперь Корчной выиграет три партии, и будет 5:5. Такого рода заявление, однако, из области плохого юмора.

Общее число аккредитованных корреспондентов на матче достигло 500. Это не означает, однако, что такое количество находилось постоянно в пресс-центре. Некоторые приехали на несколько дней, чтобы иметь представление об обстановке в Мерано.

Многие корреспонденты покинули «тонущий корабль» при счете 4:1 в пользу Карпова. Вроде им «уже неинтересно». Более того, при счете 5:2 (первый, а точнее, последний «звонок» для Корчного) некоторые газеты и издательства отзывались своего корреспондента. Зачем, мол, заниматься коммунистической пропагандой, восхвалять Карпова?

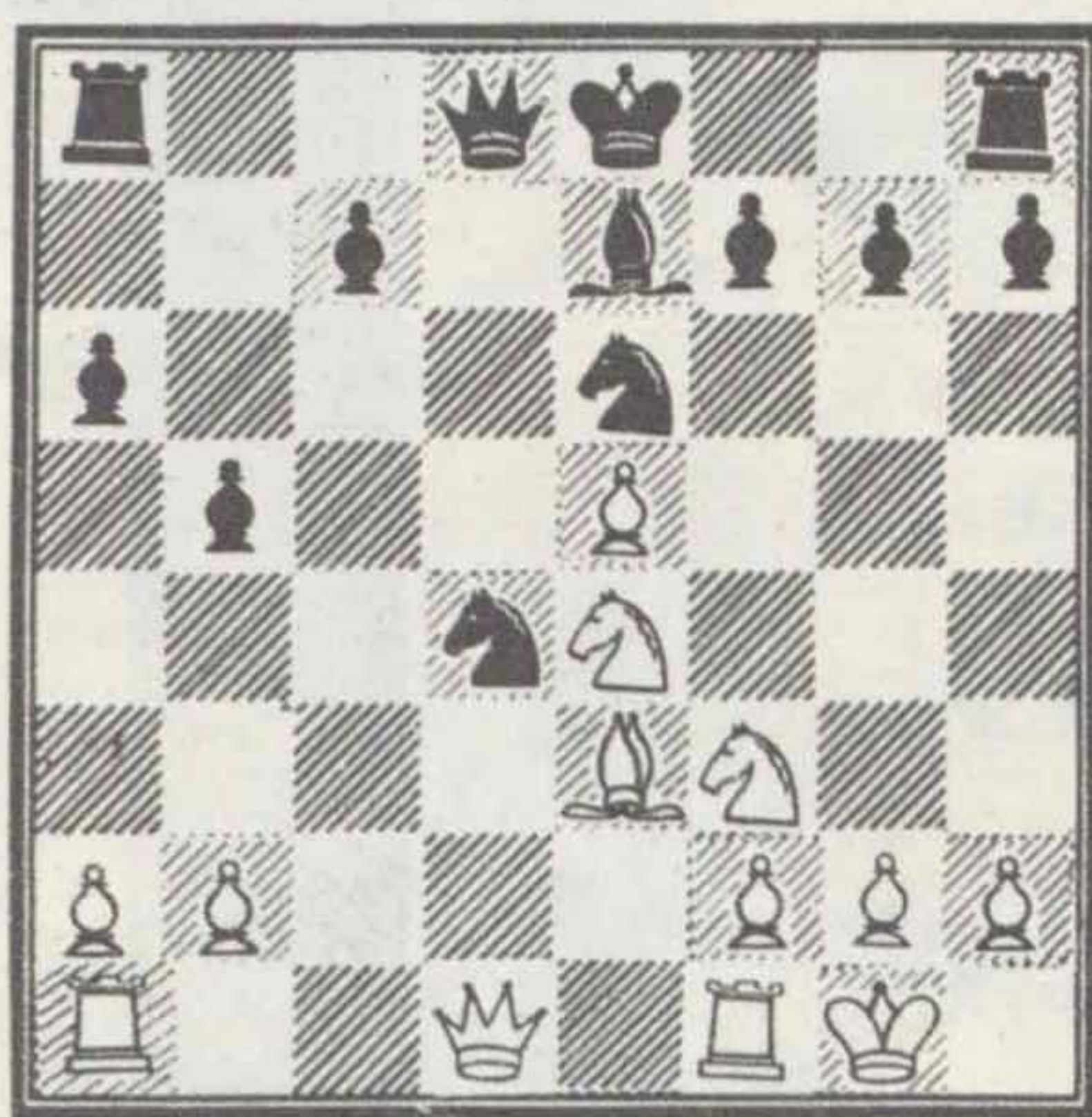
Вот небольшой пример на эту тему из моей практики. Одно издательство в Гамбурге просило меня комментировать только результативные партии. Но при счете 4:1 оно дало отбой: матч «скучный», игра идет в одни ворота. «Такая» книга не будет иметь успеха. Мы лучше заполним книгу партиями из прошлого, из старины. Я понял и финиш не стал комментировать.

Матч близится к концу. У читателя, возможно, возникнут вопросы. Какие были на этот раз отношения между участниками матча? Никаных! Чем объяснить, что по сравнению с массой безобразий со стороны Корчного в Багио (Карпов о них написал в книге «В далеком Багио») в Мерано было относительно спокойно? Это объясняется просто: с учетом опыта Багио, на этот раз все было предусмотрено строгим регламентом. Арбитр имел право объявить участнику предупреждение (нечто вроде желтой карточки). Но главное — за необоснованный протест, особенно за нанесенное оскорбление, арбитры, жюри могли назначить солидный денежный штраф. Вот в чем дело! Бесплатно, даром Корчной в Багио скандалил постоянно, за деньги наличные позволял себе меньше.

Но там, где Корчному не угрожает денежный штраф, он не скрывает свою злобу и антисоветские настроения.

Четырнадцатую партию Карпов выиграл красиво и без особенного труда. Вот как это произошло:

Корчной

Карпов

14... Kd4:f3+?

(Этот слабый ход претендент в 16-й встрече заменил лучшим — 14... Kf5.)

15. Фd1:f3 0-0 16. Лf1-d1 Фd8-e8 (Не замечает следующий красивый удар.)

17. Ke4-f6+! ... (В стиле М. Талья, который в этот день в Мерано отметил свое 45-летие.)

17... Се7:f6

(К быстрому разгрому черных приводит принятие жертвы путем 17... cf 18. ef Cd6 19. Лd5 Kph8 20. Лh5 Лg8 21. Л:h7+.)

18. e5:f6 Фе8-c8 19. f6:g7 Лf8-d8 20. h2-h4! c7-c5 21. Ла1-c1 Фс8-c7 22. h4-h5 Фс7-e5 23. h5-h6 Фе5:b2 24. Лd1-d7 Лd8:d7 25. Фf3:a8+ Лd7-d8 26. Фа8:a6 Фb2-e2 (У Карпова лишняя пешка и... лишний король! Ведь король черных взят в плен.)

27. Лс1-f1 Лd8-d1 28. Фа6-a8+ Лd1-d8 29. Фа8-c6 b5-b4 30. Фс6-a4 Фе2-d3 31. Лf1-c1 Фd3-d5 32. Фа4-b3 Фd5-e4 33. Фb3-c2 Фе4:c2 34. Лс1:c2 f7-f5 35. f2-f4 Крg8-f7 36. g2-g4 Лd8-d5 37. g4:f5 Лd5:f5 38. Лс2-d2 Лf5-f6 39. Лd2-d7+ Крf7-g8 40. f4-f5 Лf6:f5 41. Лd7-e7 Ке6:g7

(Как не хочется сказать слово «сдаюсь»!)

42. Ле7:g7+ Крg8-h8 43. Лg7-c7 Крh8-g8 44. Се3:c5 Лf5-g5+ 45. Крg1-f2 Лg5-g6 46. Сс5-e3... Поверите или не поверите, претенденту и не стыдно было в такой позиции еще отложить партию. Он сдался лишь на следующий день.

МОЩНЫЙ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД. ФИНИТА!

При счете 5:2 каждая следующая партия может оказаться последней. Но когда же это произойдет?

Вот и настал четверг, 19 ноября. Чемпион мира как бы говорил себе: сегодня, сегодня, обязательно сегодня я хочу, я должен, должен выиграть! Почему Карпову так страстно хотелось победить именно в тот день, почему он так спешил? Секрет заключается в том, что в субботу, 21 ноября, у сына — его зовут тоже Толя — день рождения. Когда Толеньке

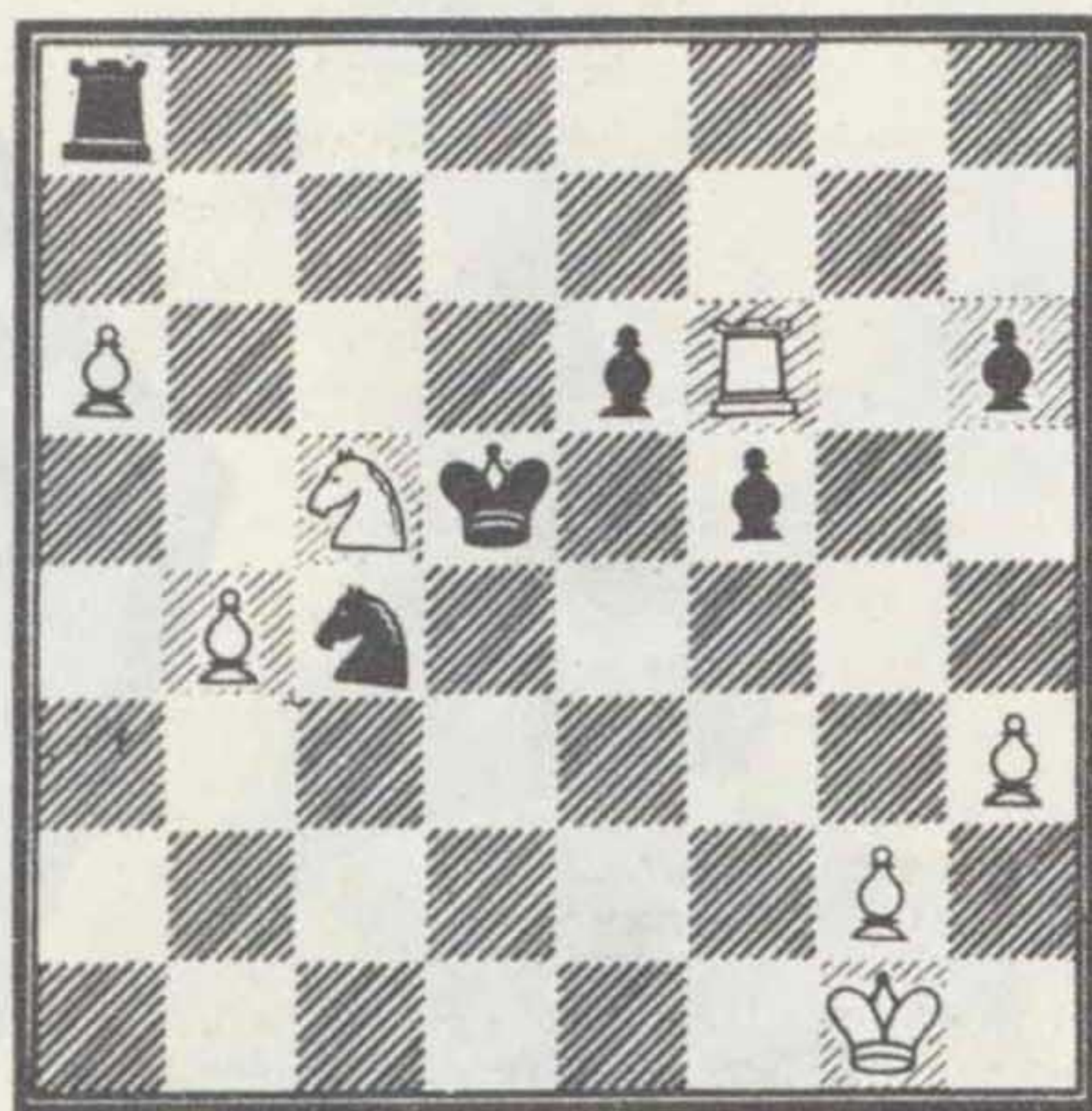
исполнился год, отец был на шахматном фронте, на олимпиаде на Мальте. Год — это год, а в два года мальчик уже может потребовать от отца подарка. Этот фактор явился добавочным стимулом для Карпова-старшего. Папа Карпов заиграл очень вдохновенно, мощно. В спортивном, творческом отношении шестая победа — замечательное достижение, достойное завершения общей, более чем убедительной победы Анатолия Карпова. Вот текст этой прекрасной партии:

А. Карпов — В. Корчной
1. e2-e4 e7-e5 2. Kq1-f3 Kb8-c6 3. Cf1-b5 a7-a6 4. Сb5-a4 Kq8-f6 5. 0-0 Kf6:e4 6. d2-d4 b7-b5 7. Ca4-b3 d7-d5 8. d4:e5 Cc8-e6 9. Kb1-d2 Ke4-c5 10. c2-c3 d5-d4 11. Cb3:e6 Kc5:e6 12. c3:d4 Kc6:d4

(Эту декорацию видели в Мерано три раза. Из трех партий Карпов набрал 2,5 очка.)

13. a2-a4 Cf8-e7 14. Kf3:d4 Ке6:d4 15. Kd2-e4 Kd4-e6 16. Cc1-e3 0-0 17. f2-f4 Фd8:d1 18. Лf1:d1 Лf8-b8 19. Лd1-d7 Се7-f8 20. f4-f5 Ке6-d8 21. a4-a5! Kd8-c6 22. e5-e6 f7:e6 23. f5-f6! Kc6-e5 24. Лd7:c7 Лb8-c8 25. Ла1-c1 Лс8:c7 26. Лс1:c7 Ла8-d8 27. h2-h3 h7-h6 28. Лс7-a7 Ке5-c4 29. Се3-b6 Лd8-b8 30. Сb6-c5 Cf8:c5+ 31. Ке4:c5 q7:f6 32. b2-b4 Лb8-d8 33. Ла7:a6 Крg8-f7 34. Ла6-a7+ Крf7-g6 35. Ла7-d7 Лd8-e8 36. a5-a6 Ле8-a8 37. Лd7-b7 Крg6-f5 38. Лb7:b5 Крf5-e5 39. Лb5-b7 Крe5-d5 40. Лb7-f7 f6-f5 41. Лf7-f6 Черные сдались.

Корчной

Карпов

Вот заключительная позиция решающей, 18-й партии матча.

Вот и все. Финита!

В коллекции у Анатолия Карпова появляется еще одна золотая медаль чемпиона мира. Он стал чемпионом в третий раз — в третий, но, уверен, не в последний.

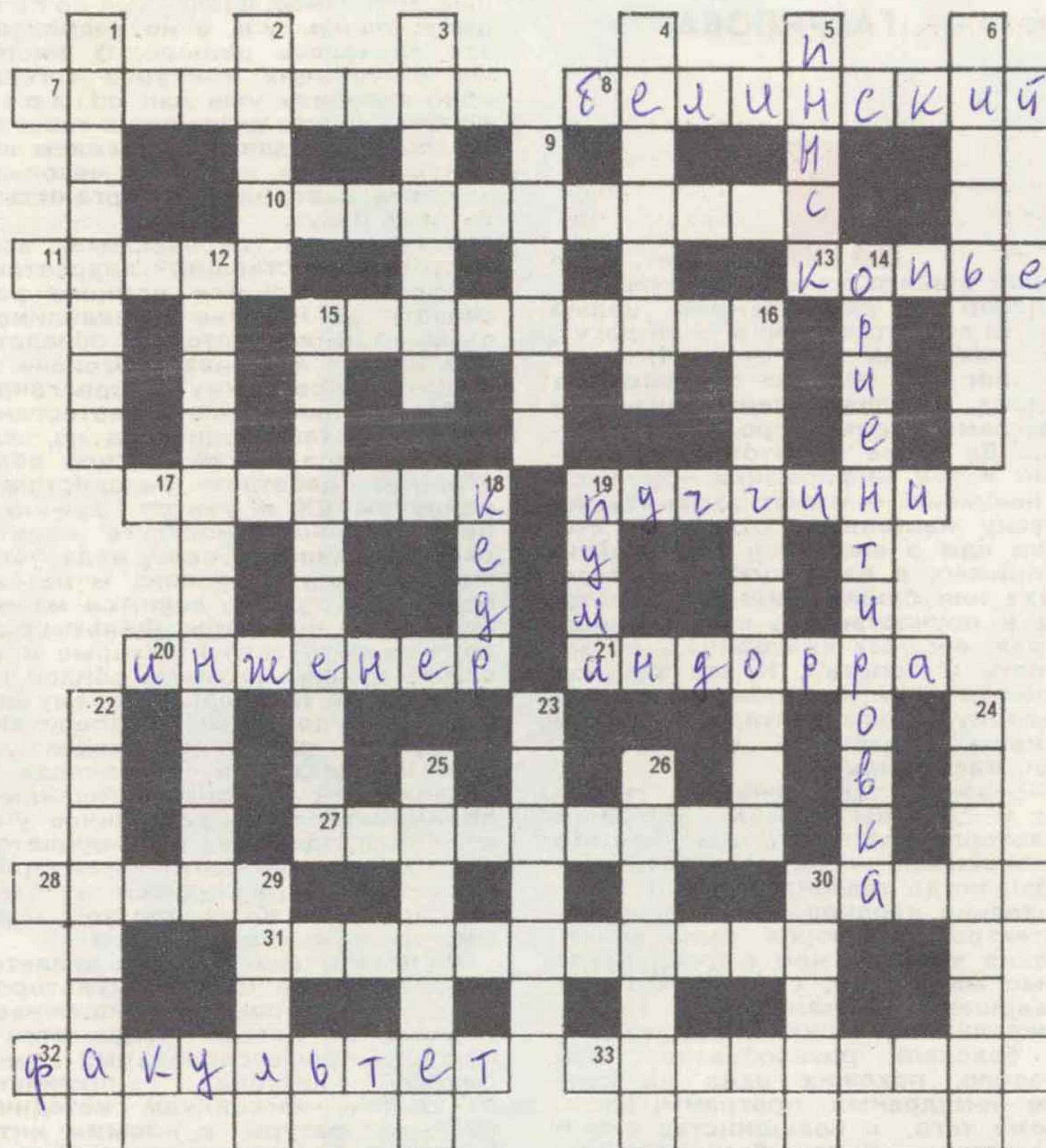
Мы все искренно, сердечно поздравляем Анатолия с великолепной победой, в которой в Советском Союзе никто не сомневался.

Хотя сегодня рановато думать о следующем матче в 1984 году, но хочется высказать такое пожелание: пусть снова будет возрождена добрая старая традиция — провести матчи на первенство мира по шахматам между двумя советскими гроссмейстерами в Москве. Что-то давненько так не было...

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бонн. 23 ноября 1981 года. Во время торжественной церемонии встречи Л. И. Брежнева. Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и Э. Песова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Альпинист, инженер из Таганрога Иван Гноевский на пути к Хан-Тенгри * Ледоруб — третья рука восходителя * Хан-Тенгри — Царь духов * У языка Иныльчека * Палатка на леднике. (См. в номере материал «Здесь рождаются барсы».)

Фото Ю. Макунина

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Дирижер и композитор, народный артист СССР. 8. Русский писатель и публицист. 10. Цирковой артист. 11. Способ спортивного плавания. 13. Легкоатлетический снаряд для метания. 15. Город в Краснодарском крае. 17. Горная порода, поделочный камень. 19. Итальянский композитор. 20. Дипломированный специалист. 21. Небольшое европейское государство. 27. Действующее лицо романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 28. Кристаллический сланец, сырье для щебня. 30. Советский физик, академик, один из основоположников квантовой электроники. 31. Промысловая рыба семейства карповых. 32. Подразделение вуза. 33. Механизм зерноуборочного комбайна.

По вертикали: 1. Четвертая часть круга. 2. Декоративное растение, цветок. 3. Французский драматург XVIII века. 4. Опора архитектурного сооружения. 5. Город в Минской области. 6. Стихотворение Н. А. Некрасова. 9. Плотная шерстяная ткань с ворсом. 12. Украинский педагог, Герой Социалистического Труда. 14. Умение разбираться в окружающей обстановке. 15. Музыкальный темп. 16. Искусственно полученный радиоактивный химический элемент. 18. Хвойное вечнозеленое дерево. 19. Хищное животное, обитающее в Америке. 22. Цикл пьес для фортепьяно Р. Шумана. 23. Глубокая речная долина с крутыми склонами. 24. Горнорабочий, шахтер. 25. Легкое быстроходное судно. 26. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 29. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 30. Текстильные изделия из пряжи для украшения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 6. Установка. 9. Штраус. 10. Самара. 13. «Свиданье». 14. Епиходов. 15. Флур. 16. Навигация. 18. Горностай. 20. Фиоритур. 24. Малиновка. 29. Овен. 21. Индостан. 22. «Рыболов». 23. Сетчатка. 32. Строфа. 33. Неруда. 34. Выпускник.

По вертикали: 1. Ботсвана. 2. Гусеница. 3. Матихин. 4. «Мордовка». 5. Пандури. 7. Нептун. 8. Аммофос. 11. Рефрижератор. 12. Первоуральск. 17. Гоби. 19. Овен. 21. Индостан. 22. «Рыболов». 23. Татикава. 25. Инстинкт. 26. Ондатра. 27. Коркодон. 28. Эллипс.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международной — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 9.11.81. Подписано к печати 24.11.81. А 00468. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 2841. Заказ № 1454.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Не секрет, что порой кое-кто из нас включает телевизор с единственной целью — как-то скоротать вечер, свой досуг, не зная, куда себя деть. Интересно или нет, но мы смотрим все подряд, щелкая переключателем программ. Время проходит быстро... Да разве же этот нескончаемый поток информации — нужной и ненужной — может заменить человеку настоящий отдых? А что, если нам в выходной день пойти, например, в парк культуры и отдыха или ближайший Дом культуры и поучаствовать в подвижных играх, веселых викторинах, потанцевать и попеть?.. И все это под руководством и с помощью хорошего культорганизатора, или, как раньше называлась эта профессия, массовика.

Предвижу скептические улыбки: и где вы видели хорошего культорганизатора? Думаю, что это устоявшееся мнение родилось в те годы, когда телевидение еще только-только входило в наш дом, кинотеатров и театров было значительно меньше, чем сейчас; когда иные массовики, считая, что они совершенно незаменимы, не утруждали себя яркими выдумками, не баловали разнообразием, как правило, похожих одна на другую немудреных программ. Ну и, кроме того, в большинстве своем массовики были бесконтрольно предоставлены самим себе, отчего их культурный уровень зачастую оставлял желать лучшего.

Но, поверьте, многое изменилось с тех пор!

В этом можно было убедиться и на очередном Всесоюзном конкурсе культорганизаторов, который состоялся недавно в Геленджике.

На заключительном туре конкурса было представлено около двухсот программ. В какие только «дела» ни вовлекали культорганизаторы своих зрителей: одни сажали деревья, другие строили дома, третьи ловили рыбу, тут нужно было и пролезть под лошадиной дугой, и кататься на роликовых коньках, и переправляться через болото, разводить костер, играть на гармошке, закидывать мяч в корзину, перетягивать канат и даже пребывать в космической невесомости. Мы познакомились с неизвестными нам доселе национальными играми и обрядами, познакомились с городами, в которых не бывали. Почти все программы были так или иначе связаны с сегодняшним днем, адресованы современнику. Игры, танцы, песни, загадки являлись тут прежде всего средством вовлечения людей в задуманный, содержательный разговор о дружбе, патриотизме, о любви к своему делу, взаимопонимании и доброте.

В 1978 году мне довелось побывать на конкурсе культорганизаторов в Одессе, и можно уверенно сказать, что за эти три года общий уровень конкурса повысился. Многие программы отдыха — и взрослые и детские — превратились в цельные театрализованные представления, хорошо поставлен-

ные и художественно оформленные. И главное, сделанные по принципу: занять ум, а не время, как это случалось раньше. О многих же участниках конкурса сегодня надо говорить уже как об артистах, хорошо владеющих текстом, мыслью, обладающих умением выявить лучшие качества человека, который доверил культорганизатору свой досуг.

Невозможно перечислить всех массовиков, ставших лауреатами смотра, но хочется немного рассказать о Наталье Михайлиной, ставшей и лауреатом и обладателем приза журнала «Огонек» за лучшую программу, пропагандирующую профессию культорганизатора. Наташа приехала из села Лешуконское Архангельской области, где работает методистом в районном ДК и учится заочно в Ленинградском институте культуры. Она живет в селе, куда телевидение еще не дошло, и потому большая нагрузка ложится на местный Дом культуры. Фильмы в село почему-то завозят старые и не самые лучшие (о чем с обидой говорила мне Наташа), и посему жители Лешуконского предпочитают проводить время в самодеятельных кружках или на вечерах, в организации которых Михайлина принимает самое деятельное участие. Все программы сочиняются, так сказать, на местном материале, и Наташе приходится тут быть одновременно и сценаристом, и режиссером, и исполнителем.

И, кстати сказать, это является проблемой для многих культорганизаторов страны. По-прежнему ощущается острый недостаток в хороших профессиональных сценаристах, режиссерах, по-прежнему не хватает массовикам методической литературы с новыми интересными программами. Немало удивляет тот факт, что до сих пор не вышел в свет давно обещанный сборник лучших программ прошлого конкурса. А ведь минуло уже три года, и здесь, в Геленджике, было принято и распространено по стране еще несколько хороших сценариев. Интересно, сколько же лет пройдет, прежде чем они увидят свет?

А как неловко, когда на заключительном смотре конкурса выходит в центр зала красивая молодая девушка и начинает произносить старый-престарый текст с безнадежно устаревшими, а то и просто пошловатыми шутками типа: «Из ничего женщина может приготовить три вещи: суп, прическу и скандал». Ясно, конечно, что здесь немаловажное значение имеет еще и вкус самого исполнителя, но когда же все-таки у него будет богатый выбор современных сценариев, веселых игр и умных викторин? Ведь только тогда мы и сможем в полной мере спросить с той незадачливой девушки и осудить ее за безвкусицу и т. п. А пока... мне было очень ее жаль.

И еще жаль, что до сих пор такое важное, необходимое людям дело (я говорю об истинно культурном отдыхе) кое-где держится только на энтузиазме одиночек. Этого все-таки недостаточно для того, чтобы в один прекрасный день, вернее, в очередной субботний вечер, мы все как один нарядно оделись и быстро зашагали туда, где нас ждут — а мы были бы уже в этом уверены — улыбка, смех, хорошее настроение. И — истинное удовольствие от живого общения с себе подобными.

Зрители довольны...

Галина Скрипник из Кременчуга ведет разговор с детьми.

ДАРИТЬ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ

Веселый бег по канату.

Участница конкурса Венера Калачян.

Ловись, рыбка, большая и маленькая!

Эстонская программа «Мы в школу пойдем».

Аттракцион не из легких.

